84(2=411.2)6
К М28

Анатолий Марласов

ИЗБРАННОЕ

12+

Анатолий Марласов

ИЗБРАННОЕ

Ханты-Мансийск
Издательский дом «Новости Югры»
2014

- 01739991 -

Государственная библиотека Югры

КО

УДК 82.0
ББК 84 (2=411.2) 6–5
М 25

М 25 **Марласов Анатолий.** Избранное. – Ханты-Мансийск: ОАО «Издательский дом «Новости Югры», 2014. – 320 с.

ISBN 978-5-4422-0047-8

© Марласов А.М., 2014
© ОАО «Издательский дом «Новости Югры», 2014

Аннотация к книге «Избранное»

В книгу «Избранное» известного поэта Анатолия Марласова – заслуженного работника культуры России, члена Союза российских писателей, члена Союза журналистов Российской Федерации – вошли стихи, посвященные Крайнему Северу, любви, современной жизни, событиям 1991–1993 гг., а также – ироническая поэма «Литературная Жутень».

Бойкому поэту

Знакомы все с эпохи Евы
С твоею разнорукой славой –
Ты пишешь вирши только «левой»,
А деньги забираешь «правой».

Я думаю, как ты войдёшь

Я думаю, как ты войдёшь,
Куда своё счастье положишь,
И как не заметить мне ложь,
Когда ты укроешься ложью.

А, может, мне двери закрыть,
И окна, и форточки тоже,
Смеяться, но не говорить
С тобой, переполненной ложью?

И ложь улетит в небеса,
И с неба посыплется дождик,
И честные вроде глаза
Со мной рассчитаются ложью.

Скоро холод адский

Скоро холод адский,
Скоро холод лютый,
Очень-очень скоро –
Через три минуты,

Через три мгновенья,
Через три дыханья
Ты войдёшь и сразу
Не узнаешь хату.

Да, картина тут же
Будет в ней иная –
Стёкла на оконцах
Льдом запеленает,

И вода в системе
Вмиг заледенеет –
Делать это быстро
Только ты умеешь.

Зуб на зуб – и сразу
Буду синий-синий,
И спасёт от стужи
Только холодильник.

Ты тихо постучалась в моё сердце

Ты тихо постучалась в моё сердце,
Так тихо – только вздрогнули ресницы,
Что даже муж, сидящий по соседству,
Со стула своего не смог свалиться.
Он очень крепко, крупно восседал.
Он сюзерен, он муж, а ты – вассал.

Я не был для души твоей мессией,
Инстанцией изысканно влюблённой,
Но утверждал я, что в стране Россия
Свободны дети, и мужья, и жёны.
Свободные в Америке, увы,
В России нет свободных... от любви.

Свободные от жадности и дрёмы,
От сытости свободные и света.
Свободную любовь не признаём мы,
Её лишая воздуха и ветра.

Свободна, да! До страсти снизойдя,
Ты ворвалась с наивностью дождя!

И в сюзерене всё загрохотало –
Все децибелы в гулком барабане...
И вдруг тебя не стало, нет, не стало!
И с той секунды медленно текут
Секунды жизни – несколько секунд.
И если б смог сказать тебе когда-то,
Что думал я в последнее мгновенье,
Я б так сказал: «В Америку, ребята,
Я ухожу без крова и без денег!»

Ладонь о ладонь

Ладонь о ладонь – и огонь,
Я прячусь в забытые щели
Вчерашних мечтаний.
Не тронь!
Иначе сорвутся метели,

И скорбно усыпят снега,
Цветные дожди-серпантины.
Ладонь о ладонь, но рука
Змеёй ускользает за спину.

Но жизнь принимаю и верю

Но жизнь принимаю и верю,
Когда-нибудь вас осенит –
Я выпорхну в тихие двери...
В каком это ухе звенит?

Я буду скитаться и плакать,
Дождём проходить стороной,

И добрая фея-собака
Поделится костью со мной.

И трижды поверив в Россию,
Как в детстве я верил весне,
Сказал я не очень простые
Слова: «Это «да» или «нет»?

И кто мне печально ответит,
И кто разорвёт эту нить,
Зачем существую на свете,
В каком это ухе звенит?

Я «нет» понимаю согласьем,
Я «да» принимаю как «нет»,
Раздвоенный мир мой прекрасен,
На тьму разделённый и свет.

Вот и всё...

Вот и всё...
Вот и всё, что прошло,
Пролетело, промчалось, исчезло...
Возвращаюсь в своё село
Как начальник в знакомое кресло.

«Подлокотник» – ах, Боже ты, мой.
«Палисадник» – вот это награда!
Я иду после жизни домой,
Ничего мне теперь не надо.

Поливаю простые кусты,
И они вырастают, поверьте,
Как встревоженные кресты,
После глупой, вообще-то, смерти.

Синий свет от луны иссяк –
Вот и всё,
Вот и всё, что было...
А в селе нашем был ишак,
А ещё ты меня любила.

Волк с вороной

Волк с вороной на Ан-2
Кружат в поднебесье,
Закружилась голова,
Настроенье бесье.

Волк, как будто зная толк,
Вырвал руль – в окошко.
Что ты делаешь, о Волк?
Я торчу немножко.

И когда Ан-2 их вдруг...
То ворона смело:
«Продолжай торчать, мой друг,
Я же – полетела».

Я был один...

Я был один... Пустынная стезя
Вела меня в печальное унынье.
Врачи мои показывали спины,
И улыбались глупые мужчины,
И опускали женщины глаза.

Я вынужден был всё-таки идти
Туда, куда вело предназначенье,
И понимая то, что я не гений,
Я пел не гимны,

А по настроенью,
И не сбивался с верного пути.

Но был один...
А кто сказал, что боль
Простого, извините, человека
Не излучает, как мерцанье печка,
И сахар, рафинированный в вечность,
И вечность, растворимую как соль.

«Тихая моя родина»

(Н. Рубцов)

Мало ль, какое лихо
Жизнь потрясало мою?
Родина, если тихо
Песню пою.

Не претендуя на званья
И на высокий пост,
Как деревенский Ваня,
Что по соседству рос,

И в подростковой ломке,
И в пожилом басу
Пел он всегда негромко –
Дома, в степи, в лесу.

Стоило появиться
Песне его простой –
Даже пугливые птицы
Не улетали с кустов.

Слушали и стены
Тихий напев души,

Даже пахучее сено,
Ветреные камыши.

Пел и морозным утром,
Осенью и весной,
Но лишь когда безлюдно,
Наедине с тишиной.

Он объяснял неловко
Странность эту свою:
«Я ведь того, негромко,
Я для себя пою».

За деревней Корлики

За деревней Корлики центр географический,
Центр – понимаете? Центр – СССР!
Не хватает толики – линии графической,
Не хватает малого. Москвы, например.

Собрались учёные на Совет учёный.
Надо бы воздвигнуть памятник такой,
Чтобы Центр этот, нами уточнённый,
Как-то возвышался над глухой тайгой.

Заказали памятник, пригласили прессу –
С помпою хотели всем открыть глаза,
Но в Кремле сказали: «Это интересно,
Но трубить об этом очень-то нельзя».

А когда учёные кинулись в резоны,
Им, как первоклассникам, дали мерку цен –
Дескать, что там скажут господа в ООНе,
Только лишь услышат про этот самый Центр.

Скажут, не поморщатся: «Русские без ропота
Признают, что Центр их в Азию попал.
Что же, – скажут, – милые, лезете в Европу вы?»
И Москву придётся нам сдвинуть за Урал.

Тихо, тихо, тихонько – без особых почестей
Деревянный памятник в Корлики свезли,
Написали скромненько, но зато по совести:
«Центр здесь Советской матушки-земли».
Можно и закончить бы эту вот историю,
Но пришёл медведь сюда грозный – не моги,
Зарычал учёным вслед: «Разлетись, которые!
Я – вам тут хозяин, я – вам пуп тайги,

Я – и сам как памятник!» Хрясть – и нету оного,
Порычал, поохал, на то место сел...
Так вот за буржуев, за этого ООНа
Центра мы лишились в СССР.

Растратил я свои карандаши

Растратил я свои карандаши
На белую отчаянность души,
И даже моя чуткая жена,
Глаза свои печальные распучив,
Сказала: «Я послала его на...
Приобретенье разных авторучек».

Я ненавижу черноту чернил,
Я сам себе расправу учинил,
Я сам себе судья и сам палач –
Поэзия и жизнь, увы, не саммит –
Стираются – да! Смех и плач,
Когда не сердцем, а карандашами.

Шуточное

Наталья Валентиновна Хвастанцева,
Со мной знакомством вам не стоит хвастаться...
Поэт, бродяга – экая бодяга,
И к женщинам таинственная тяга,
И к алкоголю явственный намёк,
И возраст мой от среднего далёк...

Но всё-таки, Хвастанцева Наталья,
Меня, поэта, чтит сама Италия –
А это, моя милая, вы знайте,
Не самый худший в свете показатель,
Не говоря о Кубе и Китае,
А там меня-то всё-таки читают.

Но женщин я люблю – могу повеситься,
Любовь поэта – это как профессия.
И если я, как деревенский лапоть,
Вдруг перестану это чудо лапать,
Вы скажете презрительно: «О, нет!
Он – не поэт!»

Хвастанцева Наталья Валентиновна,
Поэт без алкоголя – блажь наивная,
Но, следуя Джавахарлалу Неру,
Я выпиваю искренно, но в меру...
Поэт в России больше, чем в другой
Стране обязан пить... Ведь он – изгой!

Наталья Валентиновна Хвастанцева,
Мой возраст – изумительная станция.
И мистер Холмс, и даже доктор Ватсон
Поставили диагноз – восемнадцать!
Поэт в России вечно молодой.

Хотя козёл трепещет бородой!
А то, что я директор учреждения,
То это просто – гонорар для «гения»,
Ведь если бы не эта наша отрасль,
Я бы погиб не на дуэли... Просто –

Поэт в России больше, чем поэт
В другой стране, зависит от монет.

Не прав поэт

Ведь это как уж посмотреть.
Пойми, о Боже!
От водки можно умереть,
От жизни тоже.

От распроклятой от такой
Не уклониться.
Не прав поэт – нам и покой
Уже не снится.

И гаснут, гаснут фонари

И гаснут, гаснут фонари,
Как и твои уста.
Ты мне, пожалуйста, не ври,
Пожалуйста...

Пожалуйста,
Не надо мне
Сто обожателей –
И по зиме, и по весне
Не ври, пожалуйста.

И летом тоже говори
Мне только правду лишь,
И даже осенью не ври,
Не ври, пожалуйста!

Природа плакала

Природа плакала – шёл дождь –
Мне десять лет, я помню это.
В Москве далёкий умер вождь,
А Пятигорск родил поэта.

Я написал свой первый стих
О том, что плакала природа,
И мёртвый вождь для остальных
Был символ русского народа.

Я вовсе не подозревал,
Мой кругозор, увы, был узким,
Что есть обманщики-слова,
А Сталин был вообще нерусским.

Я не оправдываю всех,
Но что за память у народа?
Шёл дождь – и плакала природа,
Вождь приказал – и выпал снег.

Жалкое потомство

У земли последний глаз –
Выкатилось солнце.
Оглядело солнце нас –
Жалкое потомство!
Что мы знаем своего
Перед жизнью вечной,
Перед Богом и его
Станцией конечной?

Как время

Как время отражается во мне,
И так же я в нём отражаюсь.
Моей-то стало нелегко стране –
И сердце моё, горестное, сжалось.

Страна потом отправится в полёт
И никогда не всхлипнет надо мною,
А сердце разорвётся и умрёт,
Но что за счёты со своей страною,

Но что за счёты с Родиной своей?
Я понимаю искренно и чётко,
Что счёты – это чёткость палачей,
Им не родня родная даже тётка.

И вот тогда, когда войдёшь теперь,
Когда ремни затягивают туже, –
Как время отражается в тебе
И кто ты – солнце или лучик в луже?

А вот теперь

А вот теперь,
Когда ты в дверь войдёшь
И распахнёшь её своей улыбкой,
То я пойму –
Такая это ложь,
Такая это грубая ошибка.

Ты будешь лгать на чистой белизне,
И вынужденной близостью я снова
Не буду знать – ты не поверишь мне,
В моё, почти заоблачное, слово.

Оно звучит, но сочиняет стук
Как бы давно заброшенного гнева,
И вот теперь, когда войдёшь ты вдруг,
Я всё пойму – и улечу на небо.
Я буду там на должности лихой,
Я буду там изображать Иуду,
Но главное – не буду я стихов
Слагать, как на земле,
Слагать – и лгать
Не буду!

Мираж

Краса любимая моя,
Всё для меня в тебе так любо –
Коса прекрасная твоя
И небалованные губы...

Признался – и ажиотаж:
«Да как он смеет!
Видно, пьяный».
А ты лишь навсегда – мираж,
Мой белый парус в океане.

Я начал, ребята, датировать

Я начал, ребята, датировать
Всё то, что пишу не спеша.
Наверное, катапультирует
В прекрасную вечность душа.

Не верю в поэзию «датскую»,
Не верю я в магию дат,

Я знаю, что участь солдатская
Всегда настигает солдат.

***

На синей у неба открытке
Пора написать мне, пора:
В поэзии есть Маргаритки,
Но всё-таки есть Мастера!

Рассыпаны россияне

Рассыпаны россияне,
Как росы по разным цветам.
Возьмите любые страны –
И там, где растут бананы,
И там, где летают фазаны, –
Вы русского встретите там.

Шутка

Когда хочу кирнуть я,
А я хочу всегда,
Не надо: «Утя-утя!
Мол, водка – не вода.

Её не много выпьешь,
Сгоришь в её огне».
Да прекратите хипиш –
Подайте рюмку мне!

Когда же похоронят,
Друзья подскажут вам:
«Он рюмку не уронит
И там!»

Государственная библиотека Югры
КО
-0173991-

А.А. Одинцову,
управляющему
регистрационной палатой

Заявление

Александр Алексеич
С грустным словом – Одинцов,
Помоги, если успеешь,
Помоги, в конце концов!

Мы с тобой почти как братья,
Не сочти это за лесть –
У тебя своя Палата,
У меня палатка есть.
Я прошу, чиновник милый,
Как печальный воробей,
Ты, как брат, зарегистрируй
Ту палатку побыстрей.

Да, по правилам за месяц,
Но прошу тебя – за день,
А не то меня повесят
В славном городе Тюмень.

Александр Алексеич
Одинцов, я одинок,
Но и я, коль ты заметишь,
Также в жизни не пророк.

Также в жизни одиноко,
Одинцово на душе,
Укусил бы близкий локоть,
Только нет его уже.

Откусили, откусили,
Откусили локоток.
Срок решает всё в России,
Всё решает в жизни – срок.

***

Если обидеть, пожалуй,
Надо в себе увидеть
Зверя! А я и жабу
Так и не смог обидеть.

Вряд ли ты это приемлешь,
Жаба моя, моя.
Надо б тебя – об землю!
– Был бы царевичем я.

***

Умеем мы похуливать
Кукушку: «Ку-ку-ку!»
И домик свой, и улицу,
И родину свою.

Заявление

Я прошу у вас отгул
Не за водочный загул.
Это было бы так просто,
Вы бы поняли грехи –
Я всю ночь был словно остров,
А вокруг меня – стихи...

С.З.

Давай, Серёга Завалеев,
С тобою дружбой заболеем.
Я чувствую своим нутром,
Что хорошо мы заживём!
Но только есть в душе тревога –
Ты громко говоришь – и много!

***

Что мы в жизни этой стоим?
Я совет нетрезвый дам –
Пьянству – бой!
А перед боем
Надо выпить по сто грамм!

Пьянство чудом победили –
Это очень хорошо...
Перед боем, помнишь, пили?
За победу бы ещё...

А в Касли

А в Касли меня пасли.
О, тебе хотелось,
Чтоб моё в твоей Касли
Отчугунить тело.

Я ответил: «Не проси!
Я пишу не прозу,
А поэтов на Руси
Отливают в бронзу!»

Выезжала королева

Выезжала королева –
Как хотелось ей, налево,
Но она – святая пава –
Повернула, но направо.

А король, характер зная
Королевы дорогой, –
«Ты поехала, родная,
Но дорогою другой».

А так хотелось

А так хотелось, так хотелось
Своё в гробу увидеть тело

И на своих поминках выпить,
И, основательно поддав,

Сам от себя куда-то выйти,
В чужую плоть, в иную даль.

Две войны

Две войны Отечество
Русское вело –
С Францией, с Немечеством...
В двух ей повезло.

С алкоголем третья
На Руси война.
Победитель?
Верьте –
Будет не она.

Я водку пил и пил вино

Я водку пил и пил вино,
Но трезвым был всегда,
Лишь потому, что верил я –
В них чистая вода.

А то, что крепость в них порой
И развесёлый рай,
Казалось звёздною игрой,
В которую играл.

Депутату Михалко

Как ни грустно, как ни жалко,
Но Михалыч – не Михалко,
А простой Михалыч,
Но зато за депутата,
Это правда, это свято,
Помолюсь я на ночь.

Как течёт в России Волга,
Пусть живёт Михалко долго,
Пусть поможет он поэту,
Пусть положит он монету,
Хоть из чувства долга.

Впрочем, он не должен, право,
Ни налево, ни направо,
Только так – любя...
Потому что нет такого,
Даже нужного закона,
Есть простой, как воздух, принцип:
«Каждый за себя».

Пусть поэт представит смету,
Если так уж нужно,
Что положено поэту
На обед и ужин.
Завтрак? Это ерунда.
И пошёл он на хер –
Есть заварка, есть вода.
Ах, ещё и сахар?
Это шутка, между тем,
Иногда я тоже ем.

Депутата, уж поверьте,
Через множество годов
Обвинят в голодной смерти
Неродившихся стихов.
Я – поэт!
Но чувствую,
Что уже отсутствую...

Я умру, наверно, на рассвете

Я умру, наверно, на рассвете,
Скромно, добродушно – без затей,
Чтоб не испугались даже дети
Чёткой неподвижности моей.

Я им тихо расскажу оттуда
Облаками – Морзе из небес:
«Я вернусь стихами, словно чудо,
Я не умер – временно исчез».

И прекрасная боль, и дорога

И прекрасная боль, и дорога –
Только, люди, не трогайте Бога.
Виноват я в сомненьях своих,
Только я! Подтверждение – стих.

Что такое стихи – это слабость,
Но не к власти я падал, а к бабам.
Я как раб, я трудился усердно,
Извини ты меня, моё сердце.

Я сочинил снег

Ты понимаешь – сочинил я снег
Лишь для тебя одной, а не для всех,
И дождь полил, полил не просто так,
А потому что плакал я, дурак.

И сочинил я ветер, чтобы он
Твоей красою был бы удивлён,
И тучи, словно брови, для тебя
Придумал я – ничтожная судьба.

***

Я в ожидании чего-то –
Чего-то светлого живу,
Не замечая ни чахотки,
Ни тяжких бревен на плаву.

Но где-то там – одним касаньем,
Каким-то зреньем боковым,
Как ханты чувствую – камлаю
К своим секундам роковым.

Земля рожала Солнце

Земля рожала Солнце... Плод её
Был красным от потуг беззвучных криков,
И Неба плоть, и плоть Земли, и всё
Вдруг озарилось Вечным и Великим.

А я шагал навстречу переменам
И думал сокрушённо и светло:
«Мне далеко ещё до джентльмена,
Но всё-таки мне очень повезло».

А мирозданье Звёзд и всех Планет
Внимательно на Женщину смотрело,
Которая дарила дивный свет
Из своего космического тела.

Но переменам шествуя навстречу,
Я напевал банальное танго:
«Ещё не вечер, нет, ещё не вечер»,
Я не учёл движения всего –

Я не учёл движения сердец,
Порывы ветра, музыку скольженья.
И алгебру ума, и, наконец,
Я не учёл... таблицу умноженья.

Шутка

«Здравствуй, солнце моё», –
Говорил я девчонке,
Самолёт и её
Охраняя, как Чонкин.

На посту я стоял
Очень строго и чётко,
«Дурака» не валял –
Охранял я девчонку.

Но признаться пора,
Это ей надоело,
Задремал я вчера –
И она улетела.
Улетела – куда?
Извините – не знаю.
Вот такая беда,
И теперь я страдаю.

Моя поэзия остра

Моя поэзия остра,
Как непричёсанная дева.
Её тащу я силой впра...
Она шарахается влево.

Куда ж ты, милая, куда?
Там обрываются ступени,
Там начинается беда,
Там горе начисляет пени.

Но что поэзии?
Она,
Не зная тех житейских правил,
Меня влечёт собою –
На поклоненье глупой славе.

А я-то знаю – там беда!
И потому иду степенней,
Но ближе тёмная вода –
И обрываются ступени...

У меня шикарный пёс

У меня шикарный пёс
Родом из Сеула,
Я его в холодный нос
Иногда целую.

Есть у нас холёный кот
Родом из Саами,
Это чистый обормот,
Террорист упрямый.

Есть у нас и попугай
Родом-то с Майами.
От него и шум, и гам –
Больше, чем от мамы.

Есть гремучая змея
Родом из Китая...
В общем, русский только я
И сестра родная.

Уж лучше бы стихи

«Что нового, маэстро?» –
Спросил меня чудак.
Вчера поставил тесто,
Но, видите, не так.

Сегодня я сварганил –
Такие калачи!
Не калачи, а гадость –
Уж лучше бы стихи.

Что наша жизнь?

Что наша жизнь?
Комедия и фарс,
Трагедия и драма?
Вероятно...
Но дата – солнце
Освещает в нас
И всполох счастья,
И несчастий пятна.

Тем более, коль дата та кругла,
И Богу лишь известна дата смерти,
И вы поверьте, искренне поверьте,
Что мы живём по логике угла.

Она уже стремится остриём
Вонзиться в непонятные основы.
Мы презираем жизнь (конечно, снобы),
Но всё-таки мы влюблены в неё,

И музыка звучит у нас в душе,
И мы готовы к солнечным дорогам,
И даже дата, круглая уже,
Нас не страшит очерченным итогом!

Верую свято

Верую свято в единого Бога –
Нету прекраснее полного рога!

В Бога единого верую свято –
Нету ужаснее водки проклятой.

Верую свято в единого Бога –
Да! Опохмел – это к солнцу дорога.

И почему за границей неистово
Все утверждают, что мы атеисты?

Белый сад

А я рисую сад...
В саду аллея –
Она черна, как исповедь Малея,
Налево – Чёрт, направо – Ангел белый,
Но я, увы, художник неумелый,

И нет во мне тревожно-чёрных красок,
А потому я буду очень краток
И напишу картину – не квадрат,
И нареку картину – «Белый сад».

Тишина в деревне...

Тишина в деревне... поздно,
Наблюдаю у окна,
Как бесстрашно рвутся звёзды
На планету – в гости к нам.

А звезда, что долетает
До земли, до ручейка,
И не тонет, и не тает,
Превращаясь в светлячка.

И чем больше светлячков тех
Удивительнейших ряд,
Тем скорее в светлой кофте
Выйдет красная заря.

Люди встанут – знать не будут,
Как стремились звёзды к нам,
Да и я потом забуду
Ночь у этого окна.

***

Жизнь разлетается на части,
А я и не подозреваю,
И думаю, что это счастье,
Тропинка к маленькому раю.

Бегу по солнечной тропинке,
Мечтаю радостно: «Под дождик»,
А надо мной мои ботинки
Смеются рваною подошвой...

Мы спорим, друг мой!

Мы спорим, друг мой!
Ну давай – скажи,
Ответь мне просто и, конечно, искренно –
Чем правда отличает ото лжи,
Чем правда отличается от истины?

Нам много лет твердили про одно,
Оно вошло в нас с кровью материнской,
Ей верили, как верят правде, но
Та правда оказалась ложью свинской.

Как ото лжи очистились умы,
Когда сердца очистились от грязи,
Вдруг оказалось – не готовы мы
Сейчас же перейти из грязи – в князи.

А истина, как прежде, далека –
Она, как горизонт, то исчезает,
То прячется в седые облака,
То убегает, как трусливый заяц.

Мы спорим, друг мой.
Ну, руби сплеча,
Ответь мне просто и, конечно, искренно,
Но друг мой почему-то промолчал,
Хотя в глазах – сочувственная искорка.

Обращается к вам

Обращается к вам респектабельный,
Бородатый такой джентльмен –
Член Союза российских писателей
И, вообще, замечательный член.

Говорит вам слова он хорошие,
Поздравляет с рождением вас,
Утверждает – с подобною рожею
Надо водочку пить, а не квас.

Вы не слушайте очень внимательно,
Пьёт не водочку, а ерунду
Член Союза российских писателей –
Салициловую кислоту!

Он с богатой такою фактурою
Пятый день на диване своём
Всё валяется с температурою
И не может унизить её.

Всех сидящих в застолье приятелей
Поздравляет так искренне он –
Член Союза российских писателей,
Член ЮНЕСКО, ИФЛА и ООН!

***

В глазах у нас ты не уменьшена
В сто тысяч раз.
Ты – удивительная женщина,
Ты – поразительная женщина,
Ты – исключение из нас!
И если по тебе заплачет,
То лишь тюрьма...
А кто иначе?

***

Светомузыка души –
Серебро! Карандаши!
Никакой цветной фломастер
Не заменит это счастье –
Быть простым и радостным,
А не сложным, пакостным...

России

К ВАМ всегда обращаюсь на «Вы»,
Вы меня посылаете к чёрту.
Искажённое чувство любви,
Словно лезвием, режет аорту.

Я за горло рукою держусь –
Говорить по-другому не смею.
Я люблю тебя, милая Русь,
И хочу, чтоб была ты милее.

Я оглохну от шума травы
В историческом переплёте.
Искажённое чувство любви –
Как убитая птица в полёте.

Плакать хочется

Плакать хочется – слёзы в разбег.
Там весна – значит дождь, там зима – значит снег.
Засмеяться – опять не понять что к чему –
То ль от солнца ослеп, то ль воткнулся во тьму?
Удивительной влажности наша страна –
И от слёз и от смеха вся иссохла она...

Когда мне не хватает кислоты

Когда мне не хватает кислоты,
Я ем лимон.
А почему же ты
Меня всё ешь? Неужто я лимон?
Нет, видно, я – беспечный охламон,
Не будь таким – тебе для красоты
Добавил бы синильной кислоты.

***

Не надо женщину бояться –
Она придумает сама
Полувоздушные объятья,
Полупрозрачные слова

И будет счастлива безмерно,
И будет счастлива навек,
Что ею, сочинённый верно,
Живёт на свете человек.

Нет, не весёлые грехи

Нет, не весёлые грехи
И не печальные приметы –
Не переделывай стихи
Других поэтов.

Пусть даже строки их лихи,
В них много ветра,
Не переделывай стихи
Других поэтов.

Они печальны и тихи,
Они мерцают.
Не переделывай стихи,
Не лезь в сердца их.

Шутка, но...

Не терзай классическим этюдом
Сердце музыкальное, увы,
Я его выдерживаю чудом
На границе гнева и любви.

Я люблю мелодии простые –
В них купаюсь с резвостью коня,
Я люблю мелодии России,
Незамысловатые, как я.

И она ответила с улыбкой:
«Это просто, но на первый взгляд –
Над моей измученною скрипкой
Звуки гениальные летят».

***

Москва по сравненью с Тюменью
Чистый рай – чистота, красота,
Ощущенье, что пахнут сиренью
Даже мусоропроводные места.

А если сравнить по духовной сути,
Тюмень гораздо чище Москвы –
У нас элементарные суки
Имеют понятие о любви.

Продаётся поэт...

Продаётся поэт...
Нет, не книги его, а страна –
Сторона, где красивые ставни и вишни.
Не ищу я – кого это всё же вина –
Видно, я уж по возрасту к старости вышел.

Бисер слов собирается в песенный след,
Он зачтётся, зачтётся на стремительных склонах.
Продаётся Россия – вместе с нею поэт,
И цена-то циничнее аукционной.

***

Зачем стремительные слёзы
Меня пытаются – насквозь?
Наверно, так железный гвоздь
Целует девственность берёзы.

Берёза плачет, как душа,
Моя душа невольно плачет,
А это, знаешь, много значит –
Твой гвоздь, как гость... Он не спеша...

Судьба

Распоряжается судьбой
Всё повторяемое рондо,
Будь снисходительной судьёй –
Скажи, что я седой, но модный.

Жизнь утомительна пошла,
Жизнь удивительно прекрасна –
Она случайно манит сказкой,
Когда практически прошла.

***

Не есть закономерность – случай,
Какой является судьба,
И я не знал бы эту участь,
Когда б не встретил я тебя.

Теперь, почти уже под старость,
И я не тот, и ты не та,
Но всё ж, любимая, осталась
В тебе былая красота.

***

Ты должна меня принимать,
Хоть какой я – хоть никакой.
Я притронулся к Богу рукой,
Не хочу я её отнимать.

Это Бог мне диктует судьбу,
Я хочу тебя уберечь –
Не мешай мне талантливо лечь
И устроиться ловко в гробу.

Посажу я вишенку

Посажу я вишенку –
Пусть она растёт.
«Может, будет лишняя», –
Кто-нибудь вздохнёт.

Посажу я грушеньку,
Посажу – и всё.
Кто-нибудь покушает
Фруктов от неё.

Может, не заметите
Этот скромный стих,
Но пройдут столетия –
Будет сад расти.

Я – открытый для ветра

Я – открытый для ветра
И для солнца открытый,
Не играю я в мэтра
На подмостках событий.

Я готов расколоться
На мельчайшие части,
Чтоб тащить из колодца
Вёдра, полные счастья.

Улыбайтесь, любите,
Уходите в запои,
Но на сцене событий
Будьте, люди, собою.

***

Не программируйте вы смерть,
Не отмечайте окончанье,
Она всегда, как чудо-чайка,
Не признающая примет.

Умрёте тихо и светло,
А ведь когда-то жили-были,
Ну, значит, вам не повезло,
Ну, значит, где-то... нагрешили.

***

Я не пишу вам на сайте:
«Дабыл, собачка и ру».
В книгах меня почитайте
После того, как умру.

Эти дурацкие сети
Так уж запутали жизнь!
Нет и меня в Интернете –
В книгах останусь я жить.

***

Я – беспокойный товарищ,
Но признаю я грехи –
Ты мне и гладишь, и варишь,
Я сочиняю стихи.

Всё это зыбко и жалко,
Шапку снимаю, мадам, –
Варево ваше и глажка
Неадекватны стихам.

Чего ты хочешь?

Чего ты хочешь, ангел милый,
Чего ты крыльями шуршишь?
Я не приятный и постылый –
Инакомыслящая мышь.

Я неприступен, как заразный,
Как в солнцепёки – виражи.
Чего ты хочешь, ангел сказки,
Хоть с отвращением, скажи.

Но знаю я – пройдёт немного,
И спросишь ты уж у меня:
«Чего ты хочешь, ангел Бога,
Хранитель мощного огня?

Ты неприступен, словно крепость,
Я атакую, но, увы,
Солдаты-чувства так нелепы
Под артобстрелами любви».

И я предчувствую уныло,
Как задохнувшаяся мышь,
Твои слова: «Чего ж ты, милый,
Чего ж ты крыльями шуршишь?»

Осень

Прожилки зелёные сосен
Среди белоснежных берёз –
Вот так начинается осень.
Надолго... навечно... всерьёз.

Вот так начинается скука
Занудных осенних дождей.
Луна, как печальная сука,
Завоет навстречу беде.

И вой её синий-пресиний
Затронет моё существо,
И станет тревожно в России
От этого лиха всего.

И будут дороги без толку –
Не будет тропинки назад...
Печально, всерьёз и надолго
Затихнет пристыженный сад.

В лучах утопает Россия

С утра торопливые тучи
Всё двигались к центру земли,
Но всё же, страдая падучей,
Пролиться дождём не могли.

А мы, задыхаясь от зноя,
Молились лишь только о том,
Чтоб влажность повысилась втрое,
Давно позабытым дождём.

Но к вечеру вся изменилась
Картина на знойном холсте –
И молния вдруг появилась
С лампадой, светящей в хвосте,

И гром нам печатался в уши,
И молния снова в глаза.
Исчезло понятие «суши»,
Но звать её «морем» нельзя.

Дождались дождя, допросились,
В шлею нам попала вожжа,
И вот она – Божия милость,
И вот оно – чудо дождя.

В слезах утопает Россия –
И нет, нет в России вождя!

1989 г.

***

Я независим от России,
Я независим от неё,
Как те патроны боевые,
Что не вмещаются в ружьё.

Она меня не то, чтоб очень.
И я её не то, чтоб «ах»,
Но если вдруг заплачет осень,
И я заплачу, как дурак...

***

Мои друзья, товарищи, поверьте:
Дурак – о смысле, умный – о своём.
Кто меньше предназначен для бессмертья,
Тот больше беспокоится о нём.

***

Не милости прошу у Бога,
А независимости той,
Чтоб жизни дальняя дорога
Казалась маленькой тропой.

А то, что было, как мгновенье,
Как очень узкая тропа,
Родило вдруг стихотворенье,
В котором вся моя судьба.

***

Даже если жена
И ехида-подруга,
То причём тут страна,
Эта мрачная ругань?

Пусть летят облака,
Пусть тревожно от снега,
Но весною река
Лёд глотает от смеха...

***

Когда б я мог лукавить,
Не чувствуя вины,
Я положил бы камень
В сознание страны.

Когда б я был уродом –
Безумные глаза,
То я б сказал народу...
Но, слышишь, не сказал!

***

Детство, отрочество, юность
Между берёз и полей,
Годы звучали, как струны
Жизненной арфы моей.

В детстве другие тугие,
Мощные струны, потом
Несколько всё же другими
Звуками полнился дом.

Помню я скрип половицы,
Погреба кашель глухой,
Смачно кудахтали птицы
После любви с петухом.

ЭТО уже понималось,
ЭТО звучало в душе,
И петушиная ярость
Трогала сердце уже.

Юность оставила звуки
Самых тончайших из струн –
Девушек звонкие руки,
Сильную тягу к перу.

Божья воля

Божья воля есть на всё,
Я задумался немного:
Неужели на враньё
Есть благословенье Бога?

Есть у нас один поэт,
Пишет складно, пишет много –
Только правды, правды нет...
Неужели ложь от Бога?

Есть начальница – её
Все слова звучат неплохо.
Неужели на враньё
Есть благословенье Бога?

У меня жена-краса,
Я её благословляю,
Но зачем мои глаза
По красивостям гуляют?

Я сегодня над собой
Изумился на мгновенье –
На куренье, на запой
Тоже есть благословенье?

Божья воля есть на всё,
Справедлив он, как батяня,
Он простит мне и враньё
За готовность... к покаянью.

***

Попал я в плен, в осенний плен,
И прелесть плена откровенна,
Как листья жёлтые у стен,
Как запах солнечного сена.

Я – пленник этих всех чудес,
Но вырвусь я из плена вряд ли –
Я просто, как обычный лес,
Сменю безрадостное платье.

***

Я хитро напишу тебе
Красивыми словами:
«Закат пурпурный над Пурпе
Припудрен облаками».

И ты, надеюсь, не поймёшь,
По Горького гуляя,
Что эту маленькую ложь
Придумал для тебя я.

Люблю – по железной дороге

Люблю – по железной дороге,
Но только, друзья, не пешком,
А чтоб поберечь эти ноги,
Давно я дружу с ишаком.

Представьте такую картину –
По шпалам я еду верхом,
Но чтобы не мучить скотину,
Не мчусь я в аллюре лихом.

Я еду степенно и долго,
И всё ж не пойму я никак –
Из чувства ли правил иль долга
Стоит перед красным ишак?

Казалось, безмозглый, но всё же,
А мы-то за красный – ура!
Иль он на людей не похожий,
Иль нам поумнеть бы пора.

Предсказание
(шутка)

Когда-то русских на Руси не станет,
Как бы правительство своё я не «грузил»,
А вот грузин, правитель, то есть Сталин,
Но было меньше на Руси грузин.

Когда-то русских на Руси не станет,
И вот тогда вы вспомните меня –
Ведь как бы Анастас ни Микоянил,
Но было меньше на Руси армян.

Когда-то русских на Руси не станет,
И Кагановича мы вспомним в тот момент,
Когда обрезанный – не будет это тайной –
Предстанет перед нами президент.

Когда-то русских на Руси не станет,
И это я тогда понять успел,
Пока я мылся в нашей русской бане
Среди иероглифов худых китайских тел!

Автопортрет

Я опять, как туча тая,
На твоих глазах
Выпиваю рюмку «чая»,
А закуска – страх...

Водка – дьявольский художник!
Мощные мазки,
Под глазами, словно в дождик,
Мокрые мешки.

Нос, как будто Гималаи,
Рериховский стиль,
Щёки красные пылают,
Сердце – хоть в утиль,

Зубы жёлтые, как месяц,
Кривизной штыков
Не еду – закуску месят...
Всё – портрет готов!

И, смотря на эту рожу,
Думаю одно:
«Водка – истинный художник,
Я – лишь полотно...»

Есть на Руси

Есть на Руси красивые места –
И Кисловодск, и город Элиста,
И женщина, Господь меня прости,
Есть на Руси...

Она какой-то тайною владеет,
И эта тайна, словно нимб над нею,
Она б её раскрыла, да не смеет,
Хотя от жаркой страсти пламенеет.

Мужчина её тайну раскрывает,
Одежды её тайные срывает,
И женщина, предчувствуя паденье,
Ложится, как строка в стихотворенье!

***

Движения – рыси,
Наш танец – порывист!
И я доказать вам готов –
Талантливый танец
Всегда независим
От хитросплетения слов.

Движенья – мгновенья!
Танцор – это гений:
Он мысль выражает плечом!
Да здравствует радость
Разумных движений!
И музыка тут ни при чём.

Танцует девчонка
Так плавно и тонко,
Как будто над морем парит.
Лишь тело звучит, о!
Прекрасна девчонка,
Хоть слов она не говорит...

Валентине Ивановне
(шуточное)

О Валентина – Ванин свет!
Тут точка... Я – не Бог.
Я – есть херовенький поэт,
Влюблённый в каталог.

На карточки дышу любя.
Где обработка, где?
Марласов ищет лишь себя,
Но нет его нигде.

Мы познакомились давно
При обстоятельствах таких –
Я был чужим среди своих
И свой среди чужих.

Потратил долгие семь лет,
В доверие вошёл,
А Валентина: «Эх, поэт,
Ведёшь нехорошо».

Она сказала тихо мне
В сторонке от богем:
«Марласов – это ведь на «эм»,
А ищешь ты – на «гэ».

Библиотекам

Благодарю талантливых людей
За благородность солнечных идей
Служенья их Величеству-Богине,
На первый взгляд простой особе – Книге!

Она проста, но лишь на первый взгляд,
А на второй, на третий и четвёртый
Читатели настраивают лад –
И в нашу жизнь восходит Вася Тёркин.

Благодарю читателей – ура!
Их ныне больше, больше, чем вчера,
А завтра их не меньше станет, нет –
Ведь Книгу не заменит Интернет!

Что Интернет?
Одна из технологий,
С ней можно очень быстро отыскать
В огромном складе Книгу ту из многих,
Они ещё взрываются, как клад.

Благодарю правительство – оно
В библиотечное пространство влюблено,
Приватизировав Россию всю почти,
Оно не золото, не газ, а Книгу чтит.

Но, Боже мой, о новый человек,
Пусть даже в страшном сне тебе не снится –
Приватизация библиотек
Равна приватизации границы!

Не надо пить

Чтобы не стать престареньким
И чтоб не быть дебилом,
Я пью теперь «престариум»,
Закусывая, стало быть,
Эх! Кардиомагнилом...

А чтоб читать мне Диккенса
Без линзоперевода,
Не обойтись без «квинакса»,
Без «тауфона» – индекса
Для старого народа.

А чтоб не встретились с бедой
Мозги в моей башке,
Я «кавинтон» пью, «мексидол» –
И даже страшный валидол,
И чувствую, как шкет!

А чтоб бежать, как чемпион,
Два раза в день пью «сермион»,
Но чтоб не пить лекарства все,
Быть молодым в душе,
Не надо быть навеселе –
Не надо ПИТЬ... вообще!

***

На тонком ветре солнечных берёз
Я жил в конце столетия – и рос,
И росы трав, как осы чувств моих,
Всё ниспадали, превращаясь в стих,

И каждая росинка, словно жемчуг,
Но я старел на фоне бытия
И понимал, что лучшая из женщин
Теперь уже, конечно, не моя...

***

Я и умру-то от тоски,
Предчувствия печали,
А вы-то, глупые мозги,
Об этом и не знали.

Я был для вас рубаха – ха!
Делец, подлец – и точка.
А я под вымыслом стиха
Взлетал совою ночью.

Нет, я не знаю, как и что
Печаль во мне творила,
Но даже старое пальто
Со мною говорило.

Оно смеялось надо мной
Разорванным карманом:
«Уж лучше был бы ты... дерьмом –
Богатым хулиганом.

Тогда б жена твоя и дочь,
На их присущем сленге,
Сказали б: «Пусть уходит в ночь,
Но чтобы утром – деньги».

Моя душа

Моя прекрасная душа
Живёт опасно – не спеша.

Она надеется наивно,
И, может быть, права на треть,
Что торопиться жить противно,
Зачем стремиться умереть,
Зачем стремиться к звонкой славе?
Она продажна и слепа,
Её, пожалуй, не поправит
Неторопливая судьба.

Спешить? Зачем? По крайней мере
Я, обновляя в теле кровь,
Рассчитываю на бессмертье,
Как молодые – на любовь.

Опять подбросил я «леща»
Тебе, неспешная душа.

***

Ничего я не значу
В окружении рамок,
Я спокоен и мрачен,
Как разрушенный замок.

В моём взгляде застыли
Все несчастия мира,
А кому-то застили –
Хлеба, зрелищ – и мыла!

***

И будет жёлтая беда
Срываться в зиму листьями,
И вот когда-нибудь... когда
Закончу путь свой жизненный?
Нам не дано предусмотреть
Ту истинную истину.
Я предусматриваю смерть,
Как выстрел – перед выстрелом.

Песня Вэйли

На четырёх оленях чёрных
В посёлок Новый Порт поеду,
И буду мчаться я упорно –
И обязательно приеду.
Да! Обязательно поеду –
И в Новый Порт родной приеду!

Я чёрных четырёх оленей
Заставлю Вэйли подчиниться –
Я запрягу их непременно
И полечу быстрее птицы.
Да! Полечу быстрее птицы
В посёлок Новый Порт – в столицу!

На четырёх оленях чёрных
Никто меня догнать не сможет.
Пусть угостят печёнкой чёрта,
Но даже чёрт им не поможет.
Да! Даже чёрт им не поможет –
Никто меня догнать не сможет!

Из Евангелия

Два сына было...
Первому отец
Сказал: «Ты в винограднике моём
Сегодня поработаешь, малец,
И после песню мы с тобой споём».

И первый сын, упрямый, как осёл:
«Мне не хотелось», – выпалил в сердцах,
Но после он раскаялся – пошёл
На пьяную плантацию отца.

Второй же сын хитёр был, как посол,
Его ответ – весомее свинца:
«Коль надо – я пойду», но не пошёл –
Так кто из двух исполнил дух отца?

Комедианты

Русские, ненцы, ханты –
Все мы с далёких пор
Комедианты!
Солнце – наш режиссёр.
Солнце прикажет –
И человечества часть
Ляжет
В пасть
Вечера.
Оно не понимает
Интриг и передряг,
Но утром поднимает
Министров и бродяг.
Министры смотрят в карты,
Бродяги карты... бьют.
Вот так комедианты
И живут...

***

«Солнце рассыпало лучики подхалимажа –
Всех они грели, ласкали и были нужны», –
Думала Ночь, что чернее была, как пречёрная сажа.
Где оно – Солнце? Даже не видно за тучей Луны.

Люди – и те разбрелись предо мной по квартирам,
Я же хотела им душу свою показать.
Нет справедливости в этом подоблачном мире», –
Ночь горевала, тараща слепые глаза.

Вариант

А что если за талию
Любил Дантес Наталию?
Такое ведь случается
Порою, чёрт возьми!
Влюбляются мужчины,
Бывает без причины,
Влюбляются отчаянно –
И ты их хоть казни!
Любовь забыла грацию
По отношенью к нации,
Любовь её не ведает.
И ведать не должна.
Любовь, ура, прекрасна,
Любовь, увы, опасна,
Любовь бывает смелою,
И глупая она.

А то, что муж у женщины
Поэт великий, меньше ли –
Какое там значение
Имело для него?

И он сказал: «Да ладно!
Пусть муж её талантлив,
Но я у Чёрной речки
Убью, убью его!
Я, видно, бесполезен
России и поэзии,
Но я люблю Наталию
И тонкий стан-корсет,
А если так случилось –
Простите мою милость
За то, что уж питал и я
Любовь, как и поэт».

Володе Рукину

Володя, друг!
О, как стареет мир!
А в юности старел он понемногу.
Мы не молились времени, как Богу, –
Горенью душ своих молились мы.
Пожары душ нельзя нам затушить
Ни водкой, ни вином, ни пепси – фантой...
Мы так хотели ненцам, манси, ханты
Вложить частицу собственной души.
Наивные! Они душевней нас,
Они всю жизнь с оленями на марше,
Культура их гораздо выше нашей,
Но это всё же будущий рассказ...
Володя, друг! Как поживаешь ты?
Как принимаешь тягостное бремя,
Которым удивительное время
Ужесточило чувство доброты
И всех толкает только в криминал –
В убийство, секс, безрадостное шоу,
Там совесть не соседствует с душою,

И жить свободно невозможно нам.
А посмотри на наших стариков,
На их иконно вынужденный облик,
Ведь даже я, твой старый друг, твой Толик,
Торгую красотою чувств и слов.
Мы многие на паперти стоим...
Слова звучат и музыка играет,
И ничего народ не понимает –
Зачем переписали старый Гимн?

Не надо женщину бояться

Не надо женщину бояться –
Она придумает сама
Полувоздушные объятья,
Полупрозрачные слова.

Но мне, наверно, будут сниться
Через, возможно, и века
Её прекрасные ресницы
«И в кольцах узкая рука».

Но жизнь моя – не жизнь паяца,
Как жаль, что жизнь течёт едва
В полувоздушные объятья,
В полубездушные слова.

Она придумает плечами
Своих полупрозрачных бед,
Она придумает, что чайки
Не могут жить без моря,

Без изнурительного ветра
На изумлённых парусах,
Она сама поверит в это
И будет плакаться в стихах.

Поэт – фотограф, папарацци,
Его давно пора убить:
Не надо женщину бояться,
А надо женщину... любить.

Боже мой!

Боже мой!
Как тревожно сейчас на душе –
Видно, всё невпопад,
Жизнь идёт против смысла.
Нимб, который висит
Между этих ушей,
То ли радуги свет,
То ли скрип коромысла.

***

Хожу я вокруг да около,
Признаться хочу – нелегко.
Поймал бы тебе я сокола,
Да он высоко-высоко!

Напрасно, наверно, страдаю,
Теряю, как веру, покой.
Поймал бы тебе осетра я,
Да он глубоко-глубоко!

И падают травы в озёра небес

И падают травы в озёра небес,
Цветы превращаются в звёзды,
И после невероятных чудес
Мне хочется выйти на воздух.

Озёра небес ниспадают в траву
И звёзды – цветы на поляне...
В каком-то двойном измеренье живу,
Как будто во вражеском стане.

***

Как тяжело,
Когда легко,
И как легко,
Когда есть тяжесть,
Как близко,
Если далеко,
Но далеко,
Когда укажешь.

Сверстникам

И тихо падал снег
С небесного начала,
И я любил вас всех,
И музыка звучала,

И мне казался мир
Божественным и милым,
Как будто Бог томил
Таинственным кадилом,

И всё сверкало в нём,
И всё переливалось...
Как скучно мы живём,
Как мало нас осталось!

***

А где-то музыка играет,
Слюною брызжется жених,
Невеста радостно икает –
И никому не жалко их!

***

«Утомлённое солнце» –
И друзья обомлели!
Каждый думает: «Песня
Эта, не обо мне ли?»

Ноты слёзные эти
И слова меня бесят.
Я немного скромнее –
Утомлённый я месяц.

Шуточный сонет

Говорят: «Любимые уходят
И уносят голубую тайну...»
Их высочества презренные отродья
Из печей на мётлах вылетают!

Говорят: «Любимые прекрасны,
Чуть ли не божественны...»,
Не нужно!
Их удел – вносить мужчинам распри
И ножом вонзаться в нашу дружбу!

Говорят: «Любимых берегите», –
Берегитесь этой сатаны!
Все они актрисы...

Что им ГИТИС?
Им только овации нужны.

Но предпочитают послушание,
Чтоб мужчины хлопали ушами!

Нам счастье всё-таки дано

Смотрю на тёмное окно
И понимаю я,
Что счастья людям не дано,
Нет! Не дано оно.

И что бы там ни говорили,
Мы знаем всё равно,
Что счастье людям не дано,
Нет! Не дано оно.

Смотрю на светлое окно
И понимаю я,
Что счастье преподнесено,
Как Божий дар дано,

И что бы там, в порыве грусти,
Как после горького кино,
Я вам ни говорил бы, но
Нам счастье всё-таки дано!

Вот синяя картина

Вот синяя картина,
Ярко-синяя!
Снега, сугробы, солнышко –
Россия...
И синие от инея деревья,
Кладбище на окраине деревни.

Вот крест – он покосился весь от времени,
Здесь дед мой похоронен – Еремеевич.

Он кулаком был,
То есть был хозяином,
Его в тридцатом, бедолагу, взяли –

И вот теперь на базе Еремееча
Колхоз растит пшеницу, не умеючи.

Вот синяя картина, очень синяя –
Синюшные поля... Колхоз «Россия».

***

Вот два листа лежат передо мною –
Тут белый лист.
Он пахнет, ах, зимою,
Весною пахнет, солнечной грозой –
На этом на листе мне повезло.

Но есть второй...
Он чёрен, словно негр,
Он утомлён,
Как подуставший егерь,
Который шёл за браконьером ночь.
Диагноз – осень...
Чем могу помочь?

Шутка

В том, что прекрасная страна
Не так, увы, прекрасна,
Есть всё-таки твоя вина,
Поэт А.М. Марласов.

В том, что российская страна
Пьёт беспробудно длинно,
Есть всё-таки твоя вина,
Непьющий Шамсутдинов.

А в том, что кажется луна
Таблеткой деве милой,
Есть всё-таки твоя вина,
О бард наш, Исмагилов.

История,
Скажу тебе,
Что есть один предатель,
Ведь только Князев, член СП,
А он – не виноватый!

Я – старый русский!

Я – старый русский!
В этом нет намёка
На возраст иль на позу в ритме «ЗЮ».
Я – старый русский...
Очень одиноко
Года я вдруг на саночках везу.

Не буду я на пенсию ссылаться
И плакаться на глупую страну –
«Элементарно это, доктор Ватсон,
В себе ищите боль – свою вину».

Я виноват,
Что был предельно честен,
Я виноват,
Что я не воровал,
Не сочинял для ресторанов песен,
Не продавал ни совесть, ни слова.

Я виноват,
Что на ветрах стоял я,
Я виноват,
Что на морозе мёрз,
Что не тянул с других я одеяло
И не царапал ножиком берёз.

***

Выпил он, но нет вины,
Так уж вот –
У хорошей-то жены
Муж не пьёт.

Значит, видимо, она
Виновата,
Значит, видимо, жена
Суховата.

Значит, видимо, в неё
Бес вселился,
Если муженёк её
Вдруг напился.
А она ему: «Сейчас –
Разбежалась!»,
Он напился ещё раз,
И помчалось...

Он бутылку поста-
вил на столик,
А она – ну, простота, –
«Алкоголик!

Дни его уж сочтены –
Идиот!»
У хорошей-то жены
Муж не пьёт!

Знакомая картина

Картина эта вам знакома –
Ушло моё пальто из дома,
Надело брюки, башмаки,
Ушло, мне не подав руки,

Надело шапку набекрень,
Презрело общую молву
И укатило в град Тюмень,
А может быть, и в град Москву.

А там господствует она –
Она – из капель, света, смеха –
Непостижимая весна,
Без огорчений и без снега.

Пальто вслед скажут: «Идиот!
Он сводки метео не знает».
Пальто сбежавшее идёт,
Отсутствием лица стесняясь.

Вот так и я, и я, наверно,
Хоть и не числюсь пошлецом,
Оставил свой любимый Север –
И потерял своё лицо.

***

Я беднее церковной крысы,
Зато гонора за троих!
У меня «гениальные» мысли
И почти «гениальный» стих.

В историческом повороте
На движение в капитализм
Что-то есть от блевотной рвоты,
От пародии на жизнь.

И пить перестать

И пить перестать, и курить перестать,
И можно, желанье имея большое,
По внешнему облику юношей стать,
Но что вы прикажете делать с душою?

Давайте, товарищи, верно рассудим –
Страдать мы душою до смерти не будем!
Но чувствую – жизнь наша будет другая,
Когда заживём мы, себя сберегая...

Я мудрый Диоген

Я чувствую, что я почти Сократ,
Но врать не буду, с ним не привелось мне,
Не привелось мне выпить по сто грамм
И закусить икрою и лососем.
Нет и во мне каких-то умных генов –
Мои «друзья» мне отбивали почки.
Я – не Сократ. Я – мудрый Диоген,
Я жил в своей простой деревянной бочке!

Свист

Разучились мы на дудочках свистеть,
С этим раньше было всё у нас прекрасно,
А теперь свистеть смешно, да и опасно –
Засвистишь, а вдруг окажется не с тем.
Засвистишь, засвистишь,
Засвистишь, а вдруг окажешься не с тем.

Он такое насвистит на нас тогда,
Дескать, люди и свистеть-то разучились,
Может быть, забыли, а скорее – или,
Или просто не умели никогда.
Или – нет, или да,
Или просто не умели никогда.

Дуем в дудочки, а дудочки сопят,
Нет черёмуховых звуков ожерелья.
Мы, наверное, душой отяжелели
И заплакать захотим с тобой опять.
Захотим, захотим
И заплакать захотим с тобой опять.

Но, увы, а жизнь-то наша вся прошла,
Было в жизни всё – и дождь, и снег, и метели.
Как давно, давно с тобой мы не свистели,
Только жизнь мы просвистели – жизнь прошла,
Только жизнь, только жизнь,
Только жизнь мы просвистели – жизнь прошла...

Цыганское чудо

Нагадай, цыганка, чудо
И ответь на мой вопрос –
Кто такой я и откуда,
Где родился, где я рос?

Ничего мне не сказала
Дочь стремительных степей,
Чётко чиркнула глазами –
Даже ахнуть не успел!

Ласточка

Залетела в сердце ласточка
И осталась в нём,
И с тех пор светло и ласково
Мы живём.

А как только ей захочется
Хоть немного полетать,
Убивает одиночество –
Убываю умирать.

Но она – хвала ей: «Здравствуй-ка!»
Залетает в сердце вновь.
Если я живой, то ласточка
В сердце празднует любовь.

Правда, боль невыносимая...
Говорю – не вру:
«Ты живёшь, моя любимая, –
Я – живу!»

Всё так, как прежде

Всё хорошо, всё так, как прежде,
Всё та же молодость стиха,
Но я иду уже, как Брежнев,
И, как Черненко, задыха...

Конечно, это чёрный юмор,
Но понимаю чётко то,
Что если я бы завтра умер –
Не удивился бы никто.

И, может, только Саша Шишкин
Меня бы с Пушкиным сравнил –
«Марласов Анатолий, ишь ты –
В седую вечность угодил!»

И, может, только Волчек Вова
Сказал бы мудро и светло:
«Вначале было всё же слово –
Оно-то к смерти привело!»

И, может, только Г. Казанцев
Воскликнул с горя: «Ё-моё!
Живут же всякие засранцы,
А этот умер, да и всё!»

И, может, только Саша Гербер –
Мой старый и надёжный друг –
Заплакал бы на их-то Эльбе
И сам вступил бы в мёртвый круг.

И, может, только...
Это значит,
Но я уверен только в том,
Что лишь жена моя заплачет,
Как о субъекте дорогом.

Это всё экономика

Это всё экономика – жизнь экономная:
Полкилограмма радости, два килограмма беды.
А я вспоминаю картину, лишь мне знакомую, –
Мама варит варево из лебеды,

А если ещё заправит крапивою
И конским щавелем и чабрецом,
То выглядела такою счастливою,
Как будто с моим повстречалась отцом.

***

Странная моя страна,
Говорю я складно –
Посылаю её – на!
А она – обратно!

Так друг друга мы и шлём –
Туалет и ванная,
И друг другу платье шьём,
Платье – деревянное.

***

В каком-то году непонятном
Какой-нибудь критик, увы,
Раскрасит печальные пятна
Моей незаметной любви.

Они меня очень бесили
И очень не нравились мне
В какой-то прекрасной России,
В какой-то бесцветной стране.

Что есть покой?

Что есть покой?
Отсутствие движенья
Иль чистота покаянной души,
А может быть, отсутствие мгновенья,
Когда бы надо совесть задушить
И ткать ковёр из нитей полумрака,
Сиянья, света – звёзд, луны и солнца,
И беспокоить зеркало колодца,
Собачась, как последняя собака?

А может быть, покой – незнанье мира,
Непониманье ужаса вещей –
Под лопухом промозглая квартира,
А по соседству – пакостный Кощей?
Всё может быть,
Всё может быть на свете,
Но верю я, что сущность бытия
Лишь только в том – душа летит, как ветер,
В немыслимые разумом края.

Иронизирующий мир

Иронизирующий след
Моей души, моей стихии
Сведёт, наверное, на нет
Мои стихи... Они простые.

Сегодня пишут все не так,
А нервно, дробно, барабанно,
Наивно, весело и странно,
За деньги пишут, просто так,

И все, как правило, поют –
Кто дребезжащим козлетоном,
Кто строя лад по камертону,
Кто душу выплеснув свою...

Иронизирующий бой,
Мой желчный смех – моя утеха,
Хотя давно уж не до смеха,
Но что поделаешь с собой?

Всё реже мы играем туш,
Всё чаще платим неустойку,
Как можно верить в перестройку,
Не веря в перестройку душ?

Иронизирующий слог –
Моя надёжная защита,
И ты, мой критик, не ищи-ка
Мою тропинку средь дорог.

Я пел, как мог! Не петь не мог,
Но в этом дьявольском застое
Я понимал – орать не стоит,
Мне было проще умереть

И раствориться в облаках,
Иль навести на душу глянец,
Я не смогу теперь и глянуть
На недостойных свысока.

Иронизирующий лёд,
Конечно, всё-таки растает,
И на душе прекрасно станет –
Наш мир ирония спасёт.

***

Затихает заснеженный день,
Проясняется небо и звёзды,
Как глаза ребятишек из детских яслей,
Блестят удивлённо,
А метель, что весь день завывала волчицей,
Улеглась
На пороге у дома,
Словно белый кутёнок.

Затихает огромный наш дом...
Дочь моя спит, ручонки раскинув,
Тихо так... Я стою у окна
И смотрю на безмолвное небо,
До боли в глазах и до боли
Где-то в области сердца...
По чему эта боль?

***

Понимаешь – стихи посвящают любимым
И надеются – это вернётся им сторицей,
Ты же проходишь обычно мимо,
Даже не хочешь быть просто любовницей.
Ты не подумай – я так, без намёков!
Просто ужасная жизнь на Тюменщине,
Просто, поверь, я такой одинокий –
Так не хватает мне тёплой женщины,
Так не хватает улыбки и ласки,
Так безобразно душа моя мечется,
Так мне тоскливо...
Но всё это сказки,
Сказки поэта, который не лечится!

Тревожный мир

Что этот мир тревожный значит
В сравненье с выдуманным мной?
В нём дети никогда не плачут,
Никто им не грозит войной.

В нём солнце пляшет и ликует,
Все тучи я убрал рукой,
В нём даже ветер злой не дует,
Уйдя на пенсию-покой.

Мир мой изысканно вальяжен,
А он таким не может быть,
Он моей выдумкой наряжен,
И приказал недолго жить.

А мир тревожными ветрами
Гудит сиреною над нами...

Недоволен я собой

Я с работы не уволен –
Не обижен я судьбой.
Почему же недоволен,
Недоволен я собой?

У меня жена, как роза, –
Позавидует любой,
Но, бессовестная рожа,
Недоволен я собой.

У меня друзья надёжны –
С ними хоть сегодня в бой!
Почему – ответить можно –
Недоволен я собой?

У меня не сердце-помпа,
И ему не страшен сбой,
«Почему ж, – спрошу я скромно, –
Недоволен я собой?»

***

Что за печаль – найти печать,
Чтобы себя удостоверить
И выйти в солнечные двери,
И хлопнуть дверью сгоряча,

И задохнуться, и пойти,
И ничего не помнить больше,
И очутиться где-то в Польше,
А может, к морю на пути?

И вдруг, собой оцепенев,
Задать нелепые вопросы
И бросить к чёрту папиросы,
И укротить растущий гнев,

И наплевать на эту даль –
Её лишь близостью измеришь,
Но извиниться перед дверью
И вновь найти печать – печаль.

На разных языках

В этом нашем жёстком мире,
Где всегда на кулаках
Мы с тобою говорили,
Но на разных языках.

Помнишь – день был синий-синий,
И на белой полосе
Я спросил: «Ду ю спик инглиш?»,
Ты ответила: «Франсе!»

***

Глубокий воздух белизны
Небес голубоватых
Нечётким обликом луны
Заткнётся, словно ватой.

Но что-то вздрогнет изнутри,
Как будто от причала
Сорвётся лодка на пари...
И всё пойдёт сначала.

Поэты – вечные алхимики

Века на поиски угробили –
И я искал, и ты ищи:
Когда ж найдём перпетуум мобиле –
Перпетуум мобиле души?

Всегда и физики, и лирики,
Поодиночке – не в цехах,
Поэты – вечные алхимики –
Всё ищут золото... в сердцах!

***

Рассыпав соль, поссорился с женой,
Слова обиды червяками лезли
Из чернозёма душ и шли войной
Позорной. Друг на друга. Ну, а если...

Поссорился с женой, рассыпал соль,
Рассыплю сахар? Сказано – за дело!
Но счастья не прибавилось, нисколь –
Три дня потом жена моя скрипела.

***

Отяжелела моя тень,
А может, я в бреду?
Моя последняя ступень –
Я кое-как бреду.

И нет для счастья ничего –
Одна лишь дребедень,
И я боюсь лишь одного –
Не раздавила б тень!

Читателю

Говорю тебе искренно я,
А тебе остаётся поверить:
«Мир наш – дерево. Корень – земля,
Ствол – столб воздуха, ветви – ветер».

Может быть, удивляясь слегка,
Ты поймёшь – этот образ правдив:
Над землёю висят облака,
Словно яблони – белый налив.

***

Путь, ведущий к цели,
Не есть извечный путь.
Чудесное в чудесном
Увидеть – в этом суть.

Вот ключ к таинствам мира,
Вот мама всех вещей!
Иначе будет Лира
На уровне «Вестей».

М.М. Бирман

Эпохами мыслил он в детстве,
Эпохами и веками.
Казалась Вселенная сердцем –
И сердце он трогал руками.

И ноты, как чайки с причала,
Взлетали над сердцем юным,
И сердце его звучало
Гитарою семиструнной.

Размашисто и всепогодно
Он жил на диезном пределе.
Нет, он не подсчитывал годы
И деньги считать не умел он.

Любить – так любить актрису,
Ах, как она танцевала!
А песню ей спел – Парижу,
Нью-Йорку завидно стало.

Но вдруг от звучаний терций
Или от внешних ударов
Его музыкальное сердце
Взорвалось среди бекаров.

Он светлою был фигурой,
Совсем не стремился к славе.
Вся жизнь его – клавиатура
Из белых и чёрных клавиш...

***

Я живу на втором этаже,
Рядом три прехорошие ели,
Мы с дочуркою с ними успели
Подружиться – и в ссоре уже.

Любопытные – прямо смешно –
До любой незначительной тайны.
Если надо, на цыпочках встанут
И замрут, заглядевшись в окно.

Рай России – зелёный цвет

Рай России –
Зелёный цвет,
Краше рая
В России нет.
Страх России
И крах России,
Как в пустыне,
Поля пустые.

Зелень – в жёлтое отойдёт,
В жёлто-красное, в жёлто-любое,
И заплачет тогда народ
Над собою.

Вырубают в России леса,
Как выдавливают глаза...

За образы я не хватаюсь

За образы я не хватаюсь,
Но знаю в них смысл и толк.
Вот белое облако – Заяц,
Вот чёрная туча – Волк.

И голосом Бога Папанов
Кричит с хрипотцою в груди:
«Ну, Заяц, теперь уж пропал ты,
Ну, погоди!»

И кажется – чёрная туча
Настигнет его, подомнёт,
Но белого облака (случай)
По речке бурлящей плывёт.

Виртуальное чудо любви

Ты, как будто мгновением молнии,
Осветила меня – и ослеп я!
И иду я теперь, как в агонии,
Не с лицом, а с таинственным слепком.

Я качаюсь направо, налево,
Поздним взмахом ресниц исчезая
Из кровавого отблеска неба
В гениальные краски Сезанна.

В отношениях наших, как пятна,
Разукрашены чувства твои.
Я не верю в твою вероятность,
Виртуальное чудо любви.

Визуальное чувство искусство –
Да! Увидел, но всё же, увы,
Мне, с компьютером, пусто и грустно
Без его негасимой любви.

***

Когда-то в далёкой деревне,
В далёкой такой, что забыл,
Я поклонялся царевне,
Верил, что я любил.

Избы? Да нет – колонны!
Лик её, а не лицо,
Золото короны –
Рыжих волос кольцо!

***

Один стареющий амбал
Меня однажды колебал –
Совсем не будучи поэтом,
Он восемь книг больших издал,

И все в зелёных переплётах!
Они, как жабы, на болотах,
Откроешь переплёт – там «ква»,
Поэзии нет доли сотой.

А он заныл: «Ну, почему?
Я вас, о мэтр, не пойму –
В моей поэзии и ритмы,
И даже рифмы – по уму!»

А я сказал ему в сердцах:
«Тут сердца нет – вот в чём ваш крах».

Молитва

Я, оставляя мир, молюсь
Не о Христе святом – об Ире,
Не обижайте дочь мою –
Она единственная в мире.

Она, конечно, не проста –
Просты простые хворостинки,
Но пусть могущество Христа
Поможет дочери Иринке.

Чтоб знал я там, на небесах,
Что мир тот – не автозапчасти,
Что нет тоски в её глазах,
А есть любовь, надежда, счастье.

Чтоб песню – баюшки-баю –
Она бы пела Мише, Вале...
Не обижайте дочь мою,
Чтоб руки вам не оторвали!

***

Слепые видения солнца
И скользкие сказки луны –
И всё это нам достаётся
В наследство от старой страны.

А нам ещё ехать да ехать,
Вздыхать и печалиться вновь
До самого первого смеха,
А в нём уж таится любовь.

***

И лета сонный запах,
И осени хурма –
И вот на мягких лапах
Притопала зима.

Красавица, признаться, –
Чего уж говорить?
А солнышко под платьем,
Под белым, так горит!

***

Вы помните – быть ли, не быть ли?
Но, зная прозрачность сего,
Свистящие ветры событий
Срывают моё существо.

Бреду я отчаянно смелый
В свою современную быль.
Душа бы? Но бренное тело
Старается боль позабыть.

***

Ты слова чужие обронила,
Говорила не свои слова:
«Дескать, ты такой...
Ты очень милый!»
Даже закружилась голова.

А когда расставили мы точки,
Да и междометия. Меж тем –
Продолженье оказалось точным
Слепком из компьютерных систем.

***

Наверно, много потеряли,
Когда б не знали сей основы-то:
Наука – пища материальная,
Поэзия – духовная.

Всё подсчитать возможно в мире –
Количество и вес, и площадь.
В науке дважды два – четыре,
В поэзии – намного больше!

***

Такая тихая трава –
Глаза таращим!
Не нашей области слова,
Увы, не нашей.

Не нашей области земля,
Но так случилось –
Ты отвернулась и петля
В меня вцепилась.

***

Я на скользком поклоне
В исторический час
Вам целую ладони,
Но не чувствую вас.

Проплываете мимо,
Как таинственный вальс,
Называю любимой,
Но не чувствую вас...

Поэзия

Поэзия России, как река, –
Глубокая, спокойная, взрывная.
Она течёт не годы, а века,
Из речек изреченья принимая.
От дерзкой мысли слиться я далёк,
Но если примет, примет и подмогу,
Я, словно безымянный ручеёк,
Хотя бы каплю – ну и слава Богу!

***

Я хочу обнять за плечи
Вечер...
Понял я – разлука лечит,
Лечит!
Солнце яркое – мотать
Надоест...
Хорошо, что темнота
Есть!

Как холодно

Как холодно сегодня на душе,
Хотя апрель перечеркнул границы
И прилетают северные птицы,
И почки распускаются уже,
Но холодно сегодня на душе.

Хотя апрель перечеркнул границы,
Границы грома, грязи, но весны
Сегодня утеплители нужны
Для сердца моего, чтоб биться,
Хотя апрель перечеркнул границы

И прилетают северные птицы,
Опасный узнавая водоём,
Знакомого охотника с ружьём.
«Неужто он не смог-то застрелиться?» –
Так размышляют северные птицы,
Но почки распускаются уже...

***

Гул аэровокзала
И тихие слова:
«Какой седою стала
Поэта голова».

А я сказал смешливо
Той женщине в ответ:
«Седой поэт – не диво!
На то он и поэт»

***

Знаю, мой дорогой,
Истина вверх нас тащит:
Художник всегда изгой,
Если он настоящий.

Боже, храни же нас –
Кроток тут будь и краток
От перепетых фраз,
От перетёртых красок.

Истина не нова,
Будь милосерден –
Чувствую краски, слова
Трепетным сердцем.

Я стал удивительно нервным

Я стал удивительно нервным,
Я стал удивительно груб –
Проклятья срываются ветром
С моих, уже старческих, губ.

Будь прокляты воспоминанья –
Без них не прожить мне и дня,
Будь проклято время, как няня,
Она-то и била меня.

Ах, как же жестоко било
То время, в котором я жил,
А с виду приличное было,
Без этаких красных прожил,

Без этаких ручек, как хохот,
Без шамканья чудо-зубов,
Без танков и пушечный грохот,
И даже не знало любовь.

Всё меланхолически было,
И я уже точно забыл,
Что время меня не любило
И времечко я не любил.

***

Опять взлетели в небеса
Разноголосые леса,
И только мой печальный лес,
А в нём мои друзья-деревья,
Не растворился, не исчез –
Остался жить возле деревни.

Но даже он, мой старый друг, –
Он видоизменился вдруг,
Или глаза не замечали
Его таинственной печали,
Иль было сердце моё глухо,
Как к самочувствию старуха.

Прости меня, мой старый лес,
Моё сокровище чудес,
Моя любовь, моя потеря,
Но я приду к твоим деревьям,
Что так беспомощно светлы,
Погладить голые стволы.
И пусть взлетают в небеса
Разноголосые леса,
Но я стремлюсь в свою деревню –
Лишь там родные голоса,
Лишь там нетленная краса,
Лишь там мои друзья-деревья.

Как убиваем мы себя

Как убиваем мы себя,
Легко и просто, как в кино,
И курим, лёгкие губя,
И пьём дешёвое вино.

Легко и просто, как в кино.
Ведь взрослый с логикой ребёнка
Уверен – жить ещё и... но
Жизнь коротка, как киноплёнка.

Но если жанровый сюжет
Предупреждает о финале,
То в жизни проще – был, и нет,
О смерти не подозревали.

Мы курим, лёгкие губя,
И каждой сигаретой тонкой
Расстреливаем мы себя
Без комбинированной съёмки.

***

Любовь от меня убежала,
Как мышь от седого кота,
Из норки своей убеждала,
Что жизнь моя всё же не та.

Я мог возразить ей, однако,
Но понял, что всё по уму –
Ведь если бы я был собакой,
Глотнул бы я участь Муму.

***

Я люблю вас, хорошие люди!
Нехороших, вообще, не люблю.
И всегда пусть такое будет –
Это я после смерти велю.

Я и сам-то был нехорошим,
Хоть любил я свою страну.
Присмотритесь в гробу на рожу –
Всей России я подмигну!

Четыре дня

Дай Бог,
Чтоб сердце слушало меня
Ещё лет десять и...
Четыре дня.

Я б в первый день
Силёнки все собрал –
И белую рубашку
Постирал.

А на второй бы день
Рубашку эту
Я бы отдал
На растерзанье ветру.

На третий день,
Совсем не моды ради,
Я бы рубашку белую
Погладил.

А на четвёртый день
В рубашке чистой
Я ждал бы смерть
С косою серебристой.

***

«Любви все возрасты покорны»
(А.С. Пушкин)

Слова прекрасные не вздорны,
Поэту верить мы должны:
«Любви все возрасты покорны»,
Но... если возрасты равны.
А если разница большая
От основания зари,
Конечно, женщина – ушами,
Но сколько можно говорить?

Есть слова

Есть слова, словно в рану перцем.
Скажут слово –
Хоть падай, хоть стой...
Надо думать вначале сердцем,
А потом уже головой.

Будьте, люди,
Друг к другу внимательны –
Человечества это основа,
И особенно старенькой матери
Не скажите обидное слово.

***

Издевается эпоха
Над российскою страной –
То, что раньше было плохо,
Стало радостью иной.

То, что раньше было смехом,
Стало горестью другой,
То, что раньше было снегом,
Стало радугой-дугой.

***

По стыкам великих эпох
Моя протянулась дорога,
В ней чётко присутствует Бог,
Но есть и отсутствие Бога.

Я каюсь пред светлой звездой,
Но что покаяние, Каин,
Когда уж запахло бедой
На фоне российских окраин?

***

Люди!
Будьте осторожны
В обращении с поэтом –
Если схватитесь за ножны,
Вы умрёте этим летом.

А кинжал вонзая в печень,
Вы умрёте от цирроза,
«И никто вас не излечит», –
Говорю я вам серьёзно.

А поэта да по почкам
Убеждаю вас – пореже,
Потому что знаю точно –
Хоть одну у вас отрежут.

Вы не любите поэтов,
Как евреев мрачный Гитлер?
Нам плевать на всё на это,
Но себя – поберегите!

Лучше б я сегодня умер

Ты, родимая, подумай –
Мы родные или нет?
Лучше б я сегодня умер
И покинул белый свет.

Как всегда, ты водолеешь,
Я, как Лев, опять рычу,
А простить – ты не умеешь
И погладить по плечу.

Беззащитный сердца зуммер
Захлебнётся, как от слёз.
Лучше б я сегодня умер,
Как грибочек меж берёз,

Между счастьем и несчастьем,
Между солнцем и луной,
Потому, что Льву опасно
С Водолеем, бишь, с женой.

Плюс и минус – это в сумме
Получается судьба.
Лучше б я сегодня умер –
Было б лучше для тебя.

Ты б жила ещё, родная,
Забывая львиный рык,
Постепенно забывая
Человеческий мой лик.

И в простой житейской думе
Не тебя ли мысль вела:
«Лучше б ты сегодня умер –
Я бы дольше пожила?»

***

Я забыл и тропинку печали,
И бесстыдное утро цветов –
Только помню, когда-то встречались,
Говорили о сём и о том.

Но теперь, когда встретились грустно
И нельзя возвратиться назад,
Вспомнил я: это было искусство –
Васильковые ваши глаза.

Н. Рубцову

А он забился в уголок,
Не потому, что было тесно,
А потому, что уголёк
В душе светил – рождалась песня.

Она рождалась не спеша –
Из жизни всей его рождалась.
Так горемычная душа
От лучших слов освобождалась.

Напротив женщина одна
Курила, сердце истязала,
Вся в тучах дыма, как луна,
То тут она, то исчезала...

Но всё запутано всерьёз –
Тропинки, тропы и дороги.
Регулировщицы берёз
Не столь прямолинейно строги.

«Да не курите вы, мадам,
Вы нарушаете мне чудо.
Я рубль последний вам отдам,
Чтоб укатились вы отсюда».

Такая странная страна,
Такие гибкие порядки –
Чем больше выпито вина,
Тем овощи ровней на грядке.

А он забился в уголок,
Непризнанно великий,
И всё искал в бутылке сток
Уже поломанною вилкой...

В. Чижову

Признаём – всё же дети мы,
И чувствуем судьбой –
В одном десятилетии
Мы родились с тобой.

По жизни мы, как конница,
Как всполохи огня, –
За мной ты вечно гонишься,
Но не догнать меня.

А если с пылу с жару ли
Я упаду на дно,
То поздно или рано ты
Догонишь всё равно.

Постой на той отметине
И, случай не виня,
Признайся молча – дети мы,
Ведь ты догнал меня!

***

И пожухла трава,
И прошла эйфория:
Русь – не только Москва,
Но и периферия.

Объяснили братве:
«Цыц! И без истерии:
Деньги – только в Москве,
Труд – на периферии...»

Крещение в Санкт-Петербурге

По всей Руси морозы –
Выглядывай в окно,
А в Петербурге слёзы
Со снегом заодно.

Вот выбрал Пётр столицу
Российским мужикам!
Как будто за границей –
Такое только там.

В Крещение – плюс восемь!
Такие вот дела...
Быть может, это осень
Слепая забрела?

Эмигрантам

Всё текли и тикАли
За границу бугра,
А теперь вот икают
И жалеют вчера.

Что ж вы, умные рожи,
Просчитать не смогли?
Поднимается всё же
Мать Россия – с земли.

Да, Россия лихая,
Да, крутая страна,
Да, Россия такая,
Но такая – одна!

***

Когда товарищ Сталин
Изволил дуба дать,
Тогда и перестали
Снижение давать.

Всё цены повышают
На водку и табак.
Никто и не мешает –
Ни умный, ни дурак.

На пенсии, что ныне
Правительство даёт,
Не купит даже дыни
Затюканный народ.

А цены рвутся в небо,
Куда-то в облака...
Куплю кусочек хлеба
И каплю молока.

Встаёт Россия

Опять, опять с повинною –
Болит душа и сердце –
Я двигаюсь в провинцию
Из областного центра

И замечаю новости,
Крупнее и помельче, –
Дороги без убогости
И дураков поменьше.

Врала ведь Новодворская,
Я это вижу лично –
И крепкие подворья,
И всё-таки наличность.

Встаёт Россия, лапушка,
С колен встаёт она,
Встаёт Россия-матушка –
Великая страна!

***

Извини ты дурака,
То бишь алкоголика, –
Нету больше коньяка,
Тю-тю-тю – на столике.

Песни петь хотелось мне,
Но они не пелись.
Почему в моей стране
Только грусть и ересь?

Даже ты, моя жена,
Мой коньяк запрятала.
Я нашёл его и – на!
Горько ты заплакала...

Ну, не надо!
Не сопи –
Много есть в том фальши.
Деньги дам,
Поди – купи
И запрячь... подальше.

***

В Санкт-Петербурге утром длится ночь,
Десятый час, но сладко дрыхнет дочь.

Ей очень тихо всё же говорю:
«Пора вставать... Ты проспала зарю».

«Отстань, отец! Ещё посплю момент. –
У дочки есть серьёзный аргумент. –

Наступит скоро белый цикл ночей,
Тогда я не сомкну своих очей».

И я подумал, что резона нет,
Тем более, дочурке – сорок лет.

Пять тысяч – волосы

В Тюменской области,
В самой Тюмени
«Пять тысяч – волосы»,
По объявленью.

Застряло в горле всё
От возмущения:
Пять тысяч волосы
В родной Тюмени!

В соседней волости
Они дороже –
Семь тысяч волосы!
... Дорога тоже.

В Москве, наверное,
Дороже косы.
Там платят евро
Евреи-боссы.

А вот в Париже,
По всей Европе
Коса чем ниже,
Чем ближе к попе,

Тем больше денег
Отвалят деве...
Зачем в Тюмени
На самом деле?

***

Скажу – не больше и не меньше,
Но не сочти это за грех:
Из самых женственных из женщин
Ты, в общем, женственнее всех.

Я не любитель страшных оргий,
Но я признаюсь – видит Бог,
Что если б оказался в морге,
С тобою рядом, я бы – смог.

***

Безликое время
Всё тикает, тикает.
Безликое племя –
Поэты безликие.

А что нам осталось –
Мы времени кость.
Безликая старость,
Беззубая злость.

***

Как хорошо, что я и ты
Не переходим к поцелуям
И фамильярной суеты
В порыве наших чувств минуем.

Ведь то, что нам сейчас дано,
Так неожиданно и сложно,
Что ближе быть – уже смешно,
А дальше – просто невозможно.

Семёну Нярую – ненецкому композитору

На Ямале в тундре ненец
Коренной самоснабженец.

Не придёт ему на ум,
Чтобы кто-то вдруг приехал
И ему поставил чум, –
Вот бы в тундре было смеха!
Пищу ненец сам добудет –
Не поможет друг иль брат,

Сам себе он рыбу удит,
Сам он делает айбат,
А когда оленя свалит
И подставит к горлу нож,
Прежде чем он мяса сварит,
Выпьет крови.
Ну, и что ж?
В ней в достатке витамина –
Сам себе и врач мужчина!

А когда от счастья тесно
В сердце ненца, он готов
Петь свою часами песню,
Не с чужих, конечно, слов.
Как завидую я ненцам –
Песенным самоснабженцам!

Туристам

Я, вообще, из тех, кто этих
Понимает, – молодцы!
Их давно уже отметил
Гениальный Лао-цзы.

Главное – была б дорога,
Главное – была б тропа...
Остальное – всё от Бога,
Остальное всё – судьба.

***

Пусть в старости меньше соитий,
Но жизнь всё равно я люблю.
Свистящее чудо событий
Приветствует старость мою.

И жизнь с каждым днём интересней,
Как с каждой страницей рассказ,
И смерть, как прекрасная песня,
Событие в жизни у нас!

***

Я, поэты, очень рад,
Что мы все в шараде –
Мы играем в бильярд
Разными шарами.

Но условия игры
Принимаем сами –
Забиваем мы миры
Разными киями.

Интервью

Русский ваш такая штука,
Ничего в нём не поймёшь:
Если Настя – это сука,
А ненастье – это дождь.

***

Скорость жизни и скорость смерти –
Арифметика бытия.
Я исчезну в стремительном смерче –
И никто не вспомнит меня,

И отсутствия не заметит:
«Был когда-то – и нет его».
Не любитель я арифметик –
Плюсов, минусов, итого...

***

А что такое сердце?
Это всплеск
Моей любви к тебе –
Ты знаешь это.
Стою я пред тобою –
Ясный весь,
Как искренняя исповедь поэта.
А что такое сердце?
Это взрыв.
А что такое сердце?
Это знамя.
И музыки, и музыки
Мотив,
И то, что было только
Между нами...

Прохожая

Такое маленькое тело,
А чем-то всё-таки задело...

Она была почти как в сказке,
Простою Золушкой такой –
И нарисованные глазки
Почти талантливой рукой,

И талия её, как ушко
У самой маленькой иглы,
И даже смех её, послушай,
Как будто музыка игры.

А цвет волос?
Конечно, белый.

Длина?
Почти что до земли...

Такое маленькое тело,
А чем-то всё-таки задело...
А чем?
Увидеть не смогли...

В.М. Волчек

Я рисую портрет – он точен,
Как испытанное вино.
Человек человеку – Волчек,
Если знаешь его давно.

Он теперь экзотичная личность,
Похудел – не поверят весы,
Борода его очень прилична,
Но сбудёнули что-то... усы!

***

Нет ни чуда, нет ни юда –
Это просто болтовня.
Пожалейте меня, люди,
И хоть капельку меня.

Меня изверг изувечил –
Есть кого-то обвинять.
Мень – святой,
Он будет вечен...
Кто во мне убил меня?

Я нечаянно раздарен
На безбожное житьё,
Можно вякать: «Это Сталин
И наследие его,

И печальные застои
После Хруста-ломоты».
А себя спросить-то стоит:
«Ладно – Мень,
А ты-то, ты?»

Меня изверг изувечил,
Это, видимо, судьба.
Мень – святой,
Он будет вечен,
Кто хоть вспомнит,
Друг, тебя?

Да никто уже не вспомнит,
Слава Богу, что никто
Не увидит сумрак комнат
И забытое пальто...

***

Маленький Иисусе,
Я никого не боюсь!
Ну, вот допустим –
Вдруг подступила грусть

Или тоска такая –
Вешайся на потолке!
Выпью бутылку «Такая»
И закреплюсь в коньяке.

Утром проснусь – о Господи!
Слава тебе – живу!
Пусть ночевали лошади,
Как на постое, во рту.

Мало ли разных песен
В сердце своём сложил,
Мало ли был я весел,
Мало ли я прожил?

Даже великих судей
Ставить на место берусь.
Маленький Иисусе,
Я и тебя не боюсь!

***

Странный сон:
Вот я – и он.
Я – обрюзгший и опухший,
Он веками отдалён,
Я как бомж,
А он-то – Пушкин!
Улыбнулся мне в глаза,
Помахал рукой потомкам.
Он на пьедестал – назад,
Я вперёд – к своим помойкам.

Дураки и дороги

Любимая, хорошая,
Прекрасная страна,
С такими чудо-рожами
Ты всех всегда и на...
«А что уж тут поделаешь?» –
Я искренно ору.
Ведь мейл не переделаешь –
Два «Дэ», собака, ру...

***

Странные сны Петербурга
Тайные вещи творят –
Я вылетаю из круга
И попадаю в квадрат.

Я вылетаю, как птичка,
А надо мною гора,
А над горою табличка –
Имя моё и года...

Дочери

Я приехал очень точно,
Да, конечно, я же Босс!
Мне моя родная дочка
Сочинила сочный борщ.

Босс – он что?
Он строганину,
Да икру, да сервелат.
Потому прошу Ирину:
«Ты борща мне подавай».

Мать меня борщом кормила,
И жена моя ещё,
А теперь и дочка Ира
Батю чествует борщом.

Ах, спасибо! Ну, спасибо,
Кто предложит борщ мне в США?
Не предложит борщ мне, ибо –
Нет в Америке борща!

Там опять «родной» Макдоналдс,
Сервелаты да икра.
И «спасибо» милой донне
Говорить уже пора.

Я поехал в город Бостон,
А совсем не в город Ош.
Дочь моя сказала просто:
«Ну, покушай, папа, борщ».

***

Ты пишешь так легко и так свободно,
Не вдумываясь в смысл слов своих,
И думаешь, что Богу так угодно,
И думаешь, что это чёткий стих.

Где мысли нет – одно лишь славословье,
Патроны есть, но где оно – ружьё?
А может, чёрт тебя словами ловит
И тащит в непотребное житьё?

***

Я рождаюсь каждою секундой
Мироощущенья своего,
Я ему протягиваю руку,
Из болота я тяну его.

Он, рождаясь каждою минутой,
Отстаёт от ритма бытия.
Для других он предстаёт Иудой,
Но Христом встаёт он для меня...

«Я скажу: «Не надо рая...» (С. Есенин)

Дурак на дороге, собака
Плетётся за дураком,
И хочется тихо заплакать
О чём-то тревожном таком.

И, слёзы свои вытирая
Солёным своим кулаком,
Шепнуть: «Да не надо мне рая»,
И снова брести босиком...

Предкам

А кем бы были мы сейчас,
Когда б плевали мы на вас?
Но мы плевали бы едва ли,
Когда бы в прошлое плевали?

***

Я, увы, сегодня старый,
Если в бой...
А коль не в бой,
Я зажгу огни – и фары
Подтвердят, что я – плейбой!

***

Я против слова «онанизм»
Хочу поднять вас всех –
Теперь, с поправкою на жизнь,
Есть виртуальный секс!

Исповедь

Я признаюсь, друзья!
Между нами,
Всё равно мне не нужен почёт –
Я тот самый лежачий камень,
Под него и вода не течёт.

Я лежу – и плевать мне на славу,
На призывные вопли трубы,
Даже если несутся в лаву
Сверстники – в пропасть судьбы.

Пусть устраиваются поудобней –
Лезут в памятники и дома,
Пусть заботятся об утробе,
Забывая о пище ума.

Камни разные: камень – Каин,
Камень – Янус и камень – Гнус,
Но а я – неподвижный камень,
Для рабочих боёв пригожусь.

Я лежачий булыжник тоже,
Может быть, ещё полечу,
С удовольствием дам по роже
Неожиданному богачу.

И не надо мне доли лучшей –
Этой участи буду рад.
Я – лежачий.
Лежу на случай
Революций и баррикад!

***

Что такое – любить деревню,
Что такое, вообще, любить?
Да, вопрос...
Он, конечно, древнее,
Чем шекспировский –
Быть – не быть?

А ответ на него простейший –
У деревни особая стать,
Но она, извините, не гейша,
Чтоб правителям угождать!

***

Если человек – это книга,
То ты замусолила мои страницы
Своими неумелыми руками.

Своими близорукими глазами
Не рассмотрела, что я – птица,
А ты – камень, пущенный в меня.

Не просчитала свою прибыль
И убыль – не просчитала,
Ибо только листала, а не читала...

***

А я подумал: «Это не беда»,
А ты сказала: «Это очень просто»,
Но поднялась ничтожная вода –
И залила любви огромный остров.

***

Весна спросила у Зимы: «Не ты ли
Мне говорила, матушка Зима,
Что волосы на голове седые
Не означают признаки ума?»

И матушка ответила: «Конечно!
Дни счастья белоснежного ушли,
Но то, что слёзы льёшь ты бесконечно,
Не означают признаки души...»

***

Уже давно заброшено
Плохое и хорошее,
Уже давно не хочется
Ни имени, ни отчества.

Разбрасываться мыслями?
Да пусть они прокисли бы!
Попробуй-ка, попробуй-ка
Кому-то сделать доброе –

И назовут и роботом,
Или какой-то – воблою.
Давно уже заброшено
Всё пошлое и прошлое...

Шуточное

Я говорю всем от души,
Самодовольные мужчины:
«Идите прямо в магазины
И покупайте в них... лапши.
Я вам советовать спешу
И потому, вы извините,
Теряю рассуждений нити –
Купите не лапши – лапшу!

Потом, придя из магазина,
Мочалку и шампунь возьмите,
И пусть жена вам скажет: «Ваня,
А может быть, Мурат иль Саня,
А может быть, Казбек иль Толя?
(Да разве это значит что ли?)
Так скажет вам при расставанье
Супруга ваша – Валя, Таня,
Надежда, Изабелла, Клана,
А может, Света или Оля?
(Да разве это значит что ли?)

Так пусть жена вам скажет: «Ваня,
Пойди-ка ты, пожалуй, в баню!»
И вы пойдёте – что же делать?
Но только знай, что мыть всё тело
Не надо – эх, такую тушу,
И даже не больную душу,
Остервенело мойте уши,
А после вымытые Вани
(Я кайфа вас сейчас лишу)
Навешивать вам, жёны, станут
На уши длинную лапшу...

***

Радостью солнечной весь я,
Весь переполнен, увы!
Даже тревожные вести
Пахнут весною любви.
Радостно квакает лето,
Звезды, как зубы, горят,
Даже немые при этом –
Все о тебе говорят,
Даже глухие старухи
Слаженно песни ведут,
Даже и те, что потухли,
Вдруг загораются тут.

Песня о Хозяине, Белой кошке и Чёрной мыши

Песню я спел бы,
Но как бы не зря ли
Мыслью нарушить народную тишь?
Жили в одном из домов Хозяин,
Белая кошка и Чёрная мышь.
Двое героев повязаны были
Необходимостью в жёсткой руке:
Надо, чтоб Чёрную мышь изловили,
Кошку держать на голодном пайке.
Кошка подумала: «Милость какая!
Буду голодной служить я – шалишь!»
Кошку прогнали, не заикаясь,
И призадумалась Чёрная мышь:
Да-да-да-да! Вы такое видали?
Это придумана глупая мысль:
«Выгнали б кошку из дома едва ли,
Если бы кошка поймала ту мышь!»

Может быть, я приукрасил немножко,
Может, не прав я, как гражданин, –
Мышь убежала за Белою кошкой,
Выиграл только Хозяин один.

Белая кошка на новой квартире
Пищей прекрасною – очень!
Но, слышь?
Чтобы с Хозяином щедрым жить в мире,
Съела за нею ушедшую мышь.

Мир – сочетанье зла с добром...

Мир – сочетанье зла с добром...
Сложней не сыщешь сочетанья.
Добро понятно. Зло порой
Мне представляется как тайна.

Откуда всё же снизошло
И чья повинна в этом милость,
Что разъедающее зло
И проросло, и укрепилось?!

И где границу утвердить,
Чтобы напрасно не вздыхая,
Предупредить – там зло смердит,
А здесь – добро благоухает.

А если невозможна нить
Такой надуманной границы,
Не лучше ль нам не полениться
И зло навек искоренить?

Я поэт-комедиант

Я поэт-комедиант.
У меня такой талант,
Что петлю судьбы на шее
Принимаю я за бант.

Над таким талантом – льзя
Посмеяться иль нельзя?
Но меня не понимают
Даже близкие друзья...

***

Корова улетела в облака,
Пастух хватился: «Ух! А где корова?»
Потом он дождь, как водочку, лакал –
Потом корова приземлилась снова.

Но это было всё потом... сейчас
Она летит сквозь облака – ненастье,
И солнце для неё, как бычий глаз,
И вот она летит, как дура, к счастью.

***

Я хотел бы умереть
Не под «ми» – под ноту «ре».
Что такое нота «ми»?
Да пойми, мой друг, пойми –

«Ре» – рыдающая нота,
Умереть под «ре» охота,
Но предчувствую в душе,
Что умру я подшофе.

***

Я плевать бы хотел
На могущество ваших плевков,
Вы меня бы убили? –
Я давно уже к смерти готов.

Я хочу умереть –
Что прекрасней желания есть?
Умереть – и не петь,
И не пить, и не есть!

Смерть – блаженство,
Чудесное чувство огня.
Никакие подонки
Испугать не сумеют меня!

***

Тянутся дни пораженья,
Выдох и вздох!
Жизнь – это сраженье,
Смерть – это итог...

Я разрываюсь на части –
Что же, когда?
Жизнь – это ли счастье
Или беда,

Или отчаянный выдох,
Или нечаянный вздох?
Многообразие в лицах –
Однообразен итог.

***

А я не верю, будто Пушкин
Был гениальным от рождения.
Он был таким же непослушным,
Как все ребята, а не гением.

Он так же нос совал в проказы,
Зимою на коньках раскатывал.
Он вечерами слушал сказы,
А днём их крепостным рассказывал.

Я представляю очень живо
Прихожей сумрак и крестьян его –
Как непосредственно на диво
Он пересказывал талантливо...

А в парке мать его искала,
Звала в забытую действительность,
И Пушкин выходил из сказок,
Как из пелёнок, удивительный...

***

К нам приехал человек
С горного Алтая.
Утром выпал первый снег –
К вечеру растаял.

Удивился очень гость –
Что это за город?
Утром выпал тёплый дождь,
К вечеру был холод!

Утром, Боже, Боже мой,
Снова много снега.
Рассердился гость – домой,
На Алтай уехал!

НТР

Разбивается блюдце
Старых забот:
НТР – революция
Властно идёт.
Тише, счётные крысы!
Ваше время прошло.
Очень чётко и быстро
Мы находим число.
Что там опыт и знанье –
Это просто тюрьма.
Кибернетики зданье
Выше ума,
Выше силы и грусти...
Человек – тугодум.
Программируем чувство,
Программируем ум.

Пушкин – это история.
Кровь – любовь и уже
Зарифмованы строки
В электронной душе.

***

Из обломков юношеских сил,
Из останков детского мечтанья
Я построил – кто меня просил?
Город необыкновенной тайны.
Я признаюсь – не было и нет,
И, конечно, никогда не будет
Города такого...
Чудный свет
Росными утрами не разбудит
Жителей его. И только я,
Понимая нереальность бреда,
Знаю, существо своё храня,
Город мой, как пиррова победа.
Он построен из обломков бед,
Из осколков льда, из хлопьев снега.
В городе моём прохожих нет –
Я в нём исполняю человека,
Притворяясь, что ещё живой...
Нет в нём ни Адама, нет и Евы.
Жизнь моя, как лошадь головой,
Вертится направо и налево.

Боже мой! Как хочется любви,
Я влюблён в её прекрасный спектр.
Я построил город.
Только вы
Убедились – я не архитектор!

С. Нярую – первому ненецкому композитору

А если жизнь сравнима с нотоносцем,
То средний человек живёт в октаве,
Она на всей земле, увы, под солнцем
Зовётся, первой...
Я хочу прославить

Её – простую первую основу
Всех лучших песен светлых, словно детство.
Я представляю музыке – не слову
Одно из первых слов – звучанье сердца!

Вы слышали, как врали богословы,
И совесть их, распятая, молчала:
«Вначале было слово!» Нет, не слово,
А музыка вначале зазвучала –

Биенье сердца! С этой ноты звонкой
Всё началось не мудрствуя лукаво –
И первое дыхание ребёнка,
И первая... начальная октава.

А я люблю тебя, Ямал

А я люблю тебя, Ямал,
Не так, как любит тот пришелец,
Который выдрал и удрал.
Нет, я люблю тебя, как ненец!

Люблю я твой осенний снег –
Он самый белый, самый чистый,
Люблю зимы песцовый мех,
Люблю весны я снег лучистый.

Твои озёра я люблю,
Оби пространства тут такие,
Что и морскому кораблю
Здесь будет футов семь под килем.

Люблю твой тундровый размах,
Цветов и красок изобилье,
Но так случилось, что в сердцах
Уехал я из-за обиды.

Но я живу невдалеке
И очень часто, очень часто
К твоей морщинистой руке
Я припадаю как к причастью.

Пусть твой талантливый народ,
Что выжил в северных условьях,
Меня, южанина, поймёт –
К нему всегда я шёл с любовью.

Я изучал его язык,
Обычаи мне так знакомы,
К оленьей пище я привык
И в чуме чувствовал как дома.

Оленей ловко запрягал
И гнал, хореем погоняя...
Как я люблю тебя, Ямал,
Как скучаю без тебя я!

***

Эх, промчаться бы мне если
По деревне в «мерседесе»!
На единственнейшей улице
Повстречаться с глупой курицей...

... И пойти навстречу бабке,
Уронив себя в поклон:
«Извините! Вот вам «бабки» –
Тут почти что миллион».

И она, родная стерва,
Мне ответила бы так:
«На фига мне звероферма,
Удивительный чудак?»

И ответствовала б: «Да, вишь!
Знаю сущность я твою:
Девок наших ты не давишь –
Только курицу мою».

Я бы взял её за плечи,
Боже, вот моя родня!
И заплакал я и легче
Стало б сердце у меня.

«Баба Таня, где Крестентий?»
«Из лучины ладит свет».
Только их на свете нет, и...
«мерседеса» тоже нет.

***

Политика, прокладка, дама,
Билл Клинтон и Саддам Хусейн –
Всё это, видимо, реклама,
А истина одна – бассейн.

Но нет! Не возражайте мне,
Ведь даже я не возражаю –
Я знаю – «истина в вине»,
Но тут я Блоку подражаю.

***

Каждому живущему дано
Жить да быть, откладывая годы,
Женщину любить и пить вино,
Принимая на сердце невзгоды.

Каждому живущему дано
Чувство благодатное работы
И мгновенья те, когда оно
Заглушает прочие заботы.

Каждому живущему дано,
Отлюбив и отгорев, проститься
И, как говорится, в мир иной
Перебраться перелётной птицей.
Но дано ли каждому живущему
Умереть и повториться в будущем?

***

Думаешь, открываешь Америку,
Плывёшь, как идиот,
Мимо открытого пролива Беринга,
Чуть-чуть южнее – и вот!

Думаешь, знаю – умнее нет,
Ты же такой учёный!
А изобретаешь велосипед,
Давно изобретённый.

Гениальные пишешь стихи...
Не оберёшься сраму,
Потому что они плохи –
Подражанье Мандельштаму.

Влюбляешься в музыканта
И думаешь – ох и ах!
Но нет у него таланта
Ни на пятак!

Но я-то считаю здраво,
Ошибок не повторю –
Америку открываю,
Как глупости говорю.

***

Под Нью-Йорком, а может, под Плевной,
Под Москвой, никого не виня,
Я исчезну из памяти древней
Той деревни, что знала меня.
Все огрехи свои и ошибки,
Все печали свои и грехи
Я оставлю с ехидной улыбкой
Под названием звучным «Стихи».

***

Я не вижу в свисте смысла,
Как в осенней кутерьме.
Вот летят со свистом листья
В челюсть белую зиме,
Вот они её достигли
Иль она сжевала их,
Что ж, друзья, свистим мы или...
Или лучше на троих?

***

Развелись в России лохи,
Как на грязном месте блохи,
Но а кто такой он – лох?
Может, он не очень плох,
Может, он поэт наивный –
Сочиняет «новым» гимны?
Но тогда он не поэт,
Потому что «новых» нет!
Жизнь стремится по спирали –
«Старых» раньше обобрали,
«Новых» позже обдерут –
И сочтут это за труд,
И за честь, за ум, за славу,
Заморозят снова Савву,
Разморозят Павлика!
Предсказанье дурака.

«Быть знаменитым некрасиво»
(Б. Пастернак)

Я некрасиво знаменитый –
Я как помоями облитый.
Все говорят, что я оглох,
Меня ругают, словно вышел,
А я-то, да услышит Бог,
Всё это так прекрасно слышу!
Мне говорят, что я влюблён,
А я девицу ненавижу.
Все говорят: «Он ослеплён!»,
Но видит Бог – я это вижу!
Я оказался не у дел,
Давным-давно пришла мне смена.
Все утверждают – охренел,
А я, вообще, живу без хрена.

***

Эта птичка? Вот в горсти!
Что ж, родная, плачешь?
«Отпусти, да отпусти!»
Ведь не ты заплатишь?

Ты не ставила силки,
Не молила Бога,
Так что, душенька, сиди,
Помолчи немного.

***

Я не верю – навеки погасли
Страсть к любви и любовь к этой страсти,
И, наверно, назло всем буржуям
Мы костёр нашей страсти раздуем!

Но я верю – костёр тот погаснет,
Несмотря на взаимные распри...
Несмотря на печали печалей,
Будет радостной жизнь, как в начале!

***

Разведу руками –
Только ты держись!
У меня такая...
Растакая жизнь.

Мой карман? Он узкий,
Плоский – ё-моё!
Я не новый русский.
Русский – вот и всё!

***

Куда сейчас поеду я,
Куда я попилю?
Люблю ломать комедию,
А строить не люблю.

Работа эта мутная –
Искать в себе сюжет,
И нудная, и трудная,
А я лентяй-поэт.

Могу, поверьте, грамотно,
Да искренно, всерьёз
Преподнести вам драму я
Под стук дождливых слёз.

Конечно, мне, как «гению»
Страданий и любви,
Построить бы трагедию,
Но я лентяй, увы!

А жизнь уходит медленно
Под водку и под мат.
Люблю ломать комедию
И жизнь свою ломать.

Чиновникам – слава!

Чиновникам – слава!
А может быть, нет?
Ужасное право –
В улыбке... кастет!

Зелёные зубы –
По доллару в ряд.

Они-то негрубо
С тобой говорят.

Понять их возможно –
Нехитрый обман:
Не лезут под кожу,
А лезут в карман.

***

Солнечная радость бытия –
Солнце, радость, а за ними – я!

А потом, увы, наоборот,
Я предполагаю эту гадость –
Солнце, освещающее гроб,
Я в гробу – и только после радость!

***

Увы, изобразить мессию
Так не хватает мне огня,
Когда я писаю в Россию,
Она всё какает в меня.

***

Я понимаю так, что всё не так
Поистине в моей судьбе сложилось –
Я золото искал, но так случилось,
Что я в итоге получил пятак.

И я так глупо на него подпёр –
Ты временем, наверное, истёрт,
Где вкус твой, где достоинство твоё!
И мне пятак ответил: «Я – не торт».

***

О женщины любимые мои!
Скорее не мои – вы все от Бога,
Вы как синицы или соловьи,
Вас только слушать, но нельзя потрогать –

Вы тут же упорхнёте в облака,
Поближе к Богу – он родитель женщин.
Останутся мужчинам голоса
И в памяти глаза, как чудный жемчуг.

Е. Сусой – вдове ненецкого поэта Леонида Лапцуя

О друг мой!
Слышал ты легенды
Сихирти – чудь, сихирти – чудь?
Послушай яробцы Елены
И жизни ты уловишь суть.

Она поёт, как пела мама,
Как бабушка её... она
И дочь, и внученька Ямала,
И соловья его жена.

Ему всегда пусть будет чаем
И строганиною земля...
Как часто мы не замечаем
Ту тишину – без соловья.

Рождение берёзовой рощи

Берёзовая роща в снегу –

Это логическое продолжение снега...

Я шёл по полю на лыжах...
И вдруг – чудо!
Берёзовая роща.
Как она появилась?

В заснеженное поле упал метеорит,
Он поднял вверх столб земли и снега.
Каким-то непонятным
Для человеческого мышления образом
Из снега образовались стволы,
А из земли – ветви.

Так появилась берёзовая роща.

Пусть кто-нибудь объяснит мне это иначе!

О собаке

Совсем невозможно стало
Хозяину в доме уснуть –
Пёс его старый-престарый
Начал выть на луну.

Вой этот душу, сердце
Тоской разрывал своей.
Казалось, что взвыли вместе
Собаки планеты всей.

Дверь отворилась хрипло,
Луной освещалась земля –
И жалкая полуулыбка
Встревоженного кобеля.

Представьте – глубокое небо
И тени от двух существ,
И тихое: «Хочешь хлеба?»,
И отрицательный жест...

А утром в сад они вышли,
Хозяин ружьё припас,
И падали, словно вишни,
Слёзы из псиных глаз...

А ночью, когда всё спало,
Хозяин услышал вой,
Он крепче схватил одеяло
И спрятался с головой.

***

Чуть заикаясь от восторга,
Ты говоришь мне про Кавказ –
Про магазины Курортторга,
Ну и про горы пару фраз.

А я не знаю – мне сердиться
Или совсем наоборот –
Ведь это ж надо умудриться
Жить на Кавказе целый год

И после чушь нести про платья,
Про свитера и джемпера.
Скажи, не врезалась ли в память
Тебе хотя б одна гора,

Ты не бродила по ущельям,
Под звёздным небом не спала,
Ты не следила за пареньем
Высокогорного орла?

Но ты бормочешь с извиненьем,
Что было некогда, дела...

***

Пусть грусть
Покинет Русь,
Но Русь без грусти
Не будет русской,

Не будет чистой
Без синей Волги,
Как нет и истин
Без споров долгих.

***

Я умру хорошей смертью...
Через несколько годков
Сочинит хирург бессмертье
Для подобных стариков.

Выйдя строем из больницы,
Старики начнут реветь:
«Почему же, – станут злиться, –
Не успели умереть?»

Ах-ах!

Я над своей строкой тружусь без лени,
Я тайный смысл передам народу.
Моя строка, как веточка сирени,
Что зацветёт, едва увидев воду.

В тени от пули

В тени от пули,
Что летела в сердце,
Мой разум безмятежно отдыхал.
Он убеждён был –
Не найдётся дерзкий
И юный, но настойчивый нахал,
Который бы совсем не по соседским,
Не по соседским меркам – пулю дал.

Она тогда своей достигла цели,
И я потом лишь горько сожалел,
Что разглядеть ту пулю не сумели
Ни Бог всевышний – у него-то дел,
Ни чуткие друзья, что песни пели,
И даже я, увы, не разглядел.

***

Женщина смеётся – она ли не счастлива?
Ей хорошо. Даже солнца блики
Она принимает как посылку от Бога,
И только краешком сознания
Чувствует женщина – всё это враки
И что она – такая счастливая –
Несчастнее даже последней собаки.

От этой мысли – мурашки по телу,
От этой мысли – волосы дыбом!
А счастливой, счастливой-то быть хотелось,
Как в воде быть хотелось пойманной рыбе.

А в итоге – видимость... счастья... полного.
Муж – и ребёночек скоро будет.

Всё это трухлое. Всё это полое.
Это не то – понимаете, люди?

А люди видят – смеётся женщина.
Ей хорошо. Даже солнца блики
Она принимает как посылку от Бога...

***

Повеселиться б,
Да вино не берёт меня,
Да мир издевается над шутом печальным,
А солнце, как лебедь, вылетающий из огня,
А луна, как перевёрнутая чайка.

Повеситься б
На перекладине солнца и луны,
На весах дня и ночки,
Чтоб не видеть ни звёздной жены,
Ни космической дочки.

А простыми словами говоря –
Негрубыми и неласковыми,
Жизнь моя прожита зря,
Словно – чирк! над водою ласточка.

Строганина

Что за чудо-строганина!
Не расскажешь ни за что...
Вот беру я ножик длинный –
Шкуру рыбы, как пальто,
Очень бережно снимаю.
Ну, смотрите – начинаю!

Раз – и ножиком вдоль спинки,
Два и три – и много раз.
Вы хотите строганинки?
Потерпите – я сейчас!

Добавляю соль и перец
К грамму спирта, и томат...
Правда, так не делал ненец –
Так придумал русский брат.

Вот теперь она готова –
Строганина муксуна.
Хороша? Не это слово –
Восхитительно вкусна!

Воры

Страна воров,
Воры страны,
И я готов
Украсть штаны,
Увы, без них
Нельзя теперь
Просунуть стих
В глухую дверь.
Воруют все –
И в городах,
И на селе,
И даже – ах!
В полиции –
Представите?
Воруют и
В правительстве!
Вор на воре.
Неужто смех,
Коль в январе
Украден снег?

А летом глянули
И вдруг
Украли, мля,
И солнца круг.
Но подожди-
те осень ту,
А где дожди?
Дожди тю-тю!
И я уснул,
И снится тут,
Что и весну
Уже крадут.

P.S.

Признаться честно, я готов –
Мои признания нужны?
Страна ворует у воров,
Воры воруют у страны.

***

Я – Марласов Анатолий,
Толик Марусенко он,
Я пишу стихи от боли,
Он в поэзии – пижон.

Нас роднит не только это,
Не движения светил:
У меня есть дочь поэта,
У пижона – сын Кирилл.

Но скажу я, между прочим,
Отвечая за «базар»,
Не похожие мы очень –
Марусенко и А. Мар.

Да и было бы накладно –
Я б не выдержал и он,
Если б мы писали складно,
Ладно, важно, в унисон.

В унитаз – такие строчки
Обесценили бы дар.
Не похожие мы очень –
Марусенко и А. Мар.

***

Верующим, о Аллах!
Снисходящим до интима,
Сели лебеди в углах
Глаз любимой.

И безбожникам, увы,
Снисходящим:
Нету истинной любви
Настоящей.

Я же верю в синеву –
Грусть,
Сели лебеди в траву
Чувств.

Пусть осудят, осмеют,
Одурачат.
Дурь и смех, и уют –
Много ль значат?

Много ль значит нервный страх?
Бьёт, но мимо.
Сели лебеди в углах
Глаз любимой...

***

И я представил – стая птиц моих
Нечаянно куда-то улетела,
И всё, что делал я, не стало делом,
И всё, что пел, не музыка и стих.

Не стихнет жизнь...
И стая голубей
Когда-нибудь куда-то приземлится,
Её покормят ласковые лица.
И небо сразу станет голубей!

***

В возрасте Иисуса Христа
Я искал бы лучшие места,
А она с улыбкою былинной:
«Север – это тоже красота!»
Эх, куда же Валю-Валентину
Бросила нелёгкая мечта?

Где, в каких краях родимый дом?
«Да оставьте это на потом!»
И она с улыбкой стюардессы,
В огненный вступающий поток,
Говорит, что не страшны ей стрессы,
Как пилоту звёздный потолок.

«Не страшны мне эти холода.
Снег в лицо, подумаешь, беда».
И она с улыбкою царицы,
Покорившей силой города,
Признаётся, что прожить боится,
Не оставив на земле следа.

А.С. Никитину

Бога я ль прогневал,
Чёрт меня ль попутал –
Только нет и в небе
Ни гусей, ни уток.
Вырыли в снегу мы
Славные скрадки,
Но летели думы,
А не гусаки.
Ой, вы, думы-думки,
В этом ваша сласть –
Где возьмём мы сумки,
Чтоб трофеи класть?
Или в магазине
Уткой запастись,
Чтоб, эх, разини,
От смешков спастись.

***

Понемножечку – пять граммов –
Это было бы с руки.
Дай нам, миленькая мама,
То, что просят мужики.

Что мы просим? Ты же знаешь –
Просьбы тихи и легки.
Ты ведь всё же понимаешь
То, что просят мужики.

Современные указы,
Как в печёнку острый нож.
Впрочем, что тебе рассказы,
Ты, наверно, не поймёшь...

Ну, родимая, подумай –
Не в голодный год муки.
Так налей же в наши рюмки
То, что просят мужики!

***

Земля моя живёт легендой,
А я живу землёй своей,
Её перепоясал лентой
Не древнегреческий Антей,

А эти скромные ребята –
Трудяги и весельчаки
Из Оренбурга и Арбата,
С Кубани, Волги и Оки.

Со всех концов страны бескрайней
Их ветер юности занёс
На этот Север, Север ранний,
Где был рождён сам Дед Мороз!

***

Что рассказать вам о Ямале,
То, что Ямал – совсем не мал?
Любой из вас, сидящих в зале,
Давно б на карте подсчитал,

Давно бы мог его измерить –
И высоту, и ширину,
Что «край земли» – легко поверить,
Его прозвали в старину.

А ныне молодость Ямала,
Её отваги гордый пыл,
Обескуражила немало
Заокеанских воротил.

Шла юность в мёрзлые болота,
Шла юность в комариный «рай»,
И слово звонкое «работа»
Преображало дикий край.

Теперь тут мощные заводы,
Теперь навеки – навсегда
Стальная нить газопроводов
Пришила к тундре города.

Никуда меня не денешь

Никуда меня не денешь,
Хоть в поэзии – чужак.
Я пою не ради денег,
Я пою – да просто так!

Настроенье – слава Богу.
Нет такого – ну и что ж.
Отправляюсь я в дорогу –
Завтра рано не найдёшь.

Не хвалюсь бродяжной сутью,
Да и песней не хвалюсь.
С переполненною грудью
В дом покинутый вернусь.

Буду петь...
И будут вторить
Солнца сочные лучи,
Половицы в коридоре
И сверчок из-за печи.

***

Ах, как завьюжила пурга
В начале светлого июня,
А через день белы снега
Вдруг потекли, как старца слюни.

Он возле чума задремал
И видел сон – в ягушке белой
На нартах въехала зима
В его расслабленное тело.

***

Кто сказал, что в чуме тесно,
Кто сказал, что холод в нём,
Если ханты чудо-песня
Полыхает в нём огнём!

Но огонь не в поднебесье –
Можно шкуры опалить.
Что там шкуры, если песня,
Как душа моя, болит...

Преподобие любви

Очень долго нет тебя,
Ты куда запропастилось,
Может, в море опустилось –
Что за глупая судьба?
Может, в небо поднялось
Или в тундре заблудилось,
Ты куда запропастилось
И куда ты подалось?
Как хантыйский «Наутилус»,
Я ищу тебя, увы!
Ты куда запропастилось,
Преподобие любви?

***

Спрошу как можно искренно,
И пусть корят меня:
«А где, ответьте, искорка
Сегодняшнего дня?»

И мой вопрос – не эхом ли
Повиснет в небесах?
Эх, долго же мы ехали,
Засыпались в песках.

Глаза лишь протираем мы,
Как ружья на парад,
Стоим мы против рая ли
Или напротив ад?
Как много потеряли мы
Сомнений и солдат...

***

Синяя птица солёного моря,
Волны – страницы, а берег – обложка.
Как убегал я от горького горя,
Как же я счастья хотел – хоть немножко.

Но получилась большая оплошность –
Волны прекрасного моря накрыли
Берег песчаный – и счастья обложка
Вся испарилась на горестных крыльях.

Да, получилась такая потеха,
Люди-зеваки ей очень довольны,
Только бесстрастный библиотекарь
Перелистывает волны.

Я задыхаюсь от синего смеха –
Будьте вы прокляты!
Будьте спокойны...

***

Анатолий Кашпировский
И товарищ А. Чумак,
Я, конечно, вам не ровня,
Не умею мудро так

Все магические пассы
Ловко телепродавать.
Я поэт – А.М. Марласов,
И могу я колдовать

Лишь словами-небесами
И луною-запятой.
Но, конечно, я с усами
И с коронкой золотой.

***

Ради сотен дорог
Пройти бы, наверное, я смог
По жизни,
Я выбрал одну –
Ту, которой иду.

Ради тысяч тропинок,
Которыми уйду я из жизни,
Я выбрал одну –
Ту, которая вьётся
По тундре.

Ради миллиона женщин
Я выбрал прекрасный жемчуг –
Тебя.
Одну...

***

Будут у дочурки – у Ирины
Славной её дочки именины.

И внучонка спросит: «Что же нет
За моим застольем
Человека под названьем Дед,
Мама, его звали Анатолий?»

Первый вариант её ответа:
«Умер Дед. Он был большим поэтом.

Он горел, грешил. Его грехи
Из него тянули душу лихо,
Но рождались светлые стихи –
Неопубликованные книги».

Вариант второй я тоже вижу –
К истине суровой этот ближе.

«Непутёвым, дочка, был твой Дед,
Не жалел ни душу он, ни сердце.
Умер рано, не оставив след
Не в поэзии и не в наследстве».

***

Как хорошо бы – жить да жить,
Ничем особо не рискуя,
И даже песню не сложить,
О красоте любви тоскуя.

Как хорошо бы – жить да жить,
Забот особенных не зная,
Людской печалью не тужить,
Звериной страстью не страдая.

***

Что наша жизнь?
Зачем уменьшен
Авторитет её и вес
До тяжких ласк неверных женщин,
До лёгкой простоты чудес?

А мы всё слепо рвёмся в небо,
Нас ослепляет свет из тьмы,
Из-за куска простого хлеба
Планету оставляем мы.

Сон

Ветер стонет, хлопья кружат,
Мне такой приснился сон –
Солнце село, словно в лужу,
За кровавый горизонт,

И его лучи оттуда,
Как ракеты, вверх торчат,
По земле течёт верблюда
Сумасшедшая моча.
Потеряли люди души,
Совесть, разум, честь и речь.
Человеческие туши,
Словно лодки, дали течь.

Уплываю я за город,
Но и там невпроворот,
Но и там меня за горло
Кто-то яростно берёт!

***

Тяжело быть луной,
Беременной бессонницей,

Но в сто тысяч раз
Тяжелее быть солнцем!

Тяжело быть морем –
Земли разорвавшейся раной,

А, представляете, как нелегко
Быть океаном?

***

Душа людская не пуста,
Когда она сердца тревожит
И восторгается: «О Боже!
Какая всё же красота,

Какой немыслимый покой
И солнце, солнце над планетой,
И да пребудет вечно это –
Мир изумительный такой!»

***

Моя любимая жена,
Я – полководец, ты – война!

Но победить тебя, увы,
Я не могу, как мне хотелось, –
Моя застенчивая смелость
Не есть воинственность любви.

Моя любимая жена –
Непобеждённая страна.

Твои отливы и приливы,
Твоя печаль, твоя тоска
И сердце – чуткая Москва –
Все меня делают счастливым.

Моя любимая жена
Неоднозначна, как весна.

Она – то вербой расцветает,
То снегом душу леденит,
То, разрывая солнца нить,
Она, беспомощная, тает.

***

Эй вы, горе и беда,
Я вас, братцы, приглашаю –
Забегайте иногда
К переполненному чаю.

Пусть ответствуют: «Дурак»
Все любители покоя,
Но нельзя же, люди, так,
Но немыслимо такое,

Чтобы счастье и успех
Были солнцем все палимы,
Чтобы тучи, чтобы снег
Пролетали только мимо...

Эй вы, горе и беда,
Исполнительницы долга,
Я сказал вам: «Иногда», –
Вы зашли ко мне надолго.

***

Я убеждён,
Что южные деревья
Деревьями родились и умрут,
А в лесотундре их листва, как перья
Огромных птиц, окаменевших тут.

Деревья – птицы...
В каждом что-то птичье.
Вы приглядитесь...
Видите?
Глаза!
В них боль сквозит
И бывшее величье,
Но главное –
Стремленье в небеса!

***

Луна, как косточка из пальцев,
Выскользнула из-за туч
И глянула на землю
Так непосредственно и счастливо,
Что даже ослик в нашем сарае
Пошевелил ушами...
И улыбнулся.

***

Как дождь зелёный с высоты,
Гора Машук, гора Бештау –
Тут столько смысла, столько тайны
И столько доброй красоты.

Тут тропки детства моего,
А я отсюда улетаю...
Гора Машук, гора Бештау,
Простите сына своего.

Из китайской поэзии

«Куда ты, речка, привела?» –
Поставил свой вопрос я остро
И оглянул тоскливо остров –
Нет к возвращению весла.

Был юным, смелым, как стрела...
А ныне я ответ тот знаю:
«Куда?» – прекрасно понимаю –
Нет к возвращению весла.

***

Взаимоотношения...
Взаимно напоказ.
Вы любите?
Конечно!
И я за это вас.

Ну что же вы не видите
Простейший парафраз:
Меня вы ненавидите –
И я за это вас!

***

На душе моей такая слякоть –
Я запил бы, если пил немного,
Я заплакал, если мог бы плакать,
Помолился, если б верил в Бога.

Счастье может в души возвращаться –
Я запел бы, если пел немного,
Засмеялся, если мог смеяться,
Помолился, если б верил в Бога.

***

Случайностью слепой храним,
Не раз спасённый чудом,
Я всё-таки не верю им,
А верю добрым людям.

Они меня всегда спасут
И спрашивать не станут,
Как чудеса, не ускользнут,
Как случай, не обманут.

***

Есть простота в тревожных линиях,
Когда в лесу зимой
Провёл талантливой рукой
По косточкам деревьев иней.

***

Я тронут равнодушием невольно,
А вашим равнодушием вдвойне –
Мне больно от того, что вам не больно,
Что вам не больно, очень больно мне.

***

Остроконечная стрела
Настигла старого орла,

Пропела тонко: «Ты умрёшь»,
И он ответил ей: «Ну что ж!

Смерть не страшна – я много жил,
Я отстрадал и отлюбил,

Я переделал много дел»,
А сам вперёд летел, летел...

И обессилела стрела,
Вонзилась в землю – не в орла.

***

Вопросы праздные –
Он молод, сед?
Но мерки разные,
Единых нет,
Был юным отрок
И чуть не в крик:
«Кому за сорок –
Уже старик!»
А умирая,
Сказал жене:
«Ты – молодая,
Не пара мне.
Не надо ссоры,
Люби-иди.
Тебе лишь сорок –
Всё впереди».

***

Светло и чисто на душе,
Как в первозданной горнице,
И мысли мрачные уже –
Ура! – за мной не гонятся.

Сказать кому-то – не поймёт,
Привяжется с ехидцею:
«Живёшь как рыцарь Дон Кихот»,
А что во мне от рыцаря?

Не накопил добра – вещей,
Но верю в завтра славное.
Светло и чисто на душе,
А это всё же главное!

***

Ночь захлопала ушами,
Совы вздрогнули,
Но вы
Никому не помешали
В глупой нелюбви – любви.

В злостной радости – печали,
Как всегда не по уму,
Никому не помешали –
Даже сердцу моему.

Девятый вал

Холодные брызги
Соленого моря –
И нет ещё счастья,
И нет уже горя,
И нет ни сомнений,
И нет ни любимой,
И прошлое с ветром
Проносится мимо.

Так вот что всегда мне
Недоставало –
Девятого вала,
Девятого вала,
Так вот почему это
Тягостно было –
Ты просто меня
Никогда не любила.

И всё это – сказка,
И всё это – небыль:
И синяя качка,
И чёрное небо,

Ведь ты не смотрела
С далёкого мола
Сквозь синие брызги
Холодного моря.

Мне так не хватало
Солёного ветра,
Когда до опасности
Около метра,
Когда забываешь
Любые обиды,
Когда твоё горе
Никто не увидит.

Мне так не хватало
Морского простора,
И нет уже места
Для женского вздора...
Теперь-то я знаю,
Что мне не хватало –
Мне мощь не страшна
И десятого вала!

***

Мне хотелось подняться и выйти,
И пройтись босиком по стерне...
За бортом океан Ледовитый
Вытаранивал азбуку мне.

Льдины грудью стучали в железо,
Словно люди борясь против лжи.
Что ж ты, льдина холодная, лезешь,
Что сказать мне ты хочешь – скажи!

Как старик непонятно сердитый,
Ядовитый такой старикан,
Льдины гонит на нас Ледовитый
Неразгаданный океан.

***

Я верю, что мир наш светел,
Чисты у людей сердца,
А ты налетаешь, как ветер,
И дуешься без конца.

Я верю –
Весна прекрасна
И будет ещё теплей,
А ты для весны опасна
Холодностью своей.

Колобок

Я помню этот страшный год,
Хотя забыть хотел и очень.
Вот мама сказочку ведёт
О колобке: «Терпи, сыночек».

И как мечтою в облаках
Я погружался в сказку эту
И по примеру колобка
Хотел пойти по белу свету.

Но я не стал бы убегать
От всех голодных по России,
Я стал бы людям предлагать,
Чтоб по кусочку откусили...

Россия, я твой колобок.
Не тот, что пел всегда беспечно.
Тот, в сказке получив урок,
Был съеден чуть ли не из печки.

Беспечно не пою я, нет!
С небес я не хватаю звёзды.
Я из муки военных лет
Голодной матерью был создан.

***

Что за профессия – поэт?
Такой, по-моему, и нет.

Нельзя ж профессией считать
Моё умение летать,

С орлами горными общаться
Или в деревья превращаться,

Иль расчленять и тьму, и свет,
Ценить и счастье, и тревогу?

Профессии подобной нет.
И хорошо. И слава Богу!

Ирине Мар

Говори, мой друг, предельно просто –
Ты со мною так, как я с тобой,
И стихов естественная россыпь
Станет неподдельною судьбой.

Просто говори, не упрощая
Сложностей великих бытия,
И не лги – искусство не прощает
Даже безобидного вранья.

На твоих душевных перекрёстках,
В каждой ситуации – в любой,
Говори, мой друг, предельно просто,
Как наедине сама с собой.

***

Когда шахматные фигуры –
Король, королева и тура
Охрипли от спора –
Кто из них важнее,
Упала шахматная доска –
И спор был окончен!

***

Печально это состояние –
Жить вообще без состояния.

Геннадию Райшеву

Жизни извечная радость,
Радость прекрасного дня –
Солнце!
Как Бога награда
(Ах, атеисты, не надо!), –
Чудо для вас и меня.

Лучшая в жизни примета
В счастье, любимое мной, –
Солнце зелёное это –
Сочное солнце весной!

***

Он разучился быть орлом,
Он где-то раз-другой замешкал
И очутился под столом
Всего лишь навсего орешком.

***

Когда вы в тарелку
Положите мясо
И рюмку нальёте
(Храни вас Аллах!),
Вы, может быть, вспомните:
Жил-был Марласов,
Который запутался
В солнечных трассах
И в тихих, и в тихих,
Медлительней молний,
Простых, как могила,
Дурацких стихах.

Трава уронила
На землю росинку –
Такого не может,
Наверное, быть!
Пусть критики спляшут
У гроба лезгинку,
Но я, уверяю вас,
Всё же не сгину –
И буду, как раньше,
На этой планете,
Под этой планетой
Поэзией жить!

Белый конь

А. Никитину

Поднимается пар на лугу по утрам,
Будто тяжкой косьбой занимаются там.
Спят берёзы и сосны и лёгкий их сон
Охраняет цветами опутанный конь.

Припев:
Белый конь, белый конь, белый конь,
Ты душевные струны, как травы, затронь,
И душа запоёт, словно в детстве струна,
Что-то вспомнит она, что-то вспомнит она.

Конь по лугу плывёт, как по белой росе,
Он оставил меня и плывёт нелегке.
Он воздушнее, чем сновидений полёт,
Он из осени далёкого детства плывёт.

Припев

Это было недавно, это было вчера –
Я в ночное ходил, песни пел у костра
И в бессмертие верил, как в чудо огня,
А теперь я белее, чем грива коня.

Припев

Мария-Анна

Как бабочка из «куколки»,
Выскальзывает из ванны
Разовая куколка –
Дева Мария-Анна.

Руки её трепещут,
Своё вытирая тело,
И молчаливые вещи
Смотрят её обалдело.
Тело, как строчка гения, –
Нет ничего совершеннее!

Даже его отражение
Проигрывает в сравнении.
И даже помыслить боязно,
Не то, чтоб нескромным взглядом.
И я умоляю: «Боженька,
Не надо!»

Не надо – в искупление,
Не надо – во имя Христа!
Нет ничего совершеннее,
Чем подлинная красота.

Её бы в музей на выставку
«Да святится твоё»,
Чтоб можно бы очередь выстоять
На созерцанье её

И от учёных услышать
Мнение иностранное:
«Нет ни излишеств
У тела Марии-Анны!»

Услышал бы от болгарина,
Что к этой скульптуре прирос:
«Тело её – благодарное
Место хранения роз».

Но всё-таки, как ни странно,
Скажу по секрету я:
«Дева Мария-Анна
Живая!
Я вижу её нередко,
Соседка через дорогу,
Немыслимая кокетка –
Глупее тела намного».

***

В душе темно – и ни души!
Так не хватает ей озона,
Ведь загазованность души
Как загазованность газонов.

Машины фыркают, урчат,
Дымят затравленно заводы,
Мы пьём не чудо из ручья –
В бутылки спрятанные воды.

Всё ограниченнее круг
Полёта птиц, оленьих ходок
И рыбы скоро станут – ух!
Из серии больших находок.

Всё ограниченнее ширь,
Снега всё чаще нефтью тают,
И даже Север и Сибирь
Уже одышкою страдают.

***

Я ничего не понимаю –
Куда лечу, зачем живу?
Я сам себе напоминаю
Под светом солнечным сову.

Она вот так же скорбно кружит
Над одиночеством реки,
Ни с кем не любится, не дружит –
И изнывает от тоски.

***

В моей судьбе впечатан Север,
И я, взращённый на «югах»,
Не научился жить и сеять,
И различать цветы в лугах.

Зато могу закинуть невод
Не в озеро, а в облака,
И, вытащив на берег небо,
Ему пощекотать бока.

Ань торово

Едем в гости – северное чудо,
Важенки вперёд стремятся важно.
Мчат олени нас, примчатся к чуму:
«Ань торово, – нам хозяин скажет, –

Был ваш путь, однако, очень длинным,
Ночевали в «чуме» куропатки?»
Ань торово – будет строганина,
Ань торово – будет всё в порядке!

Из любого ненецкого рода
Улыбнётся старый вам и малый.
Нет гостеприимнее народа,
Чем народ Полярного Ямала.

Тропинка

А я к тебе, Россия, шёл
Такой, какой ты ныне стала,
Не по дороге – синий шёлк,
А по тропинке из металла.
На ней взрывались пацаны –
Полуголодные «салаги».

Отцы их не пришли с войны,
Пришли медали и бумаги.
А мне, мальчишке, повезло –
Отец домой пришёл под вечер
И обнял скорбно и тепло
Меня, худющего, за плечи...
Сейчас мне год сорок второй
И сорок, как войны не стало...
Не заросла ещё травой
Тропинка детства из металла.

***

Какие-то странные сны
Мне снятся
И рвутся, как сети,
Как будто бы наведены
На юношу телеантенны,
И кто-то, невидимый мной,
Почти с петушиным стараньем,
Как курочек,
Кнопочки мнёт –
И вновь сновиденье стирает.

***

Обошёл я пол-России,
Пол-России обошёл,
Знаю я дожди косые
И иные – хорошо,
И «прямые», мать родная,
Поливали же меня,
Но шагал я, не страдая,
Без машины, без коня.
Утирался полотенцем –
Чудо, что ни говори,
После дождичка, да с кранцем –
Красным всполохом зари.

Мне не надо звонкой славы,
Дождь идёт – и я иду,
Я привык к дождям державы,
Им особый счёт веду.
Есть холодные, тупые,
Есть теплее, чем костёр,
Есть косые, есть слепые,
Есть пронзительные – с гор.
С горя, радости и боли
Дождь смывает гарь и фальшь –
Выхожу я в чисто поле
Или просто – на асфальт
И тянусь за песней звонкой
Струй дождя, что тянет вверх,
Как за девушкою тонкой
После дождичка в четверг.

***

Непонятен я и странен
Дочке милой и жене...
Что они? Прошёл, как странник,
Я по русской стороне.

А, казалось бы, она-то
Уж меня понять могла.
Дочь – конечно, дочь – понятно:
У неё свои дела.

И жена глаза косила
На красивых мужиков,
Ну а Родина – Россия,
Мать моя, родная кровь,

Я ль её любил не очень,
Непочтителен ли был?
Я её любую осень
По-весеннему любил.

***

Сейчас так модно – сохранить природу,
Огородить волшебною рукой,
А не она ль грозит людскому роду
Отторгнуть от себя весь род людской?

И неизвестно кто кого – поверьте,
У каждого оружие своё.
Природа не позволит своей смерти –
Несмертная порода у неё.

Горе Машук

Ты дорог мне, старик печальный,
Тем, что на каменной груди
Поэт великий, но опальный
Увидел солнце впереди.

Оно в последний раз блеснуло
В его задумчивых глазах
И закатилось, и уснуло,
И ожило в его стихах!

г. Пятигорск

После болезни

После тяжёлой болезни,
Выйдя из небытия,
Тихо ступаю по лесу,
Воздуху радуюсь я.

Выпуклей всё и приметней
После болезни моей –
Птаха щебечет на ветке...
Кажется, воробей.

В жизни не требует много,
«Жив, да жив-жив!» – надо мной.
Жив, дорогой, слава Богу
И медицине родной.

Речь мою не понимая,
Вздрогнул воробушка весь...
Боль на себя принимая,
Стонет заснеженный лес.

Сорок лет

У меня друзей палата –
Сорок искренних друзей,
Потому на круглой дате
Сорок восковых свечей.
Я расставлю эти свечи,
Подожгу их – пусть горят.
Сорок лет ещё не вечер –
Так в народе говорят.
Десять самых-самых первых
Открывают то число,
Свечи их горят так мерно,
Мирно, медленно, светло.
Средь последнего десятка
И «седые» есть уже.
Видно, им жилось несладко,
Было всякое в душе...
И потухли эти свечи,
И друзей в помине нет.
Сорок лет ещё не вечер –
Просто сумеречный свет.

Мелодия

Я не могу припомнить ту мелодию,
Которая однажды потрясла.
Она плыла из окон или лоджии –
Величественно медленно плыла.

Вокруг мелькали чьи-то лица, руки,
Машины шли, как новобранцы в бой,
А я стоял и слушал эти звуки,
Они меня заполнили собой.

Я был из этих чудных звуков соткан,
И не забыть вовек, казалось мне,
Мелодию из лоджии иль окон,
Летящую медлительно, как снег!

Я не могу мелодию припомнить,
Коснулась она сердца и ушей,
И этот город Сочи или Ровно,
И эта ли планета, вообще?

***

Художники, я вам дарю пейзаж –
Посёлок Севера во всём великолепье,
Искусный иней так прекрасно лепит
Воздушного посёлка сей мираж.

Подвешены за ниточки дома –
За тоненькие ниточки из дыма,
Качаются дома, а между ними
Качаются сугробов закрома.
Но тишина искусственной была,
И вдруг через какое-то мгновенье
Выстреливают белые олени
Из переулка, словно из ствола.

Собаки вслед бегут – и что им страх,
Когда хвосты их, как полки из сабель,
А нарта, как игрушечный корабль,
Несётся на воздушных парусах.
Ведёт его весёлый капитан,
Оленей погоняя, словно пленниц,
И кажется, орнаментальный ненец
Пересекает бурный океан.
Он бдительно разглядывает путь,
И не мешает на ресницах иней,
Сияние мерцает, будто финиш,
Который он возьмёт когда-нибудь.

Гимн Югре

Я будто лечу перелётною птицей
И верю, и верю в такую игру –
Увидеть Югру и в Россию влюбиться,
В Россию влюбиться, увидев Югру.

Припев

Югра – это часть неделимой России,
Югра – это свет, затаённый в сердцах.
Озера Югры без конца голубые,
Чтоб слышать Россию, не ведая страх.

Не ведаем страх, что Россия погибнет,
И русский язык – нет, не будет молчать,
И будут звучать наши мощные гимны,
И песня «Катюша» да будет звучать!

Припев

Праздник солнца

Ань торово, ань торово!
На хорее Солнце снова
И звенят на нартах кольца:
«В тундре праздник – праздник Солнца!»

В тундре праздник, в тундре праздник,
Каждый взрослый как проказник,
Даже дед мой пляшет соло,
Исполняя танец Солнца!

Пусть, конечно, пусть, конечно,
До морошки вкусной вечность,
Но уже молва несётся:
«В тундре праздник – праздник Солнца!»

Нарты быстрые, как птицы!
Весь народ на праздник мчится.
Нету места даже сонным:
«В тундре праздник – праздник Солнца!»

***

Обмелеет к осени река,
Станет скучно в северном селении –
Не услышишь до весны гудка,
Будоражащего население.

Потечёт речушка не спеша,
Как уже веками людям помнится.
Обмелеет к осени душа,
Как река, водою не наполнится.

***

Над Салехардом стонут чайки
И в одиночестве, и в стайке.

Я слышу в их печальном стоне –
Как будто где-то кто-то тонет.

Их крик к тревоге поднимает,
Но их никто не понимает.

А может, правда, кто-то в горе,
Необязательно на море,

Во мне, в тебе души не чает,
Зовя на помощь криком чаек?

А всё же – что их крики значат?
Вот так больные дети плачут,

Но чаще мы не замечаем
Кричащих и тревожных чаек.

***

Моя любимая жена,
В моих друзьях души не чая,
Подала фруктов и вина,
А после по стакану чая.

Мы говорили о стихах,
До полуночи не стихая,
Моя любимая всё: «Ах!
Как восхищаюсь я стихами».

Друзей до двери проводя,
Она им кланялась сердечно
И говорила: «Завтра, да,
Вы посетите нас, конечно?»

Убрала творческий бардак –
Тарелки, вилки и бутылки –
И улыбнулась мне, да так,
Что долго я чесал в затылке.

И скромной нежностью она.
Она была мила на милость,
И я не выдержал: «Жена,
Скажи по правде – что случилось?»

Девичья песня

Ой, да ты, калинушка горькая,
Как моя любовь безответная,
Одиноко стоишь ты под горкою,
Да к воде наклоняешься ветками.

Так ты смотришь на воду внимательно,
Будто видишь в ней тайны серьёзные.
Я, сиротка, к тебе, словно к матери,
Обращаюсь с девичьею просьбою –

Погляди, дорогая калинушка,
И ответь мне, хоть горько, да искренно –
Почему я любимым покинута,
Словно ветром холодная искорка.

Наклонилась калинушка горькая
Над водою прозрачною ветвями,
Ничего не ответила, гордая,
До сих пор ничего не ответила...

Сонет

Любить тебя мужчины все вольны
И не любить – ты это точно знаешь.
Ты хороша, как синий свет луны,
Не отблеск солнца – ты не ослепляешь.

Но ты чертовски всё же хороша!
Не мужем став, он совершил ошибку.
Что есть в тебе прекрасное – душа,
Такая тонкая, как скрипка?

А может, ты улитка – что в тебе?
Ты, словно неразгаданная тайна,
Ты, словно заколдованный Тибет,
Ты – незнакомка Блоковского стана.

Как взлётная ночная полоса,
Как синий свет луны, ты хороша.

***

Печататься – не значит быть поэтом,
Как часто забываем мы об этом,
Как часто среди книжной шелухи
Мы ищем настоящие стихи.

А я считаю, что простой ручей
Гораздо поэтичнее речей.
Такое вы услышите не часто –
Поэтом быть – носить печать несчастья,
А если счастья выкроишь зерно –
Другим предназначается оно.

Стихи на салфетке

Стихи, написанные на салфетке,
Оригинально и эффектно!

О критик!
Осуждай смелей:
«Так пишут только графоманы»,
Но всё ж писал Хемингуэй
В кафе бессмертные романы.

Стихи, написанные на салфетке,
Как птицы на дрожащей ветке.
Движенье сердца – и уже
Они, как птицы, оказались

На недоступном рубеже –
Не в этом разнозвучном зале.
Стихи, написанные на салфетке,
Должны быть беспредельно метки.

Тут нет домашнего простора
Для излияний и для вздора.
Стихи, написанные тут,
Быть может, век переживут.

***

Читать стихи, как в боль свою поверить,
Я не люблю читать свои стихи.
Когда невмоготу – иду к деревьям,
Что так неодинаково тихи.

Сосна молчит печально и сурово,
Ей не сказать, душою покривив,

Она как бы оценивает слово
И отвергает выспренний мотив.

Берёзка верит искренно и чисто.
Её ли можно, люди, обмануть?
С прекрасным звоном облетают листья
И обнажают истинную суть.

А дуб стоит, как вологодский дядя,
Которому приходится кричать,
Он нависает над моей тетрадью
И ставит достоверную печать.

Печаль и радость им доверить можно –
Они так сострадательны к чужим.
Читать стихи? Но это очень сложно, –
Давайте, как деревья, помолчим.

***

Стих лет прошедших ты не вороши,
Он твой ещё, но ты уже не вправе,
В нём моментальный оттиск той души,
Которую теперь уж не исправить.

Я уважаю всех мастеровых –
Лудить, паять, наверное, от Бога,
Но ни за что не трогай старый стих,
Как старое оружие, не трогай.

Хотелось бы его перепаять
И переправить, словно переплавить
И новое оружие создать,
Такое, что ахти, но ты не вправе.

***

Мне говорят: «Давай в печать!»
Я это не могу понять –
Давайте ветер под замок,

И ветер тот, который пел,
И оглянуться не успел,
Когда б замолк.

А я пою, я не молчу,
Пою всегда, когда хочу, –
Вот жизни толк.

***

Всю жизнь
Прожил в горах,
Как я в стихах,
Но так случилось в жизни –
Не поднялся
Ни на одну из гор,
Хотя в горах
Всю жизнь прожил
И жить в горах остался.
И я к Олимпу очень
Не спешу –
Пишу,
Как горным воздухом
Дышу.

***

Ждёт небо дождя или снега,
Печально всё это, увы,
Но так не хватает нам смеха,
Но так не хватает любви.

Травы не хватает и солнца,
И что-то чего-то ещё,
О чём равнодушно и сонно
Хлопочешь над кислым борщом.

***

Как возвращаются к старому колодцу,
А в нём надёжно чистейшая вода,
Так возвращаются к вечному вопросу:
«Что такое поэзия – незнаемая езда?»

Не знаю, не ведаю...
Думается мне,
(Ради бога – не претендую на точность),
Поэзия – это в сегодняшней смоле
Увидеть будущего янтарную точку.

***

Я верю в будущее это,
Что будут жить на белом свете
Две категории – поэты
И почитатели поэтов.

***

Убегая от моря
Лжи, любви и наветов,
Не от счастья и горя
Сочиняют поэты.

Не от счастья – как часто,
И не горе – мусоля,
От прозрения счастья,
От предчувствия горя.

Воробей

Не пойму я, хоть убей,
Лишь морской волною пьяный:
«Ты откуда, воробей,
Посредине океана?»

Где родимое село,
Пашня, свежая пшеница,
Что же в море привело,
Чем тут можешь поживиться?
Ты к сообществу привык,
Промышляя в серой стайке,
Не пугает тебя крик
Белоснежных этих чаек?

Теплоход наш, как Антей,
Оторвался от землицы,
Но а ты-то, воробей,
Сухопутнейшая птица,

Что ты в море, вдалеке
От своих собратьев юрких?
Захотел бы – так в реке
Помочил спокойно клювик.

Не пойму я, хоть убей,
Чем земля родная площе?
И ответил воробей:
«А зато тут нету кошек!»

Шуточное

В моё стихотворение
На цыпочках вошла
Девчонка – заглядение,
Потоньше, чем игла,
Стройнее, чем иголочка,
Упрямее, чем друг...
Уселась тут на полочку
И прошептала вдруг:

«Вот вы – поэт непризнанный,
У вас апломба нет,
Натура не капризная,
Хотя вы и поэт.

Так вы ответьте искренно –
Как думаете вы,
При коммунизме искорки
Останутся любви?

Их ветер интеграции
Задует или нет,
И автоматизации
Следы сотрут их след?»

Ах, милая девчонка,
Секунду, не пищи.
На это все ученые
ответят им – пиши!
Но я уверен искренно –
Предвидения дар!
Любви хорошей искорки
Раздуются в пожар.

В.И. Чижову

Чижов и славой не оставлен,
А доказательство сему –
Чижу был памятник поставлен,
Не Льву, не Зайцу, а ему!

Не самолёту и не танку.
Воссозданы его черты
Над тихой речкой – над Фонтанкой...
Ах, Чижик-пыжик, вот где ты!

Молитва

Я просто жил – безумно и легко,
Я больше брал, а отдавал я меньше,
Я чистый спирт глотал, как молоко,
И целовал обыкновенных женщин.

Стихи чирикал, словно воробей,
Не вдумываясь в многозначность слова.
Я перед славой, право, не робел,
Но избегал её дурного крова.

Я просто жил, и, Господи, прости,
Что лишний раз тебя побеспокою:
«Ты – всемогущ, великодушен ты –
Дай, Бог, мне просто отойти к покою».

***

Я запрячу грусть свою
В старые калоши,
Очень весело спою,
Ничего не утаю –
Я такой хороший!
Я запрячу юный смех
В новые ботинки
И пойду на первый снег,
Удивляя вся и всех –
Я такой противный!
«Я противник полумер», –
Говорю, смеясь, я.
Вот классический пример –
Я и сложный, как Гомер,
И простой, как Вася.

***

Для детей писать дано
Очень умно и смешно,
Потому что по-иному
Для детей пишите, но...
Все на свете дети эти –
Удивительные дети!
Для детей всегда вот так:
Или очень, иль никак.

***

Помяните, берёзы,
Вы меня, не виня –
Ваши светлые слёзы
Будут чище меня.
Я, наверно, великий
И большой «охламон» –
Я раздаривал книги
Для нездешних времён.

***

«Россия – есть чудная,
Но глупая страна», –
Сказала мне, не знаю,
Но только не жена.
В какой-то заграница,
Не помню – за какой,
Давал я кушать птице
Нетрезвою рукой.
И мне сказала птица,
Наверно, какаду:
«Пора уж помолиться,
Предчувствуя беду».
И я ответил: «Знаешь –
Твои слова, как гимн.
Меня не испугаешь
Известием таким.
Готов и умереть я,
Но так хотелось мне –
Не в этих имяреках,
А в русской стороне.
Чтобы не ваши слёзы –
Их пальмы не прольют,
А русские берёзы
Пусть не зачтут за труд,
В сибирские морозы
Поэта помянуть».

***

Я буду жить прекрасно и светло.
И вы, увы, читатели, поверьте,
Поэзия – отчаянное зло.
Я буду жить!
Но только после смерти...

***

И вот уехала она,
Не знаю – ради смеха ли,
Моя любимая жена,
И я сказал: «Поехали!».
Но не сорвал тревожный знак
Печального сочувствия,
И может, было б всё не так,
А может, это к лучшему?

***

Зачем мне эта музыка,
Зачем такая весть –
В бутылке горло узкое –
Не выпить, не поесть.
Конечно, не до смеха мне,
До пальчика в ружьё –
Любимая уехала,
И нет уже её.
Она сказала: «Шёл бы ты»,
Сама умчалась в ночь –
И стали астры жёлтыми,
Конечно, там же дочь.
Выращивал я синие
Красивые цветы –
Она сказала: «Инеем
Не скроешь красоты».

И даже розы красные
Не смогут мне помочь –
Мы очень даже разные,
Но там, конечно, дочь.

А тут такая музыка,
Тревожная, как месть,
И всё вокруг нерусское –
Не выпить, не поесть.

***

Я постигаю солнечную суть
Своей судьбы таинственных дорог –
Она ведёт меня на Божий суд
И приведёт на облачный порог.

Я упаду, как все мы упадём,
И будем плакать, иль не будем плакать,
И вспоминать таинственный свой дом,
Как конуру беспечная собака.

Весной

Речка притворяется рекою,
Реки – те похожи на моря,
Даже дед, что завсегда с тоскою,
На года уже махнув рукою,
Вякнул молодецки: «Я – не я!

Я ведь только притворяюсь старым,
Бороду нарочно отпустив.
Сущность молода моя, а тара –
Недоразуменье, божья кара,
А внутри её – лихой мотив».

Дедушка, ты умница, конечно,
Но давай степенно помолчим...
Кажется порою, что беспечно
Я уже прожил такую вечность –
Только притворяюсь молодым.

Ветер

Шёл по городу артист,
Расстегнув рубашку.
Был душой он светел, чист –
Всё в нём нараспашку.

Ничего он не таил,
Раздавал подарки –
Листья жёлтые дарил,
Словно контрамарки.
Только дунет – листья вниз,
Так и сыплет с веток.
Ну и ветер – вот артист!
Не видать уж лета.

Весь он ягодами пах,
Лесом и грибами,
Нёс в стремительных руках
Небо с облаками.

Долго сцену выбирал,
Выбрал – площадь в центре.
И такое выдавал
Искренно и ценно.

***

Не увернуться, не уйти
Наверняка –
Люблю я северный мотив:
Снега и облака,

А между ними в полвершка
Берёзонька стоит,
И что-то сильное душа
Её в себе таит.

Дубликат

Нотариус, нотариус,
Тебе я очень рад:
Сними с меня, с товарища,
Законный дубликат,

Чтоб смог я, коль не хочется
В собраниях икать,
Уйти бы в одиночество,
Представив дубликат,

Или жена занудная
И глупая, как «о»...
Да мало ли, что нужно мне,
Да мало ли чего?

И потому я кланяюсь
Тебе пять раз подряд:
«Сними с меня, нотариус,
Как маску – дубликат».

***

Я чувствую –
Что-то не то
Свершается в нашей судьбе –
Затихли на время ЛИТО,
Безвременный КГБ.

Я чувствую – это к беде,
Пишу я, но это же риск –
Когда-нибудь МВД
Предъявит изысканный иск.

И я – уголовный премьер –
Поникну трагической рожицей.
Живу я – в СССР!
Завидуйте...
Если сможете.

1991 г.

***

Может, и устали вы,
Как устали мы?
Синие проталинки
В сердце у зимы.

Может, надоело вам
Жить словно во сне?
Ах, зима та белая –
Не чета весне.

***

Плотник, истый сталинист,
Усмехался: «Гласность – шляпы!
Я, как старый коммунист,
Изготавливаю кляпы.

Наш народ спасёт одно –
Только кляпы, а не клипы.
Запретили, ишь, вино
Политические типы,

Непонятный хозрасчёт
Распустил повсюду лапы.
Ваше время истечёт –
Заготавливаю кляпы!»

Путник

Печаль – это просто дорога,
Ведущая путника вдаль.
Он верит в присутствие Бога,
Но жизнь эту всё-таки жаль

Покинуть, как взглядом в колодце,
Возникнуть на Млечном пути,
А там и Луна, словно Солнце,
И что там ещё впереди?

Не знаю, не ведаю тоже,
Никто не поставит печать,
Что с этой печальною рожей
Он вдруг возродится опять,
И жаль ему будет дворняжек,
И кошек таинственных жаль –
Он всех пожалеет, но даже
Не вспомнит про эту печаль.

Как сладко – проснуться травинкой,
Как трудно – опять уходить,
Почувствовать Дега да Винчи –
И под сенокос угодить.

***

Когда однажды в поисках ответа
Наткнулся на вопрос я, как на тень,
Не помню я, как много было света
В тот злополучно безмятежный день.

Зачем живу на этом свете белом?
Вопрос не нов – старее нет его.

Неужто для того я что-то делал,
Чтобы потом не делать ничего,

Неужто для того на свет я прибыл,
Чтобы увидеть тьму, в конце концов,
Чтобы сказать обычное «спасибо»
За смерть, словно за горстку леденцов?

***

Сурова – сизая зима,
Длиннее прошлой не намного,
Уже уставшая сама
Засобиралась вдруг в дорогу.

Нашла и посох по руке,
Одела платье, что полегче,
Тряхнула льдины на реке,
Взяла свой скорбный скарб на плечи...

Весна ей выслала посла –
Зима не стала с ним калякать,
Вздохнула горько – и пошла,
Крепилась, чтобы не заплакать.

***

Мысль билась птицей в клетке головной –
Я выпустил её.
«Ах, разве можно? –
Кудахтали соседи надо мной, –
Так поступать возможно лишь безмозглым.

Хранить бы её или продавать».
А я считаю – чем свободней птица,
Тем с большею охотою опять
Она в своё гнездовье возвратится.

И, что ещё существенно, – она,
Та, что взлетела птицей одинокой,
Вернётся в свою клетку не одна –
И эту стаю выпущу до срока...

Ты понимаешь, мудрая страна,
Намёки голоштанного поэта?

***

Есть яркая бесчувственность огня –
Горишь, горишь и веришь – всё без толку.
Так, солнце осени не греет уж меня,
Встаёт, ложится, но, увы, и только.

А летом, летом! Это ли не кайф?
Оно стояло в дьявольском зените,
И даже голубые облака,
Встречаясь с ним, шептали: «Извините».

Весной оно творило чудеса –
Пронзала даже тонкую иголку,
Снимала даже снежные леса...
А что сейчас?
Горит, да всё без толку.

***

Я с любыми «измами» на ты,
В Горбачёва верю до конца.
Я вступаю в кооператив
По продаже матери-отца.

Понимаю, это примитив,
Мне не хватит золота – свинца.
Я вступаю в кооператив
По продаже матери-отца.

Боже мой и Господи, прости
Пьяного от горя пошлеца.
Я вступаю в кооператив
По продаже матери-отца.

Хочется на душу накатить –
Докачусь до чёрного греха.
Я вступаю в кооператив
По продаже совести – стиха!

1988 г.

***

Под окном собачка плачет –
Хоть из дома убегай!
Гав-гав-гав, а это значит
В переводе: «Дай-дай-дай».

Я прозвал её «Дай-дайка»,
И, когда я всё отдал,
Понял, что она лентяйка,
Сам «Дай-дайку» воспитал.

А вот кот лежит, мурлычет,
Ну, блин, прямо, словно лев –
Коллектив беспечных птичек
Без одной-то улетел.

Да, печально, да, мне жалко –
Что за нищенский народ?
Умерла гав-гав – «Дай-дайка»,
Кот охотится – живёт.

***

Нет! Я не пью, но вы мне надоели,
За вас поставлю светлую свечу.
Я жить хочу не в алкогольном теле,
Но в этом мире жить я не хочу.

А вы свечу поставите – и ладно!
Меня вы помянёте на бегу.
Я ухожу из жизни, как из ада,
Но в вашем рае жить я не могу!

«В горнице моей светло»
(Н. Рубцов)

В горнице своей я уберу
От так называемых друзей,
Все следы их чёрные сотру,
Чтоб потом не взяли их в музей,

Чтоб не стали люди говорить:
«Этот след любил А. Мар – поэт,

А вот с этим следом стал боготворить
То, что было, не было, и нет».

И теперь уж никогда не будет –
В горнице своей я уберу,
А потом, уж, извините, люди,
В чистоте прочувственной умру.

Ялуторовск

Деревянный город...
Юг Сибири мглистой,
Дымные узоры тянутся наверх.
Топят бабы печки.
Так светло и чисто,
Словно выпал первый долгожданный снег.

Я попал как будто в сельское, родное –
В детское подворье, милое до слёз,
Потому-то сердце, радостное, ноет
Средь церковных свечек – тоненьких берёз.

Я люблю Россию...
В колокольном звоне
Золотистых листьев осени, увы,
Я, конечно, тоже буду похоронен,
Как уж там получится, – без большой любви.

Деревянный город...
Старый, но неистов.
Пусть живёт он вечно, Господи, спаси!
Высылали в город когда-то декабристов –
Мало ль что случалось на родной Руси?

Я бреду, а солнце, как фотограф, блики
Рассыпает щедро – серебрит в глазах!
Я бреду буквально по следам великим
И в своих ошибках, и в своих мечтах.

***

Я в ожидании чего-то –
Чего-то светлого живу,
Не замечая ни чахотки,
Ни тяжких брёвен на плаву.

Но где-то там – одним касаньем,
Каким-то зреньем боковым,
Как ханты, чувствую – камлаю
К своим секундам роковым.

Кисловодску

В городе Солнца живут без солнца,
В городе Солнца – дождь.
Тётки идут под зонтами сонно,
Дядька за пивом идёт.

Что-то случилось в городе нашем,
Что-то произошло.
Туча за тучей тучами машет,
Дождик приходит назло.
Эх, зарядило, эх, зарядило,
В городе Солнца – ложь...
В городе Солнца нет и Ярила,
В городе Солнца – дождь.

Что-то случилось в городе этом,
Видимо, произошло.
Нет и прозаиков, нет и поэтов –
Дождик их вымыл, как зло.

***

Куда мы катимся, куда,
О колобки!
Не строим больше города,
А лишь лотки.

Повырубали все леса
Не на жильё,
Хоть знаем точно, что Лиса
Возьмёт своё.

***

Из-за моря-океана
Наблюдают постоянно,
Помогают нам советом
И хихикают при этом.

«Дескать, вы, в Стране Советов,
Все заложники заветов.
Заложите их в ломбарды –
Потекут к вам миллиарды!»

***

Одинокая страна,
Одинокая,
Никому ты не нужна
Кособокая.

Распрямила б ты себя –
Грудь и спинушку!
Только, видно, не судьба,
Не судьбинушка...

***

На покровительство правительства
Нельзя надеяться, ужо
Оно само на покровительство
Твоё надеется, дружок.

Кровь у народа пьёт отчаянно,
А всё трезвонит о любви...
Мы у него-то различаемся
По цвету кровли и крови.

***

Когда же, ответьте, иссякла,
Куда утекла и в кого
Священная сила Геракла
И мудрая смелость его?

Как нищей России он нужен
Огромный силач-острослов –
В ней столько забитых конюшен,
В ней столько забытых основ.

***

Небо чёрное окно
Занавесило.
Одиноко и темно,
И невесело...

И не в радость даже хлеб,
Песня чайника.
Будто жил я и ослеп
По случайности.

***

Если бы меня спросили:
«Что белее всех на свете?»
Я б ответил, что в России
Нет белей берёзок этих.

... Улетают к солнцу птицы
И скрываются вдали.
Им берёзы будут сниться,
Будто белые ресницы
Нашей матушки-земли.

***

Зашумели леса белым взрывом берёз,
Зашумели леса, зашумели...
Тихо вышел из леса краснолицый мороз
И сбежал от пронзительной сини апреля.

И тогда был весною раскрыт парашют
Голубиных небес голубого отлива,
Опустилась весна на зелёный маршрут –
Это было как в сказке или в цирке у КИО.

***

В Тоболе отражаются кресты,
Они плывут,
Плывут по глади скользкой.
Все это ты, российский город, ты –
Былинная история Тобольска.

Теперь другие стали времена –
Кресты позолотели, звон поболе.
Да что Сибирь?
Теперь другой страна,
Сверкая,
Отражается в Тоболе.

***

Срываются звонкие листья
На зимнее забытие,
Но душу не мог я очистить,
Не смог я очистить её.

Пытался то чудом, то бегом,
Но, видно, устала душа,
Ушла – и осталась под снегом,
Как будто бы в пятку ушла.

***

Один колодец неглубокий...
В нём
Вода была чуть тёплой.
Даже ночью.
Другой, в отличье, был глубокий
Очень,
С водой холодной
Даже жарким днём.

Неужто человек с душой глубокой
Холоден, как колодец одинокий?

***

О Вселенная!
Порою
Вижу я тебя Атлантом.
Не сравнить тебя с горою,
Называемой гигантом.

Ночь раскроет пасть и звёзды,
Словно зубы засверкают.
Давят мощь твоя и воздух.
А на сердце грусть такая...

***

Из черепа, из черепа
Олегова коня
Я пил вино – и нечего
Обманывать меня.

Я чувствую – Викторию,
Как зверь – летящий след.
Я знаю ту историю,
Которой даже нет!

***

Тремя пальцами
Поднимают бокал,
Тремя пальцами
Лоб вытирает мудрец,

Тремя пальцами
Поддерживают костра накал.
Тремя пальцами...
Молятся, наконец!

***

Философичность... Это склад ума
Или набор начитанных отмычек,
При помощи которых кутерьма
Вокруг философа?
Должно же быть отличье.

Между умом от истинной природы
И тем, которым хвастают... уроды?

***

Яхта летит по касательной.
Небо поставлено на кон.
Парус, как знак восклицательный,
Солнце, как точка под знаком.

Юности страстной стремление –
Море мой ласковый идол,
Где это чудо-видение?
Где и когда его видел?

***

Ах, зачем ты невпопад,
Словно ветер небесами,
Разогнала наугад
Наши чувства словесами?

Черно-белые они,
Тучкой-облаком – и скрылись
Если встретишь, не гони –
Собери, как нищий милость.

***

То мрачнеем, то грохочем,
То смеёмся, то молчим,
То любимую «не хочем»,
То случайную хотим.

Непонятные причины
Нами вдруг руководят...
Словно радуга, мужчины
После летнего дождя.

***

Нам осенью было чудесно,
Мы веселы были и юны,
От счастья охрипшие песни
Ложились под рельсы – под струны,

Тогда мы не верили очень,
Что будем с печальною миной
Звать ту распрекрасную осень
Когда-то, о ужас, старинной!

***

Я вас, родная, не обижу,
Но эта истина проста –
Непредсказуемая, ближе
Тень от печального креста.

Вы так умны, и нет тут фальши,
Но понимаете ли вы,
Что предсказуемо мы дальше,
Всё дальше от своей любви?

***

Мы не венчаемся с тобой
В прекрасном храме,
Мы не меняемся судьбой
И именами.

Мы только плачем и поём
И знаем чётко,
Что в этой жизни мы живём,
Как дядька – с теткой.

***

Сторона моя пустая...
Потому-то в пустоте
Хоть кого я пропускаю –
Все счастливые, не те.

Обреченная удачей,
Обрученная кольцом,
В пустоту идёшь – и плачешь
С обмороженным лицом...

***

Разрывая счастье – на части,
Как положено по судьбе,
Невеликую толику счастья
Отдаю, дорогая, тебе.

Виноваты, наверное, оба,
Мы в тональностях разных поём –
Ведь и ты не шикуешь особо,
Разделяя несчастье своё.

***

Теперь тебе, родная, не поверю.
И совесть ты мою не береди,
Твои я косы не захлопну дверью,
Ты уходить собралась – уходи!
Иди на юг, а может быть, на запад,
Я даже облик твой не сберегу,
Но только лишь оставь прекрасный
Запах,
Чтоб он затих, как ветер на снегу!

***

Вот и всё...
И мелкие детали
Нас опустошили.
Вот и всё!
Мы с тобою к солнцу не летали,
И к вискам не ставили ружьё.

Вот и всё...
Медали разметали,
Не жалея больше о живом.
Почему мы к солнцу не летали?
Почему мы до сих пор живём?

***

Так неожиданно и властно
Ты в жизнь мою вошло тогда,
Непредсказуемое счастье,
На долгие года.

И вот теперь у той, негласной,
Но неминуемой черты
Благодарю тебя за счастье,
Которым одарила ты.

***

Зашелестят мои тревоги,
Ох, как ещё зашелестят...
И я уткнусь в лицо дороги –
И пусть плохое говорят.

Моя душа чиста, как спикер
Чист перед вами, господа...
Я, даже если выпью литр,
То это ж – чистая вода!

***

Приникая к солнечному звуку
Уходящих из меня времен,
Некому подать на счастье руку –
Я собакой не обременен.

Исчезаю я полётом птичьим.
Да! Всё выше, выше, но куда?
Кто-то на груди моей мурлычет –
Видимо, подсунули кота...

***

Для меня и ты померкнешь ведь,
Когда Богу дам отчёт.
Я уйду в родство бессмертное,
Но не знаю – что почем?

Но не знаю я, не знаю я,
Неизвестно и тебе –
Гроб – надёжное ли здание,
Или... так себе?

***

Под солнечными паутинками,
Как под сетью рыбацкой,
Сверкаю своими ботинками
Ду-рац-ки-ми!

Куда я шагаю, куда я
Своё направляю тело?
Луна такая крутая –
Повеситься можно смело.

***

Ох, темно! Я не узнаю
Даже милую свою!
Я на ощупь сочиняю
И безадрестно пою.

Я такое вытворяю –
Пью рябину красную,
Я иду навстречу раю,
Говорю всем: «Здравствуйте!»

***

Ах, как меня жизнь обманула,
Меня обманула земля,
Тропинка назад повернула –
И получилась петля!

Нарушена шумная смета,
И в лето одето пальто!
Я вечно чего-то – не это,
Я вечно чего-то – не то...

***

Жил-был добрый человечек,
Весь светился он добром...
Ночью он при свете свечек
Бил младенцев топором.

Жил-был злой такой – презлющий
Рожи не было кривей...
Нищих он кормил старушек
И в лесу лечил зверей!

***

Мне нравятся эти Чубайсы,
Что лихо немцуют страну
Под музыку венского вальса
У всех вызывая «Ну, ну...»

Мы давимся искренним матом,
Ну что ж мы боимся всего?
А Гитлер? Тот тож реформатор,
Но высекли всё же его!

***

Что счастье и беда,
Что горе и разлука?
Ведь слезы иногда
Текут, но из-за лука.

А запахи любви,
А ветер в облаках!
Да, ладно. Не трави...
Дыханьем чеснока.

***

И вот опять штрихи, штрихи,
Как дождик за моим оконцем.
Я не хочу писать стихи,
Ведь это – как смотреть на солнце!

Зачем мне эта чепуха –
Напиток с кровью и с игристым?
Ведь каждый образ из стиха
Летит в меня, как меткий выстрел...

***

Кого я жду, кому я нужен,
Какого надо мне рожна?
Я не отец... И даже мужем
Не назовет меня жена.

Я не люблю забавных копий,
Они – не те, не те, не те!
... По предсказанию в гороскопе
Лев умирает в нищите...

***

Пойти – и не вернуться
В загаженную суть,
Хоть тучкой обернуться,
Хоть облачком взгрустнуть...

Ушел – и вся недолга,
Ушел – и всё забыл,
И обернулся волком –
И на луну завыл.

***

Сегодня – патриот,
К большому сожалению,
Звучит, как идиот,
В любом стихотворении.
Но хочется в глаза
Истории испытанной
«Я – патриот», – сказать
Под песнями и пытками.

***

А если бы меня спросили
Мои спортивные друзья,
То я б ответил, что Россия
Такая ж слабая, как я.

Но если б на неё напали
Мои нерусские друзья,
То я бы заявил в запале:
«Россия сильная, как я!»

***

Ну почему страна такая,
Ну почему у нас народ
То так припадочно икает,
То так талантливо поёт?!

То так загадочно и мудро
Уводит в космос корабли,
То похмеляет солнце утром,
То умирает от любви...

***

Я люблю свою деревню –
В ней уютно и светло.
У моей избы поленьев
Огромадное число!

Как слова – притык к притыку,
Нет и места запятой.
Я сложил их, словно книгу
С оболочкой золотой!

***

Так хочется писать стихи,
Как будто мне опять семнадцать,
И даже тянет целоваться,
И даже манит на грехи!

Опять я, видно, начудил,
Опять во Времени скитался
Для встречи с Лао-цзы, с китайцем,
Меня пора уже в утиль.

***

Мы все когда-то кукарекали,
И нас любили, и меня,
Не кто-нибудь – библиотекари!
Лишь за попытку сочинять.

Но все, нормальные, забросили
Стихи, как в юности, писать,
А я уже давно в той осени,
В которой надо всё бросать.

***

Мы живём в безразличном пейзаже,
А когда повстречаемся днём,
Слово ласковое не скажем,
Даже думать не будем о нём.

И, рисуя картину об этом
Цветом завтрашней травы,
Ты не знаешь, как трудно поэтам
Жить не жить?
Вы-жи-вать без любви.

«Слепой» дождик

Белые снега, как облака,
И дожди, летящие из туч,
И переполняется река –
И опять над миром солнца луч!

Что такое радуга-дуга?
Над землёю Ра – и не иначе.
Эта Бога добрая душа
Над землёю освещённой плачет...

***

Не стоял коленопреклонённо
И гордился собственной судьбой –
Я не падал даже пред иконой,
Но как часто падал пред тобой...

А когда нам изменила совесть,
И любовь узнала страшный грех,
Написал я маленькую повесть
Для тебя, а вышло, что для всех.

***

А стихи рождаются для счастья,
Для любви с прекрасной половиной.
Я ж пишу, как будто бы повинно
Сердце, разделённое на части.

И, почти мгновенно умирая,
Понимаю боль нелепой грусти –
Всех поэтов находили русских
Не в раю, а где-то возле рая.

***

Да дело не в этом, ребята,
Куда и зачем мы идём.
У Времени все мы – цыплята,
И все мы когда-то умрём.

Не надо такого итога
Бояться, как черти – чуму.
Мы встретимся с вами у Бога,
И ОН объяснит, что к чему.

«Вначале Бог сотворил небо и землю»
(Из Библии)

Конечно,
Бога я приемлю
За то, что, будучи без крыл,
ОН небо сотворил и землю,
И жизнь, по сути, сотворил,

И людям мудро подарил ОН
Загробный мир из святых тайн.
Не опускайте, люди, крылья –
Жизнь продолжается и ТАМ.

***

Так мне хочется раскрыться,
Вылезти из дряблой кожи.
Чтоб спросить тебя, прохожий:
«Не растут ли сзади крылья –

Что-то чешутся лопатки?»
Но, застенчивости полный,

Молча я пройду и скромно –
На восторги я не падкий.

Отойду куда подальше
И расправлю чудо-крылья!
Так вот сказка станет былью,
А не гриновскою фальшью.

И взлечу я в поднебесье,
Чтобы там навек остаться
И на облаках кататься,
И захлёбываться песней...

Но жена моя мудрёно
Нежным словом приземлила:
«Мусор вынеси, чудила,
Разлетался, как ворона!»

Я беру её пакетик,
Выношу к вонючим бакам,
Как побитая собака,
Как униженный эстетик.

Как хотелось мне раскрыться
Перед Вечностью великой.
Надо ж так об лавку ликом –
Поотскакивали крылья!

Да... летать сейчас не модно,
Надо деньги в дом лопатой,
Снова чешутся ладошки –
Приземляться буду мордой!

P.S.

Знак мой – яркое Ярило,
Мой ансамбль – «Бони Эм»,
Почему же я чудило,
Но чудило с буквы «М»?

***

Студенты – предчувствие тайное,
В которое верю всегда,
Они – это родичи дальние,
Как звёзды, луна и вода....

Но должен признаться, ребята,
Сочувствий своих не тая,
Что станет студентик когда-то
Таким же противным, как я!

***

Есть две войны –
И на одной из них
Я был рождён,
Как первозданный стих,

А на афганской
Умирал... пародией –
И не гордился
Собственною родиной.

***

Прислушиваясь к душедвиженьям,
Всё меньше и меньше, увы,
Мне пишется стихотворений
О лете и о любви.

Всё чаще об осени грустной,
Всё больше о близкой зиме –
И хочется очень по-русски
Напиться от ужаса мне.

***

Исчез прекрасный снегопад
В предощущении тревоги,
И даже сердцу невпопад,
Не в такт ему шагают ноги.

Я понимаю – жизнь не та
Зимой предназначалась клёнам,
И даже ёлка – красота
Муниципальная в зелёном.

Но ты печально не ищи
Сверхдальновидного намёка –
Тут очищение души
При созерцании высоком,

А в этот год снега ушли,
Как школьники с уроков.

***

Понимаю ли смысл разницы
Между жизнью и смертью? Да!
Как будто в яблочко задницы
Воткнулась мичуринская беда...

Понимаю ли радость вычитания
И сложения, понимаю ли? ... Нет!
Смерть – это величайшая тайна,
Не признающая арифметику лет.

***

В сонном отзвуке страстного звука
Столько силы, летящей к тебе!
Посмотри на меня, как на друга,
А не как на случайность в судьбе.

Мы смотрели, но видели мало
Близорукие наши бока.
А пока... только простынь летала –
И срывала мои облака!

***

Изумительное хамство,
Характерное для мужчин, –
Я врываюсь в твоё пространство
И срываю сетку морщин.

Не старей, дорогая, не надо,
Ведь тебе расти и расти,
А поэту одна награда –
Быть всегда с тобой по пути.

***

Я – поэт...
Поэту можно
Дёрнуть рюмочку с утра.
Увидав такую рожу,
Закричит солдат:
«Ура!»

Полыхают,
Как знамёна,

Нос и красные глаза...
Я – поэт.
Поэту можно,
А прозаику...
Нельзя.

***

Нигде не слушают меня...
Ни дома – надоел,
Ни на учёбе – говорят:
«В стихах поднаторел.
Собаку съел, заматерел».
Замaтериться что ль?
Но почему-то в сердце боль,
Такая боль!

Зато читал часов я семь
Собаке молчаливой,
Которую ещё не съел...
И был такой счастливый!

***

Если бы меня назначили,
А выбрали – было б полезнее,
Каким-нибудь высоким начальником,
Например, министром поэзии,

То первым моим декретом
(И вряд ли придумать лучшее)
Я запретил бы подвластным поэтам
Сочинять об Александре Пушкине!

***

Так хотел я тебе позвонить
Из далёкого чуда – Китая.
Но, язык их нерусский не зная,
Я не смог это им объяснить.

Я не смог объяснить им, увы,
Что звонок мой так многое значит:
Дозвонюсь – всё равно ты заплачешь,
Если нет – я умру от любви.

***

Алфавит от А до Я
Говорит: «Вот жизнь моя».
Может, в жизни всё иначе,
Может, всё-таки не так,
Почему же мягко плачет,
Мягко плачет твёрдый знак?

***

Я живу в углу медвежьем,
Но пою не волчьи песни,
Хоть, признаюсь, что надежде
Тут и холодно, и тесно.

Только я живу – не плачу.
Вой метели мне по сердцу.
Собираю звёзды – сдачу
От рассыпанных созвездий...

***

Я такое вытворял,
Я такое делывал –
Я застёгивал Ямал
На застёжку белую.

Я шутил и пел шутя –
Время было славное.
Я считал, что буква «Я»
На Ямале – главная!

***

Когда надежда улетит,
То станет жизнь обычною.
Надежда – это жизнь в кредит,
А я плачу наличными.

Я – от сохи и от земли,
А что стихи в наличии,
Так это люди помогли –
Внесли свои наличные.

***

Ты ждёшь – начнёт поэт, певец измен,
Стихи читать про женскую любовь?
Нет! Стихи я зажимаю, словно кровь,
Клокочущую из вен.

Огни, огни... Шатается эпоха,
Туман в глазах... зелёные круги...
«Поёт поэт», – злорадствуют враги,
Но замерли друзья – поэту плохо!

***

Говорю тебе искренне я,
А тебе остаётся поверить:
Мир наш – дерево,
Корень – земля,

Ствол – столб воздуха,
Ветви – ветер.
Может быть, удивляясь слегка,
Ты поймёшь – этот образ правдив:

Над землёю висят облака,
Словно яблоки – белый налив.

***

Куда бы уехать, сорваться
В любую деревню, а там
Одеться в нечаянный ватник
И молча пойти по домам,

Чтоб снег неожиданно падал,
Мои заметая следы,
И кто-то в преддверии ада
Увёл бы меня от беды.

***

Как тяжело на сердце, тяжело,
Как будто бы в него со всей Вселенной
Привезено отчаянное зло
И аккуратно сложено в поленья.

Я чувствую, что надо в магазин, –
Бреду к нему, конечно, по привычке,
Чтобы купить какой-нибудь бензин
И не забыть какие-нибудь спички.

***

Мир наш – антистатичен...
В строгих линиях здания
Есть движения птичьи,
«Синий ветер каслания».

Вольный ветер движения,
Как в волнах океана,
Есть в творениях гения
И в стихах графомана.

***

«Чем праздник отличается мужской
От женского?» –
Жена спросила мужа.

И ей мужчина
Выдавил с тоской:
«Восьмое марта – это выходной,
А мне в свой праздник
На работу нужно».

«Чем праздник отличается мужчин
От женского», –
Муж был навеселе.
«Ты и Восьмого марта –
Важный чин,
И в день мужчин себя ведёшь,
Как господин,
А я всегда,
Как белка в колесе».

***

Я петь хочу – и
я пою,
Я надоел?
Адью!
Видали?
Стоять хочу – уже стою,
Лежать – лежу на сеновале.

Всё, что возможно захотеть,
Могу я взять, хотя б под ссуду.
И даже если умереть
Не захочу – бессмертным буду!

***

Новый русский говорит,
Он болтать не станет:
«У меня душа болит
О своём кармане».

Старый русский – не дурак,
Как это ни странно,
Говорит с улыбкой так:
«Нет вообще кармана!»

Антону Шароеву

В концертном зале уникальном
За небольшую плату
Танцует дирижер руками
И головой патлатой.
Он для движения потерян
На время выступленья,
Он к сцене накрепко приклеен,
Как к мавзолею – Ленин.

2000 г. Тюмень.

***

Тяжело быть луной,
Беременной бессонницей,
Но в сто тысяч раз
Тяжелее быть солнцем!
Тяжело быть морем –
Земли разорвавшейся раной.
А представляете,
Как нелегко
Быть океаном?

***

И пить перестать, и курить перестать,
И можно, желанье имея большое,
По внешнему облику юношей стать,
Но что вы прикажете делать с душою?
Давайте, товарищи, верно рассудим –
Страдать мы душою до смерти не будем!
Но чувствую – жизнь наша будет другая,
Когда заживем мы, себя сберегая...

***

А любви моей-то лепета
Не услышите вы трепетно,
Потому что в ваших ушках
Денег звон – как после пушки!

Да и запаха любви
Не почувствуете вы,
Потому что в ваших лапах
Исчезает даже запах!

***

У каждого в семье
Есть длинношее.

У папы есть идея –
Он выпьет и добреет.

А если папа выпьет,
То мама – злее выпи.

А я-то между ними
С проблемами своими...

1979 г. Салехард.

***

Ты, как солнца буйный свет,
Будишь меня, сонного,
Убеждаясь – лучше нет
Юноши влюбленного.

Ты – луны прекрасной свет,
Надо мною реющий.
Убеждаюсь – лучше нет
Женщины стареющей.

Зелёный домик (песня)

Александру Никитину – другу.
Зелёный домик с белой крышей
На фоне сосен и берёз.
Как будто кто-то верный вышел
И душу домика увёз.

Домик зелёный с белою крышей,
Рядом – смородина...
Ты меня слышишь или не слышишь,
Малая родина?
В домик зелёный с крышею белой
Я не вернусь назад...
Что же мне делать, что же мне делать?
Сам виноват.

Дом стал глухим – не слышит птичьи
Разноголосые лады.
Лишь шум скользящих электричек
Его выводит из беды.

И я, как дом, живу всё тише,
Всё меньше смеха, больше слёз.
Зелёный домик с белой крышей
На фоне сосен и берёз.

***

И звезда упала
И исчезла,
Потушил её безумный ветер...
В эту сказку,
Я признаюсь честно,
Верят только женщины и дети.

Мужественно женщина сказала:
«Я люблю!
И пусть поймут превратно».
И ребёнок закричал из зала,
И звезда приклеилась обратно.

***

Кто-то машет дирижерской
Палочкой, кипя от гнева,
То толстеет, как обжора,
То худеет – пальцем в небо.
Но а мы – народ тяжёлый,
Кто на домре, кто на скрипке,
Нам плевать на дирижера,
Размахался – ишь ты, прыткий!

***

Я улечу в страну Улетанию...
Это не наркологический бред,
А поэтическо-мистическая тайна,
Разгадки которой сегодня нет.

И в две тысячи сорок третьем,
Когда бы мне стукнуло ровно сто лет,
Может быть, скажет критик редкий:
«А знаете – это всё-таки был поэт?»

***

Я смерть готов принять без лишних слёз
Лишь потому, что страшно жить всерьёз...

Я сбился с заданного курса,
Я жил, как будто жил во сне,
И до сих пор обидно мне,
Что небосвода не коснулся,
И умер, словно не проснулся.

Поверьте

И. Сельвинскому, Л. Озерову.
«Давайте помечтаем о бессмертии»
(И. Сельвинский)

Поверьте, поверьте, прошу вас, поверьте
В своё и моё, и в чужое бессмертье.
Поверьте, как верите в полные вёдра,
Как верят больные в могущество мёда,
Поверьте, как бедные верят в удачу,
Поверьте, как верите в честную сдачу,
Прошу вас, поверьте, поверьте, поверьте
В могущество жизни,
В беспомощность смерти!

Давайте во всём разберёмся спокойно –
Когда-нибудь вам не казалось такое:
Вы жили когда-то, любили когда-то,
Но смерть вас настигла, как пуля солдата,
И вам не казалось, что в будущем веке
Вы вновь повторитесь в другом человеке,
Как в вас повторился далёкий ваш прадед?
Поверьте в такую возможность взаправду.

Прошу вас, поверьте, поверьте, поверьте –
И вам обеспечено будет бессмертье.

Мастер

Спасо-Преображенский собор в Суздале расписан костромским мастером Силой Савиным.

Из надписи на мемориальной доске.

Слышу в тонком колокольном звоне,
Что плывет через века ко мне:
«Сила Савин, где ты похоронен –
В Суздале, в Рязани, в Костроме?»

Был ты в жизни добрым и нехмурым,
Потому-то с тех далёких пор
Светится мужицкая натура,
Вписанная в суздальский собор.

И теперь, уже в музейном звоне,
Слышу отзвук грусти вековой:
«Сила Савин, где ты похоронен,
Мастер-рисовальщик костромской?»
Ну, ответь мне...
Что ж молчишь ты, Сила?
Пересиль, попробуй-ка, себя,

Где тебя нелёгкая носила
Крепостного мастера судьба?
В чьих краях обмакивал ты в росы
Кисти, что остались от отца?

Где ещё классическая роспись
Радует российские сердца?
Где ещё до сей поры не узнан
Гениальный почерк мужика?
А пока...
Есть только город Суздаль
И... мемориальная доска.

***

Объединяют род людской
Две цифры.
Между ними
Есть промежуток небольшой –
Тире,
А сверху – имя.

В.З. Коревицкому

Я – директор театра,
В который не ходит никто.
Я – директор театра...
И участи нету печальней.
Вот и вешалка... та...
А на ней одинокою чайкой
Распласталось моё –
Для количества что ли? –
Пальто.

Я – директор театра,
Которого, в принципе, нет.
Я друзьям не могу раздавать
Контрамарки с улыбкой,
Приходите, сегодня
Услышите дивную скрипку,
Если ж завтра придёте,
Услышите Клары кларнет.

Нет!
Не ходит никто...
И звучат инструменты напрасно,
Раздвигается занавес,
Гаснет приглушенный свет.
Да, конечно, обидно –

В партере и зрителей нет,
Впрочем, это как раз,
К удивлению, всё же прекрасно.
Мне никто не мешает
Поудобнее в кресле рассесться,
Свои длинные ноги
Протянуть, как шлагбаум, вперёд,
Закричать, озираясь вокруг:
«Что же вы за народ?!».
Раздвигается занавес? – Нет!
Это так разрывается сердце.

1996 г. Тюмень.

И зёрнышко карандаша

Г. Райшеву – хантыйскому художнику

А мне-то
И надо немного,
И этим богата душа –
К зелёному солнцу дорога
И зёрнышко карандаша.

Стихи,
Как тревожные маги,
Меня обступают, дыша,
А мне-то и надо – бумаги
И зёрнышко карандаша.

Не требую высшей награды,
Без низшей живу не спеша.
Мне родину только и надо...
И зёрнышко карандаша...

Навек

Ах, церквушка?..
«Разве – чудо?
Только время тратить зря»...
Но церквушка эта, люди,
Без единого гвоздя!
Тот, кто строил раньше церковь,
Был на всё большой мастак –
Архитектор, плотник ценный
И монтажник, как-никак.

Вы смеётесь: «Странно очень –
Разве не было гвоздей?»
Гвозди были...
Только в осень
Брёвна гнили от дождей.

Гвоздь притягивает сырость,
Сырость – хуже червяка...
Раньше шили все на вырост,
Создавали на века.

1965 г.

***

Обком –
Напротив –
Исполком,
А между ними страшный Ленин.

Как будто
Он готов мгновенно
Взорвать и тот.
И этот дом.

Вначале было слово

В. Богомякову – философу

Первопечатника мы знаем на Руси...
А кто был первым в мире, что придумал
Слова, звучащие безумно и легко,
Перенести на мудрую бумагу?
Кто?
Смущенное молчание...
Не знаем.
Мы многого не знаем, черт возьми.
Не знаем первых,
Самых первых-первых,
Сметливых, даровитых, башковитых,
С талантливыми умными руками.
Кто в мире слово первое сказал?
Не «Ы» да «Ах», иль с помощью полена,
А так, членораздельно и напевно,
Кто слово в мире первое сказал?
И что это за слово было все же?
Не думаю, что связано оно
С понятиями ссоры или битвы.
Скорей – любви или простой молитве
Обязан мир перворожденью слова.
А кто был в мире первым, что придумал
Слова простые, как изделья круга
Гончарного, так сопоставить складно,
Что стала речь похожа на звучанье
Ручья?
Кто написал впервые – повествую
О славной деве, что меня пронзила
Не острой пикой, а печальным взглядом?
Кто первым был?..

Наверно, был им каждый...

Мечта

Я хотел бы жить да жить
Не мудрствуя лукаво,
Печку русскую топить,
Пить да пить какао.
Чтоб не алкал водки рот,
Если что, то редко,
Чтобы рядом огород,
В огороде – редька.
Да картошка, да лучок,
Травушка над нею.
Чтоб на рынке за пучок
Не платить, мрачнея.
Чтобы речка за окном –
В праздники и будни,
Чтоб кричали: «С добрым днем!» –
Дорогие люди.
Чтоб ответствовал им я:
«Будьте все счастливы!»...
Эх, мечта, мечта моя,
Грустная, как ива.

***

Морозный обморок берёз
Предполагает вдохновенье –
Ах, как прекрасно и всерьёз!
Природа – это светлый гений!

Но почему тогда до слёз
Мне жалко, что берёза стынет,
Я слышу, как хрустят берёз
Суставы, на которых иней.

Сын пекаря

И в нэпманское время
В детской среде можно было услышать:
«На сына булочника?
Я те покажу!».
Но всё изменялось
со скоростью денежных реформ.

Менялись эпохи, обычаи, правила...
И когда уже я подрастал,
Я не мог,
Наступая голодным на горло,
Вопрошать и надменно, и гордо:
«На сына пекаря?».
Да никто на меня и не лез,
Хотя время было голодное,
Холодное,
А отец мой
Священнодействовал у горячих печей –
Пёк хлеб...

В послевоенную эпоху
В гоpедостопримечательном 47-м году
«Пекарь» звучало солиднее, чем «президент».
Но мне от этого было не легче, нет!
Я голодал, как и все дети.

Никакой поэзии...
Одно на уме –
Хлеба, хлеба, хлеба!
Мы воровали хлеб...
Я заходил в пекарню,
Отвлекая отца разговором о ремесле, –
«Это поднимается тесто?»...

(А Ванька, у которого убило отца под Брестом),
«Зачем такая длиннющая лопата?»...
(Уже проскальзывал как уж).
«Папа, ответь мне, папа!»...
(Между вагонетками, полными хлеба)
«Что за труба, торчащая в небо?»...
Отец поднимал глаза.
И в это время...
Я видел спиною,
Чувствовал слюною Ваньку –
Он выносил уже,
Вот уже вынес он,
Вот уж он делит на части буханку хлеба!

Прости, отец...

Родство

Я из семьи Емели-дурака,
Моё родство с ним для меня,
Как знамя!
За мною он следит издалека
Своими хитроватыми глазами...

Его соседи звали дураком
За вид безукоризненно беспечный.
А он молчком, от всех людей тайком,
Не год один копался в русской печке.

И докопался – выехал на ней.
И по деревне медленно проехал.
Вот так Емеля!
Вот так дуралей!
Что ж не смеётесь!
Или не до смеха?

Машины нас уносят в облака,
И это часть Емелиного плана,
Простого, извиняюсь, дурака –
Космических полетов ветерана.

***

И вот мой двор, и вот моя калитка,
Такая же, как тридцать лет назад,
И бабка выползает, как улитка,
И щурит бесполезные глаза.

Она меня не узнает, конечно,
Да ей, поди, уже за сотню лет,
А тут как будто прописалась вечность
И смерти, слава Богу, хода нет.

Я обнимаю старческие плечи –
Пропахла бабка скудною едой,
И мы хлопочем с ней... а тут и вечер
Пришел, как старикашка за водой.

Я выхожу на лунное крылечко
И содрогаюсь внутренней тоске,
А ивы, как ровесницы, над речкой
На лиственном лепечут языке.

Такая красота вокруг разлита,
Расплескана такая тишина,
Что показалось – скрипнула калитка,
И проскользнула девушка-луна...

Владимиру Шмакову

Сентябрь – осени вокзал
В точеной раме...
А друг мой осенью сказал:
«Поедем к маме!».
И всколыхнулась боль, но я
Молчал упрямо –
Давно уж умерла моя
Родная мама.
Но отношенья не имел
Мой друг к той драме,
Он просто этот гимн пропел:
«Поедем к маме!».
И я завидовал светло:
«С его кудрями...
Конечно, другу повезло –
Он едет к маме».
Но что бы ни произошло –
Мы знаем сами
И понимаем хорошо,
Что едем к маме.
Всю жизнь –
И нет тому конца...
И грусть разлапив,
Я вспомнил старика-отца:
«Поедем к папе!»

1984 г. Салехард.

***

И музыка тревожная, как вьюга,
Во мне звучит печально и светло,
И некуда пойти...
И нету друга...
Запропастилась чуткая подруга,
Товарищей куда-то увело.

Одни лишь собутыльники отныне
С бесцветными глазами норовят
Увлечь меня в глубокое унынье.
Их рожи перезрелые, как дыни,
Моей душе ничто не говорят!

И ухожу я в синие морозы,
В заснеженные чуткие леса,
И забываю радостные рожи
И, что еще немаловажно тоже,
Фальшивые, пустые голоса.

Какой простор!
Но я не стану ахать,
Я понимаю трезво и светло,
Что друга нет, забрал подругу хахаль,
Товарищи, наверное, не сахар,
Коль их куда-то что-то увело.
Какой простор?
Есть обреченность круга,
Есть однозначность гробовой доски.
Вот потому звучит во мне, как вьюга,
Мелодия без женщины и друга –
Печальная мелодия тоски.

Во Владивостоке

«Куда меня, беднягу, занесло» (Н. Рубцов)

Такая синь...
Такой большой простор!
Играет церковь красками на сопке.
И от картины,
В принципе, простой
Я становлюсь
и тихим вдруг, и робким.
Потомку многослойных христиан
Мне б следовало, видно, помолиться,
И я молюсь на Тихий океан,
Чем вызываю изумленье птицы.
Пикирует та птица на меня
И снова в поднебесье синем тает.
Так, тронувшая всполохи огня,
Рука неосторожная взлетает.
Куда меня, беднягу, занесло?
Еще немного – был бы за границей.
А где-то на Кавказе есть село,
В которое мне надо возвратиться.
Там мать ждала...
Там ждет меня отец,
По-гречески ворча,
Что сын – бродяга.
И тяжелей, чем тягостный свинец,
Его, казалось, легкая бумага.

Что меня гонит – жажда иль грехи?
А если жажда,
То не жажда ль славы,
Ведь для чего-то я пишу стихи –
Подобие есенинской отравы?

Чем в жизни сладко речь вести свою,
Уж лучше б ладно жил,
Как все другие,
А я богаче всех сейчас стою,
И в ноги мои волны бьют тугие.

И только маму жалко...
Жалко мне...
Как ее жалко –
Маленькая птаха,
Уж кто, как не она,
в моей стране
На белом свете
Натерпелась страха.

А между тем
И вечер подоспел,
Звезда над океаном загорелась.
Казалось – столько света,
Столько дел,
И нету ничего...
Куда все делось?

1985 г.
Владивосток – Новый Порт.

На Родине

Здесь звуки в сто крат гениальней,
Здесь каждое лыко – в строку.
Я слышу на хуторе дальнем
Истошное ку-ка-ре-ку,
И посвист таинственной птицы,
И русскую речь воробья...
Как сладко – домой возвратиться,
В родные до боли края.

Весна

Ай, да Марьины колодцы –
Соловьиное село!
Даже ночью, коль придется
По тебе пройти, светло.

Знаю каждую тропинку,
Знаю каждый поворот...
Яркий месяц лег на спинку
И стремительно плывет.

Ветер брызгается колко.
Дерева, как стаи птиц.
Не летают лишь поскольку,
Тянут, тянут корни вниз.

Тянут их родные корни,
Лишь листва стремится ввысь...
Вдруг раздался над покоем
Оглушительнейший свист!

То ли мальчики балуют,
То ль соловушки окрест,
То ли юноши целуют
Губы звонкие невест?..

***

Дел – невпроворот,
Мыслей новых – тьма.
Скорость – час за год,
Лето и зима.
Осень – где она?
Жёлтое жнивье.
Ты кричишь: «Весна!»
Не видал её.

Проскочил опять
Я сквозь строй берез.
Ни тебе опят,
Ни волшебных грез.

По такой красе
Не грешна печаль...
Неужели все
Так несутся вдаль.

Как остановиться,
Чтоб не развалиться?

***

Я – словно дом, который опустел.
Камыш на крыше – волосы седые.
Я был мечтатель... Я безумно пел...
И на себя я поглядел впервые.
И обнаружил: дом-то мой пустой,
Скрипит калитка, ветер отгоняя...
И близких нет... И мать моя родная
Смерть мою гонит собственным крестом.
И сад уже не сад, а мрачный лес,
В котором поселился Дэвид Торо,
И деревянный дом мой рухнет скоро,
И кто-то что-то выдавит про стресс.
Какой там, к черту, стресс?!

Я – словно дом
С надтреснутою половицей.
От этих скрипов улетели птицы
И даже крысы ринулись в пролом.

Стою один я на семи ветрах,
Ни волоска уж на скрипучей крыше,
И только деревянный крест в глазах,
Как знак опознавательный кладбища.

Под новый год

Васе...

И будет день последний в декабре,
И кто-то неожиданно заплачет,
И будет мелочь очень много значить,
А боль души, как ветер во дворе.

И елочку, как девочку, украсят,
Как жизнь свою...
И будет долгий снег,
И быстрый смех...
И этот нервный смех,
И сдерганной щекой товарищ Вася.

И будет снег последний в декабре...
Как всем последним тяжело на свете!
И будет очень-очень долгий ветер,
И будет зло корёжиться в добре.

И женщины, стоящие у окон,
И пробки счастья выстрелят не вдруг,
И кто-то переступит спорный круг,
И боль в сердца ударит страшным током.

И будет час последний в декабре,
В котором подытожатся итоги.
И мудрыми покажутся дороги,
И женщины в печальном серебре.

***

После тяжёлой болезни,
Выйдя из небытия,
Тихо ступаю по лесу,
Воздуху радуюсь я.

Выпуклей и приметней
После болезни моей
Птаха щебечет на ветке –
Кажется, воробей.

В жизни не требует много,
«Жив, да жив, жив», –
Надо мной, –
Жив, дорогой,
И... медицине родной!

1984 г.

***

Не грянет грома громкий окрик,
И не раздастся птичья трель.
Срывает листья ветер мокрый.
И вскоре засвистит метель.
Но где-то там, в подспудной сути,
На бессознательном витке,
Страдая, размышляют люди,
Что счастье только вдалеке.
А я все верил, что когда-то
Оно приблизится ко мне,
Но дату заменяет дата,
На отрывном календаре...
Весна и лето – море солнца!
Но вот опять за чей-то грех
Срывает листья ветер сонный
И вскоре приземлится снег.

И от сознанья круговерти
На колеснице бытия
В осенний вечер жаждет смерти
Бессмертная душа моя...

***

Я знаю,
Что жизнь – это строчка,
Которой не быть золотой,
Ее не продлишь запятой,
Она увенчается... точкой.

Юношеское воспоминание

Л.А.Д.
Я люблю женщину...
Ей за тридцать.
Я люблю женщину –
Она в годах,
Но она прекрасна,
Как озеро Рица,
Затерянное где-то
В Кавказских горах.

У нее есть муж,
У нее есть дети,
Она замечает меня едва.
Я говорю с ней,
Но страшный ветер
Сбивает с толку мои слова.

От нее удивительно
Веет прохладой.
Хоть солнцем пахнет она сама.
Наверное, много
Мужества надо,
Чтоб от нее не сойти с ума.

Я люблю женщину –
Ей за тридцать.
Она – как птица,
Летящая вниз,
У нее и руки,
Как крылья птицы,
И походка – как росчерк
Полета птиц.

В темноте моих чувств
Поднимается солнце,
В темноте моих чувств
Опускается страх,
Но звучит, как проклятье,
Это дерзкое слово –
Я люблю женщину...
... Она в годах.

Ну и что ж?
Когда-нибудь вычитанием
И сложением
Любовь занималась? Нет!
Любовь – это
Величайшая тайна,
Не признающая
Арифметику лет.

Я люблю женщину,
Ей за тридцать.
Я люблю женщину,
Она в годах.
Но она прекрасна,
Как озеро Рица,
Затерянное жемчужиной
В Кавказских горах!

***

Кошка,
Я выпил сегодня немножко,
А доложить вам, почтенная, смею:
Пить не люблю я, поверите, кошка,
Пить не люблю я и не умею.

Но у меня уже, слышите, тетя,
Да не урчите непьющим завкомом,
Верных друзей убавляется что-то
И прибавляется всяких знакомых.

Это беда. Но беда исправимая,
Это беда, но беда эта меньшая –
Сегодня ушла от меня любимая,
Самая любимая мною женщина.

То-то! Притихли. Это не хаханьки
И никакими врачами не лечится.
Хоть бы ушла там к смазливому хахалю
Всё-таки было бы по-человечески.

Всё-таки мог бы найти ее в Сызрани
Или увидеть на улицах в Таллине
И любоваться ею хоть изредка,
И восхищаться на расстоянии.

Кошка, какая вы все же смешная,
Что вы глаза в изумлении пучите?
Женщина эта – она неземная,
Да, неземная! Но самая лучшая.

Видимо, я объясняю неловко,
Образ любимой не понят уж вами –
В мыслях лелеял её Циолковский,
Ночи просиживая над чертежами,

Ночи простаивали все поэты,
В профиле лунном ища приметы ее,
И появлялись на свет Джульетты –
Только подобие женщины этой!

Как ее встретил – даже не помню я,
Как я не умер внезапно от счастья?
А существо мое сразу наполнилось
Светом и музыкой истинной страсти.

Но улыбаясь как-то загадочно,
Женщина молча взмахнула руками
И полетела к солнцу закатному,
И затерялась над облаками.

Кошка, вы умница – все понимаете,
Даже мой бред вам бредом не кажется.
Рад, что вы людям не разболтаете,
Даже коту своему не расскажете?

***

Когда-то женщина мне приснилась,
Сияя такой невозможной красой,
Как будто по лучику солнца спустилась,
Чтобы умыться земною росой.

Плечи ее – голубые крылья,
Тело – сосуд, в котором луна,
Речи ее – как старинные были,
Смех ее опьянял без вина.

Она проходила так осторожно
По улице сна моего стороной,

Словно боялась – будет можно
Вспугнуть ее – и вспугнет любой.

Любой, не боясь и тюремной вышки,
Бросится перед такою ниц!
Она приблизилась ко мне – и вышла
Прямо в окна моих глазниц...

***

Я лицом повернусь к закату
И увижу изгиб косой,
А над ним образ той, проклятой,
Что всегда неразлучна с косой.

Что поделать, бессильны Боги, –
Исчезают даже они.
Подведу я свои итоги,
Потушу я свои огни.

И пойду по дороге чёткой,
Заблудиться по ней не дано –
Там ГАИ в балахонах чёрных
Дело знают своё давно.

... Я лицом повернулся к закату
И увидел изгиб косой,
А за речкой девчонку Катю,
Умывающуюся росой,

Уходящие в дали дороги
К деревушкам и городам...
... Рано мне подводить итоги,
Рано гаснуть моим огням.

***

И если синий свет луны мне дорог,
Пускай видна дорога к небесам,
И если дорог неба звездный полог,
И жизнь, отмеренная по часам,
И если трав зеленые стенанья
Меня тревожат, шорохи неся,
И в сердце отзываются страданья,
Мой первобытный эгоизм гася,
И если вижу я тончайший росчерк
Летящих птиц, зовущих в небеса,
То это значит точно Бога почерк –
И есть еще на свете чудеса.

1988 г. Тюмень.

Л. Печалиди – сестре

Я родился в городе курортном –
Где уж тут до пашни и сохи?
Стало быть, поэтом второсортным
Выдавал я на-гора стихи.

Правда, горы есть, и среди гор тех
Был поэт значительный убит.
Не принадлежу к его когорте –
Сердце мое все еще скрипит.

Северный Кавказ, скажи на милость,
Снежною качая головой:
«Почему так в жизни получилось –
Север полюбил я, но иной?».

Пусть простят меня отец и мама,
И сестра любимая простит –

Я поэт прекрасного Ямала,
Там, где солнце то встает, то спит.

Им, родным, поверить в это трудно,
Что уж объяснять тут неродным.
Мой отец – Кавказ, а мама – тундра!
Я – их сын...
Я благодарен им!

***

Я обнаружил море за окном,
Хотя до моря – целый месяц хода.
Оно звучало пушкинскою одой,
Переливалось синею породой
И вспыхивало яростным огнем.
И вот что странно – за окном моим,
Где парусами лишь рубашки наши,
Постиранные доброй тетей Машей,
Вдруг зазвенела, как труба на марше,
Мелодия, спрессованная в гимн.

И я подумал: «Боже мой! Она
Во мне росла и выросла до боли,
Я зреть не в силах силосное поле,
Лишь потому, что легкою триолью
В душе звучала синяя волна...

Куропаткино село

Заметает... заметает...
Заметает, черт возьми!
На лице улыбка тает –
Хоть на кладбище вези.

Впрочем, лишняя затея,
Заметет, и будь здоров.
Пролежу, как Мангазея
Пролежала пять веков.

Заметает в тундре дикой,
Валит снег со всех сторон,
Я лежу с печальным ликом,
Словно древний фараон.

Надо мною снежный вихрь
Ветры мощные несут.
Где-то рядом Худи Игорь
И олешки где-то тут.
И от этой мысли светлой
Мне спокойно и светло...
Хорошо, что есть на свете
Куропаткино село.

Кем я только в жизни не был,
Кем бывать мне не пришлось –
Я взлетал, как птица, в небо,
Землю рыл, как дикий лось.

Кем я не был – это легче
Нынче вспомнить...
Ну и ну!
От бессилья волком певчим
Выл на глупую луну,

Как медведь,
Я шел на приступ,
Рыбой в омут уходил,
Был горяч я и неистов,
И теперь вот угодил

В куропаткин чум...
И ветра
Тут не слышно
И тепло.
Хорошо, что есть на свете
Куропаткино село.

***

Как прекрасна северная осень –
Россыпь убегающих лучей,
Терпкий воздух разноцветных просек
И пока еще живой ручей.

Изморозь, проникшая повсюду,
Солнца торопливого разбег.
И над этим всем такое чудо –
Лебеди, летящие, как снег.

1969 г. п. Тязовский.

***

На губе на Обской –
на море,
На песчаной его косе
Самолётик – мечта факторий –
Филигранно и смело сел.

Ах, фактория!
Три домишка,
Два сарая и туалет,

А за ним, словно детская книжка,
Тундры ягельной пестрый цвет.

Всю-то жизнь я мечтал вчитаться
В мудрый смысл непростых страниц!
Надоело по свету шляться,
Надоело мельканье лиц,

Сумасшедшие наши стрессы,
Аритмический темп чудес,
Неожиданные интересы,
Ожидаемый интерес.
Устоять перед этим трудно,
Но однажды, махнув рукой,
Прилетел я в июльскую тундру,
В этот светлый ночной покой.
На губе на Обской – на море,
На песчаной его косе
Самолётик – мечта факторий –
Филигранно и смело сел...

В столице

Я уеду...
Очень скоро
Позабудется печаль,
Пепси-кола, пепси-кола...
Мне б водицы из ручья.

Мне водиться не пристало
С иностранною водой –
У меня в стране Ямала
И своей воды немало,
Хоть залейся с бородой!

Там у нас озера сини,
Сколько их – поди считай!
Реки мощные такие,
В общем, изо всей России
Это самый водный край.

И когда в столице колом
Сердце встанет на дыбы,
Нужно мне не пепси-колы,
Мне простой водицы бы...

***

Всю жизнь свою
Баба Паша
И пашет, и пашет, и пашет.
Смеётся:
«Смотри, Анатолий!
Не вздумай меня –
В санаторий.
А если и вздумаешь,
Малый,
То там работёнки
Немало,
Пристроюсь тихонько
И буду
С девчонками драить
Посуду».

Мэру города Салехарда

О, как прекрасен Салехард!
Зимой лежат снега, как сахар,
И лишь слепой не в силах ахнуть:
«Ах, как прекрасен этот град!».

Деревья в инее стоят,
Как белоснежные невесты,
И лишь глупейшие невежды
О них дурное говорят:
Мол, дескать, ростом не ахти
И не сверкают красотою.
Сейчас красива? Так зимою,
А летом – господи, прости!».

Своя есть летом красота,
Но лишь влюбленный в этот город
Зимой не замечает холод,
А летом гнусные места...

Серебряный олень

Поверить в это трудно,
Как ночью в светлый день,
Живет в ямальской тундре
Серебряный олень.
Его увидит каждый,
Кто сердцем чист и смел,
Его увидит дважды,
Кто весел и умел.
А если вдруг случится
Беда вдали от трасс,
То он помочь примчится
В последний, в третий раз!

***

И эта речка, там, внизу,
И духовые звуки вальса
Готовы вышибить слезу
У северянина-скитальца.

«Чета белеющих берёз»,
Что разбежалась и застыла,
Не довела меня до слез,
Но светлой грустью покорила.

О, боже, боже!
Вот она –
Та сторона, где быль и небыль,
Где будешь пьяным без вина –
Лишь только брось глаза на небо.

А я-то, по свету таская
Груз пережитых мною дней,
Забыл, что родина такая,
Забыл, что родина родней.

А. Решетову

Как пишется легко,
Как пишется в охотку,
Когда не молоко
Пью, а простую водку.

Встаёт прекрасный мир,
Когда залью я в глотку
Не тягостный кефир,
А радостную водку.

И надо для стиха
Совсем немного – сотку.

Не вижу я греха
В том, что люблю я водку.

Но трезвостью дышу,
Толкая жизни лодку,
Когда я не пишу, –
То бишь, не пью я водку.

1998 г. Пермь.

***

Всё тише сны...
Всё реже сны,
Всё больше маеты,
Но, вдруг, цветной и редкостный –
Приснилась ты!

Опять смотрю я молодо,
Опять папахой чуб.
И снова мы в том городе,
Где был тебе я люб.
А я, солдат из армии таких, как я, солдат,
Считал, что лучше парня и
Не будет никогда!

Я не любил – полюбывал,
Давал себя любить,
А срок пришел – и убыл я
Гранит наук долбить.

Разъехались, расстались мы,
И жизни наши врозь,
Уже почти состарились,
А встретиться пришлось.

Во сне цветном и редкостном,
Как на снегу рояль.
Все тише сны...
Все реже сны,
А жаль...
А жаль...
А жаль...

1990 г. Тюмень.

Осторожный человек

Жил когда-то человек
Осторожный – он не вякал,
Не смеялся и не плакал,
И не думал – вообще.

Осторожным был во всем
Даже в мелочах случайных –
Тряпкой брал холодный чайник
«Мало ль будет что потом?».

Человечек жил да был,
Никого душой не трогал –
Ни жены своей, ни Бога,
И про черта он забыл.

Туч не видно – он с зонтом,
Солнце светит – он в фуфайке,
В шерстяных кальсонах, в майке –
«Мало ль будет что потом?».

За здоровьем за своим
Он следил весьма пристрастно,
Накупал лекарств он разных,
Чтобы насморк не свалил.

Все инструкции лекарств
Знал он, как свои перчатки.
Умер он от... опечатки,
Рассмешив и вас, и нас!

***

Рассыпал соль –
И убежал из дома,
Хотя признаюсь честно, что уже
На голове не жёлтая солома,
Она, меня простите, в неглиже.

Иду по свету –
Странная картина...
Как хорошо идти и не скорбеть,
Что у соседа новая машина.
И хочется веселое запеть.

И запою!
Мне ничего не стоит.
Я никого на свете не боюсь.
Подумаешь – рассыпал соль на столик.
Я, может быть, в красавицу влюблюсь.

А может быть, напьюсь я и заплачу,
А может быть, заплачу и напьюсь,
Раздам детишкам на конфеты сдачу,
Я никого на свете не боюсь.

Рассыпал соль...
Подумаешь – примета!
Вон сколько в море соли,
Но оно
Не сердится нисколечко за это
И не бросает блюдечки в окно.

***

Я – одинокий по натуре,
Но так моя сложилась жизнь,
Что пел я соловьем в культуре,
Восхваливавшей коммунизм.

А по ночам, когда не нужен
Веселый возглас соловья,
Я с одиночеством был дружен –
И пел другие песни я.

Неслись года невозвратимо,
Взрывались старые грехи,
А я писал невозмутимо
Свои негромкие стихи.

Но пронесутся эти бури,
И вспомнят, жил ночной поэт.
Он одинокий по натуре –
Хотя всю жизнь пропел в культуре,
Которой не было и нет.

***

Влюбился телеграфный столб
В Останкинскую башню,
В интригах знал он смысл и толк:
«Эх, завести бы шашни!»

Телеграфировал ей он
В прекрасную столицу:
«Я Вашим стилем покорен,
На Вас готов молиться».

Ему ответила она,
Великая, как Ельцин:
«В России я у вас одна,
Все, что вокруг – все мельче».

И деревянный столб в слезах
Читал советы башни:
«В периферийных городах
Свои ведите шашни».

Телеграфировал ей он
На всем знакомый адрес:
«Люблю лишь вас.
И удивлен
Намеками на атлас!».

***

В рекламе пива я актер приятный,
Испытанный – не буду, братцы, лгать.
О режиссер!
Снимаюсь я бесплатно,
Но дублей надо много предлагать!

***

Свою жену,
Как куколку, одену,
И стану другом ей,
И стану тенью...

Моя жена,
Как куколка, одета.
Она плевать
Хотела на поэта.

А другом её стал
Один спортсмен.
И после этих чудных перемен
Я так решил:
«Как куколку, раздену
Жену достопочтенного спортсмена».

***

Когда штаны снимаю,
Садясь на унитаз,
Я часто вспоминаю
Рождественский рассказ.

Как мальчик с голой попой
Ждал папеньку с войны,
Но тот не из Европы
Пришел –
Со стороны,

Где снежно выли ветры
И где до смерти враз
Гораздо меньше метров,
Что на войне подчас...

... Отцу вручили литер,
Приехал он с дождем...
А мальчик попу вытер
Газетою с вождем.

***

Я, конечно, ошибался
И сбивался на фокстрот,
И прощения у вальса
Я просил, как идиот.

А вокруг кружились пары –
Пар таранил потолок.
Шуры-муры, тары-бары,
Кто-то девку поволок,

Кто закооперативел,
Кто совсем закостенел...

Мир мне этот опротивел,
Повернулся я к стене.
И твердил,
Что свет наш – светел,
И не так уж тьма темна,
И не так уж страшен ветер,
И зима не холодна.

***

Я, наверно, ослепну –
Не могу я смотреть на тебя!
Ты красивее ливня
И прекраснее красок огня.
Посох белый возьму
И пойду по лугам и степям,
И навеки исчезну...
И никто не увидит меня.

Я оглохну –
Мне слышать неловко сие –
Дескать, я недостоин
Созвучий великого дня.
Посох белый возьму,
Не услышу проклятье твое
И навеки исчезну...
И никто не услышит меня.

Я, конечно, умру –
Перейду эту вечную грань,
Что видала политиков всяких
И всяких менял.
Посох белый возьму
И уйду в предрассветную рань...
Но ведь ты никогда,
Никогда не забудешь меня?

***

Я знаю – когда-нибудь сердце
Устанет от счастья-печали,
И выскочит сердце из клетки,
И только его вы видали!

Над домом, над тихой беседкой
Умчит оно на самолёте,
И станет легко вам без сердца,
И вы ничего не поймёте.

А сердце не сгинет бесследно,
В безвестность глухую не канет.
Но только хорошее сердце
Каким-нибудь деревом станет.

Поймите, – деревья срубая,
Давно бы мы нищими стали,
Но предков сердца, исчезая,
Деревьями произрастали.

Поэтому множатся джунгли,
Тайга и рязанские рощи.
И люди, хорошие люди
Живут всё светлее и проще...

***

Однажды Пульс меня ославит –
Мое ничтожество оставит,
И с неба точка золотая
В земле пространство залатает.

А Пульс пойдет бродить по свету –
Искать упавшую планету.

Искать ее он будет долго,
Как выход к морю ищет Волга.

И он найдет когда-нибудь Планету,
Но витком повыше.
Вспорхнет в младенческую грудь,
И грудь –
Моя теперь –
Задышит.

Вот так пред смертью улыбнусь я,
Поверив в постоянство Пульса.

***

«Взглянул и помолись,
а Бог рассудит».
(Франсуа Вийон)

Я знаю – жизнь беднее будет,
Когда не станет вдруг печали,
И даже Бог нас не рассудит,
Что бы ему мы не кричали.

Обремененные весельем
И бурной радостью томимы,
Не будем мучаться похмельем,
Всегда любимыми любимы.

Отвыкнув о печали думать,
Мы будем солнечнее чаек
И, обреченные на юмор,
Умрем от смеха... без печали.

Вопросы

Г.С.С. посвящается

Сколько же прожито,
Сколько же выпито,
Сколько уложено
Мыслей убитых,
Сколько потрачено,
Сил и стремлений,
Кто же там плачет,
Упав на колени?

Сколько несчастий
Вызвано мною,
Как же нечасто
Был я собою.

Что они значат –
Мои угрызения,
Кто же там плачет,
Упав на колени?

Сколько ж неправедных
Слез и улыбок,
Сколько неправильных
Дел, а ошибок?

Будет ли сдача
С души неразменной,
Кто же там плачет,
Упав на колени?

***

Вот огромный человек
Маленького роста.
У него, друзья, увы,
В жизни все непросто.

У него душа, как степь,
И, возможно, шире,
А берёт себе пиджак
Только в «Детском мире».

Сердца яростного мощь,
Словно у вулкана,
А окружность головы –
Глаз у великана.
Обойти готов весь мир,
Не устав нисколько,
А штаны-то у него –
Шорты, да и только.

Он во сне – скала скалой,
Только солнце выше.
А проснётся – сам себя
В одеяле ищет.

Он готов любым из нас
Поспешить на помощь –
Только разве углядишь,
Разве тут запомнишь.

Очень мелкие черты,
Мелкие детали.
Хорошо, что вы его
Хоть не растоптали.

Мерки сердца и души...
Все это непросто –
Есть у нас богатыри
Маленького роста!

***

Вот и солнце закатилось в облака –
Медленно, расчетливо и четко...
На базаре молодая тетка
Пухленькими ручками – в бока.
Ах, чертовка... Ну, и хороша!
А глаза, глаза её без донца.
За плечами вспыхивает солнцем
Ярко ослепительная шаль.
И прилавку параллельно – грудь,
От дождей товары сберегая,
Талия прозрачная такая,
Узкая, что даже не вздохнуть.
Ах, чертовка... Ну, и хороша!
Чем торгует – не пойму нисколько.
Я бы все у ней купил, но только
Жаль, что нет в кармане ни гроша.

***

Пред водоёмом глаз твоих
Стоял бесстыже обнаженный,
Твоей красою потрясенный,
Мой юный мускулистый стих.

Был выбор: или стать твоим
Пусть не рабом – чернорабочим
И петь тебе и дни, и ночи
Непрерывающийся гимн –

Твоей отраве и красе,
Твоим немыслимым созвучьям,
Но опытом других научен
Он поступил не так, как все.

Свободен он от чар твоих,
От славы призрачной свободен.
И пусть кому-то неугоден
Необязательный мой стих.

Он солнце пьёт, когда жара,
Он слёзы льёт, когда печально.
Ему была ты изначально
Всего лишь навсего – сестра.

***

Куда исчезают звёзды днём?
Куда? Непонятно.
И вот что странно –
Мы ходим, дышим, любим, жуём
И забываем о них постоянно.
А ведь у каждого звезда своя.
Своих полагается помнить, конечно.
Да что о других говорить?
Даже я
К своей звезде отношусь беспечно.
Предположим – есть у меня пальто.
И вдруг исчезнет... Бегу вдогонку.

А ведь оно уже старенькое, и то
Мысль о нём сердце пронзит иголкой.
А тут исчезает моя звезда –
И ни в одном глазу ни слезины.
Быть может, она уже никогда...
И главное – не купишь её в магазине!

***

Никогда в таланты я не метил –
Мысль о том казалась мне пошла.
Жизнь прошла, а я и не заметил,
Я и не заметил – жизнь прошла.

Одеяло неба ниспадало
На мои усталые глаза.
Я подумал: «Как я прожил мало...
Можно ли еще?»
Увы, нельзя.

Три метра

Такое на Севере низкое небо,
Что шапку я снял,
А на ней облака.
Мы речку тянули,
Попавшую в невод,
А речка свои раздвигала бока.

Она упиралась и сопротивлялась –
Зачем отдавать ей богатство своё?
Ещё бы три метра –
Такая вот малость!
Три метра, три шага, три вздоха и – всё!

Напарник мой плюнул –
И чёрная ругань
Взметнулась, как ворон, над тихой рекой.
И мы не смогли поглядеть друг на друга,
И что-то случилось и с ним, и со мной.

Как часто, идя против злобной метели,
Клянём про себя мы бессилье своё.
Ещё бы три метра – и был бы у цели,
Три метра, три шага, три вздоха – и всё!

Сон

Мне вчера приснился сон –
Вдруг звонят из зоопарка:
– К вам сейчас прибудет слон.
– Почему?
– Там очень жарко!

Я еще не с бородой,
Но, поверьте, сам с усами!
Говорю: «А вы – водой»
Отвечают: «Знаем сами.

В зоопарке нет воды,
Беспокоить бы не стали».
Вот уж не было беды:
«Как его к себе доставлю?

У меня восьмой этаж,
Лифт сегодня на ремонте!»
«Да – вопрос. Вопрос, но ваш».
Закричал я: «Но позвольте!»

«Не позволим это мы, –
Говорят из зоопарка, –
Надо бы его помыть,
Потому что очень жарко».

«Ну и странный вы народ
И, наверное, нескромный –
Он и в ванну не войдёт –
Ванна – о, а слон – огромный!»

«Да не будь ты дураком, –
Это мне в ответ сказали, –
Ты его бочком, бочком,
Хобот вымой, ну и сзади».

Не хватало мне того,
Тяжко выйти мне из транса.
«Ну, ведите вы его –
Искупаю африканца!»

«Мы не поняли – кого
Искупать вы захотели?»
«Как кого?
Слона того –
Он взопрел ведь, в самом деле».

«У тебя восьмой этаж,
Лифт сегодня не ремонте!»
«Это мой вопрос – не ваш.
Приводите!»
«Но позволь ты!»
«Не позволю, старина!
Не дождёшься ты подарка.
Надо выкупать слона,
Если так в столице жарко».

Ты, наверно, идиот
И, конечно же, нескромный.
Слон же в ванну не войдёт –
Ванна – о, а слон огромный!»

«Да не будь ты дураком,
Будет всё, как на параде, –
Я его бочком, бочком,
Хобот вымою и... сзади!»

Мне в ответ: «Ну ты – пижон!
А тебя давно лечили?
Ты проснись!
Ведь это – сон.
Кстати, воду нам включили!»

Где наши корни?

«Тучи над Родиной встали»

(Из песни)

I

Ах, время!
Оно птицей пролетело...
Да что там птицы медленный полет?
С тех пор, как автор принялся за дело
Сказать о том, что в сердце накипело –
Считай, товарищ, третий день идет.

Но я ошибку допускаю снова –
Забыто это слово навсегда.
«Товарищ», – изумительное слово,
Оно для дружбы и любви основа,
Ну а теперь мы просто «господа».

Вот бюрократ –
Сидит и важно пишет
Истории таинственный рассказ.
Окликните «товарищ», – не услышит,
Но «господин», – он вскинется тотчас.

А вот фигура мрачная...
Постой-ка –
Вся рожа испитая, словно ржа.
Сосредоточенно копается в помойках
Формации новейшей госпожа...

II

«И пришел Моисей и пересказал
народу все слова Господни и все законы».
Первая книга Моисея. Гл. 24.

О, Господи!
О, Бог!
Твои слова
Смогу ли я пересказать народу,
Тем более – правительству в угоду,
Чтоб у него варила голова,
Чтоб поняло правительство – увы,
Оно не правит там, где есть неправый,
Оно не славно там, где есть бесславный,
И не любимо там, где нет любви...

III

Но это так – вступление...
А дальше
Был август густ, как сбитый кем-то крем,
Плыл над державой с парусом из фальши
Таинственный корабль –
Русский Кремль.

На корабле какие-то фигуры,
Замшелые, с болячками и без,
Играли в карты – дураки и дуры,
Но им ума хватало и культуры,
Чтоб соблюдать свой личный интерес.

Не думая о собственном народе,
Забыв его, как моряка – земля,
Они хотели при любой погоде
На палубе остаться у руля.

Во имя цели той писались книги
И пелись гимны в страшном бардаке.
Какие изощренные интриги
В Краснознаменной делались Москве!

Народу что?
Народу всё до фени:
«Что не запрещено – разрешено».
Из мавзолея перестройку Ленин
Смотрел как детективное кино.

И думал вождь, что всё на свете слепо
Копируют истории шаги,
Ведь перестройка – это жалкий слепок
Прекрасного начала эры НЭПа,
Пародия на творчество других.

«Конечно, – думал вождь, –
Всё изменилось, а партия – живейший организм,
Но догмами забит был он, как илом,
Залеплены глаза ведущих мылом –
Какой там, к чёрту, братцы, коммунизм?

Конечно, надо было все проветрить,
Промыть, прочистить и перетряхнуть,
Но поэтапно...
Уж вождю поверьте,
А спешка в этом деле – ветер смерти,
Который может истину задуть».
Так думал вождь...
В кремлевских кабинетах

Намного мельче, мелочней, точней.
В год девяносто первый жарким летом
Политбюро все думало об этом –
О перестройке начатой своей.

В стране развал!
И это очень слабо
То отражало положенье дел,
Которое по милости прораба
(А он-то растерялся, словно баба)
Народ отметил точно – беспредел!

А заграница нам рукоплескала:
«Брависсимо тебе, СССР!
В ежовых рукавицах всех держала
Сильнейшая советская держава –
Духовная развалина теперь».

Так думала с надеждой заграница,
Не зная изощренности Кремля,
Но собрались ответственные лица
И разработали такую карту блица,
Что задохнулись в мире: «Оля-ля!».

В игре есть ход (мне говорил учитель) –
Валетом ходят – такова судьба.
Валета бьют?
Ну что ж...
Теперь учтите,
Что тут король выходит – победитель,
От униженья сохранив себя.

А если вдруг бессильные шестерки
Спасуют перед наглою игрой,
Меняются идейные подпорки,

Но не меняются идейные надстройки,
И потому король опять герой.

Разыграно всё было, как по нотам,
Но спрятать от народа фальшь нельзя.
Валеты в страхе изошли поносом,
Когда народ ворвался к ним с вопросом:
«А вы, мухлёвщики, забыли про Туза?»

И карты были, извините, биты,
И восторжествовал народный Туз,
Защитники его уже забыты,
Венки погибшим брошены на плиты.
Короче, не игра, а так – конфуз.

Итоги той игры теперь открыты –
Разрушен нерушимый наш Союз.
А чтобы успокоить гнев народа,
Придумали опять картежный ход –
Мол, тот Союз, как старая колода,
Он развалился сам в теченье года,
Да и зачем Союз тебе, народ?

Спокон веков держались друг за друга,
Спокон веков – плечо всегда к плечу,
А уж теперь, когда нам очень туго,
И вовсе выходить нельзя из круга,
Но так случилось. Что ж?
И я молчу.

В стране – огонь!
Зажёг его не Каин.
В огне Молдова, Грузия, Баку.
Пока что опалил он лик окраин,
И главное, что нет виновных, крайних –
Во всем винят Россию и Москву.

Москва, Москва – несчастная столица
России неприкаянной моей.
Летят на юг испуганные птицы,
И нам осталось только помолиться
За благосклонность суши и морей.

IV

Молитва

Во имя Отца и Сына,
И духа святого
Будь доброй ко всем, Россия!
Не думай плохого.
В истории нашей длинной
Всякого было много.
Во имя Отца и Сына,
И духа святого.
О, Господи!
Мы ль не терпели?
О, Боже мой!
Нам не терпеть ли?
Во имя великой цели
Вязались тугие петли.
Монахи белые босые

Под окриком строгим –
Во имя Отца и Сына,
И духа святого.
Но свет не сошелся клином
На мысли бредовой...
Во имя Отца и Сына,
И духа святого!

V

А что король?
Король теперь в отставке –
Демократично он оставил ранг.
Союза нет, как нет сгоревшей лавки,
«Процесс пошел», – зловредничают шавки.
Вот так к нему вернулся бумеранг.
Валетов изолировали срочно
От жизни, привилегий и газет.
А суд попал в какой-то круг порочный,
Ведь у валетов, это знают точно,
В защите государственный секрет.

И только их, валетов, тронь попробуй –
Они такого всем наговорят!
В «Матросской тишине» сидят особы,
И, думаю, сидеть им всем до гроба,
Но этой перспективе Туз не рад.

И вот опять рождается интрига
Намного изощреннее, чем та,
Страну, мол, тянут в прошлое, как в иго,
А бурлаки – Большая (слишком) Лига,
А председатель Лиги – ей чета.
Не испугала их валетов участь:
«Ведь мы избранники народа своего,
А Туз – он рвется к громкой славе дуче,
И над страною он сгущает тучи,
Ату его, ату, ату его! –

Какая-то великая усталость
От заседаний
Лиги разлилась,
И Лига, хоть
Большая, просчиталась –
Всегда в России побеждала жалость
К тому, кого преследовала власть.

VI

А народ наш – не дурак.
Это так...
За его большую душу
Не поставлю я пятак.

У народа-то душа
Очень даже хороша –
Потому народ голодный,
Не имеет ни шиша.

Вот обидели Туза –
Это нам плевок в глаза!
Завертелась во столице
Эх, которая буза.

Тут уже не разобраться.
За оружье надо браться.
Лига – пусть она Большая,
На хрена ее бояться?
Мы по Белому по Дому
Громыхнем по-боевому.
Бить по белому народу –
Это нам давно знакомо.

Но и с Белого палят.
Тут подмога из Кремля.
А мою подругу Катьку
Укокошил снайпер, бля!

Я держусь, я не тужу,
Но по честному скажу:
«Я за Катькино увечье
Им такое покажу!».

Ты – за честь, и я – за честь!
Кто кого и кто зачем?
К Дому Белому и танки
Подоспели между тем.

Кто-то там кричит, барыга:
«Не стреляйте! Это – Лига!»
Демократия в России –
Факт истории иль фига?».

Я его – из автомата,
А в ответ набор из мата.
«Эх, – подумал, – удивил ли
Он афганского солдата?»

Я беру гранату в руки
И по воинской науке
Перебежками, ползком,
Но подкрался ближе к суке.
И как грохнул!
Тишина...
Настоящая война.
До чего ж ты докатилась,
Разнесчастная страна?

А по телеку, ура!
Выступал Гайдар вчера.
Он народ просил, как в сказке,
Продержаться до утра.

Продержались, черт возьми!
И теперь герои – мы,
А они теперь поедут
До Лефортовской тюрьмы.

VII

Из истории

«И всё, что ни попросите
В молитве с верою, получите».
Евангелие от Матфея.

Склонитесь вербами
Над синью осени
В молитве с верою,
Что ни попросите.

В молитве искренней,
Чтоб ни просили бы,
Горит, как искорка,
Любовь к России.

Молитва смелая,
Вопрос измученный:
«Кровь белых – белая,
Кровь красных – лучшая?»

Но неуверенно
По травке с росами:
«В молитве с верою,
Что ни попросите».

А мы просили бы:
«И тех и этих –
Чтоб всех простили бы
На божьем свете».

Война напрасная
Итог итожит:
«Кровь красных – красная
И белых – тоже»...

VIII

Лиги-фиги

Председатель
Лиги-фиги был большой знаток интриги –
Он настраивал народы
От Востока и до Риги.

IX

Что же мы значим в конце-то концов
Этой истории вздорной,
Где же асфальты наших отцов,
Где наши корни?

Мы расстреляли к Отчизне любовь
И заливаемся кровью.
Где же дороги наших дедов,
Где наши корни?

Нас убеждают – это судьба,
Мы сомневаемся – ой ли?
Прадедов наших где же тропа,
Где наши корни?

1993 г. Тюмень.

Ироническая поэма

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖУТЕНЬ»

«Если люди перестанут мудрствовать и отбросят умничанье, польза их возрастёт во сто крат» (Лао-цзы)

Редактору газеты «Жутенская правда»
Ларисе Охниной

Ты не стареешь, не седеешь,
Всё так же талия тонка,
Всё так же над строкою млеешь,
Когда талантлива строка.

Твои глаза с озёрным блеском,
Ах, золотые бубенцы,
звенят, блестят, как у невесты,
Как у невесты Лао-цзы!

А всё же пройден путь немалый,
И я, как древний динозавр,
Смотрел, как от вершин Ямала
Ты пала... до жутенских правд.

Но жизнь твоя почти прекрасна –
Ты повидала целый мир,
Тебе стихи свои Мордасов –
Сам! Посвящает, чёрт возьми...

А что стихи? Их пишут много,
Их пишут все, кому не лень,
Их не оценивают строго –
Была бы только в них дорога,
Да злободневная Жутень.

В стихах всё больше чертовщины,
Всё заумнее норовят.
К примеру, Коля Шансединый –
Тот всё про греческих ребят,

Да про богинь пенорождённых –
Про Афродит и про Венер,
И не поймёшь – поэт-то оный
Из греков, что ли, например?

Вот почему-то Колин тёзка –
Известный жуткий русофил,
О русских пишет трезво, хлёстко
(Хотя, конечно, раньше пил).

О, Дом писателей злосчастный,
О, двухэтажный особняк!
Его раскачивали часто
Друзья-писатели, да так,

Что шум стоял по всей округе –
Шумели шумные дружки,
И так выделывали буги
«Со страшным скрипом башмаки».
А что?
Платила власть Советов
За их лирический галдёж –
Весна красна, прекрасно лето,
А, если осень, – значит, дождь...

Так что ж вы, братцы, за поэты
(Поиздеваться тянет всласть),
Коль вы профукали Советы,
Коль изменили вашу власть?

Вы, словно маленькие дети,
Как Ленин, спрятались в шалаш!
А где же ваш Шандор Петефи,
А где же Буревестник ваш?

А я – сторонник Горбачёва,
Он первый ткнул замшелый ком,
Хоть говорят о нём хреново
И плюнуть норовят тайком.

А я за Ельцина горою –
Он первый Президент Руси!
По мне хоть пей, но будь героем,
А не болтай и не проси.

Сейчас Россия (Слава Богу –
А Он у нас-то был учён)
Выходит на свою дорогу,
Тяжёлым двигаясь путём.

Теперь и граждане простые
(Не очень сразу – где уж тут?)
Всё больше верят в ту Россию,
В которой дышат и живут...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Когда все узнают, что добро – это добро,
Тогда и возникает зло»
(Лао-цзы)

Проза жизни

А два лирических поэта,
Два тёзки – Шанс и Коля Ден –
Чесали репы – как же это?
Им денег не даёт Жутень!

Союз писателей дал дуба
И приказал недолго жить,
А два отростка, хоть и грубо,
Но прижились! Чего тужить?

Да!.. Не в чести теперь доносы
И даже жалобы в ООН.
У вас есть спонсоры и взносы,
Кружитесь стаею ворон,

Ищите добрые примеры,
Предсказывайте верный путь.
Вы – инженеры душ. Гомеры!
И вас оценит кто-нибудь...

Но это ж надо потрудиться,
А кто из них к труду привык?
Поэт сейчас – как божья птица,
Ему бы чИрик – он чирИк!

И Ден в Австралию подался,
И мы понять его должны –

Переосмыслить он пытался
Врагов Советской стороны –

Ну, подбелить там, приукрасить
И сдать финансовый отчёт,
Как бы сказал поэт Мордасов:
«Ден всё в Австралии учтёт».

И, кстати, прежде чем о Шансе,
Я о Мордасове – он волк!
Писатели Жутени в трансе –
Он Дом писателей увёл!

О, Дом писателей... Нередко
Его увидишь в городах,
Но кто-то должен за аренду
Платить за совесть – не за страх.

Платить за воду – на похмелье,
Зимой, – чтоб печка горяча
Была всегда... Ну, там помельче –
За ту же лампу Ильича,

За сторожиху тётю Тому
И за сантехника... А как?
Работы много есть по дому
Не на халяву, не за так.

Конкретно кто-то всё же должен
Платить зарплату им...
Как без?
Литературные вельможи
Им отказали наотрез.

И тут внимание – интрига!
Мордасов – тот ещё жучок:
«Вам непосильно это иго?
Готов подставить я плечо».

И он, директор фирмы некой,
Да на общественных хлебах;
Договорился с человеком
На очень выгодных паях,

Нашёл и спонсоров в Жутени,
Отремонтировал весь Дом,
Без громких слов, без лишних денег
Всю мебель заменил он в нём...

Но Ден, не верующий в чудо,
И в бескорыстие его,
Составил акты, чтоб отсюда
Не вынесли бы ничего.

Три шкафа, три стола и стулья
Ему Мордасов отписал,
Чтоб Ден любому мог бы – дулю!,
Да и домой – не смог бы сам.

Но за подарок, скажем, царский
Ден только жалобы строчил:
«Да эти стулья Луначарский
Сюда когда-то заносил!

Мы столько лет на них сидели,
А за рассохшимся столом
Поэты наши пили-ели
И в «стол» творили на «потом»,

А то, что всё-таки издали
Из всех своих нетрезвых сил,
Мордасов вынес всё из зданья –
У туалета положил.

И, вот заметьте, что за птица –
Сказал, как истинный нахал:
«Народу ЭТО пригодится –
Народ оценит ваш на-КАЛ!»

Мордасов книги все запрятал
От ветра, снега и дождя
И Дену так сказал: «Но я-то
Всё сделал то, что мог», «А я, –

Ответил Ден, – носить не стану,
Ремонт закончишь – занеси
Книжонок сорок – я расставлю,
Другие – хоть на небеси!»

И вот уж год у туалета
Лежит огромный ворох книг –
Для целей прагматичных этих
И то никто не ищет их!

ГЛАВА ВТОРАЯ

«Лучшее грушевое дерево никогда не родит
Даже дрянных яблок»
(Франсуа де Ларошфуко)

ПОЭЗИЯ жизни

Теперь писатели «жируют» –
Они не платят ничего.
Две комнаты у них пустуют,
А где же Ден? А нет его!

Ден лишь тогда приложит руку,
Когда в неё ему дадут,
А без «зряплаты» только скуку
Наводит бесполезный труд.

Один Захар – поэт известный –
Два раза в месяц – три часа –
Поэтов собирает вместе,
Чтоб молодые голоса

Послушать, кое-что поправить
И пальцем указать талант.
Поэты все стремятся к славе,
Захар – их верный консультант.

Кто ходит на учёбу эту,
Кто оказал такую честь?
Студенты – вечные поэты,
И даже офтальмолог есть.
О ней скажу отдельно слово:
Глаза её – сойдёт любой
С ума... Красивая особа
И, кстати, пишет про любовь.

Один большой-большой начальник,
Уже на пенсии, увы,
Но всё же пишет – вот охальник! –
Об эротической любви.

Ещё – хороший работяга
И не плохой поэт в душе,
Но декламатор – это тяга,
Неизлечимая уже.

Ещё один – рифмует тосты,
Но книгу всё-таки издал.
Его однажды даже в гости
Хотели пригласить в Израиль.

Захар не морщится, не стонет,
Он понимает – толку ноль,
Учить поэзии не стоит,
Коль это Богом не дано.

Поэт воистину несчастлив,
Когда он истинный поэт,
Но рвутся толпами на кастинг,
В котором смысла, в общем, нет.

Страна – единственная в мире,
В которой не талант и труд
Дают прикосновенье к лире,
А знаменитый институт.

И в каждом городе приличном
(И в неприличном есть порой)
Кружок с названьем поэтичным
По типу «С пушкинским пером».

О, сколько судеб, юных судеб
Перемололи, как зерно,
Хоть знали, что мукИ не будет,
А мУки будут... всё одно!

О, как бы, как бы мне без транса,
Без потрясений областных
Всем показать поэта Шанса
На семинаре молодых?

На семинаре с молодыми
Категоричен Шанс, как Бог:
«Рубцов – да разве это имя?
А Горб, как выжатое вымя,
А Евтух – старый кабыздох.

Вы говорите – Бродский?
Бросьте
И не молитесь на него –
В сравнении со мною Бродский
Не стоит ногтя моего.

Рукоплескала мне Варшава!
Я утверждаю на пари –
Моя поэзия и слава
Вот-вот – и потрясут Париж!

Я, словно подпоручик Киже,
До генерала допишусь –
И буду жить тогда в Париже,
Покину нищенскую Русь.

Я вам – не простенький Мордасов,
Я первый на Оби-реке
Купоны начал стричь с Пегаса,
Шуруя ручкою в руке.

Я при Советах был богатым –
Я мог три «Волги» враз купить,
Как новый русский, я поддатым
Мог десять тысяч прокутить!

Сейчас я стал «весёлым» нищим,
Поток финансовый усох.
Да что в поэзии мы ищем?
Она – не лакомый кусок.

Вот я издал штук двадцать книжек,
Но нет сберкнижки ни одной,
А если жил бы я в Париже,
Имел бы не одно «Рено»...

К стихам вы, говорите, ближе?
Творить вам, братцы, не дано.
Достоинство своё я ниже
Не опущу.
Стихи – ... дерьмо!

Хоть я их не читал, но всё же
В стихах у Вас не вижу дар.
Мне их читать – себе дороже...
Я – закрываю семинар!»

А может, прав поэт великий –
Что графоманов разводить?
И так уж издаются книги –
Лишь стоит деньги заплатить.

И платит пишущий народец –
Издательства, эх! – издают,
Бросают денежки в колодец,
А что ж не бросить, коль дают?

Вот книга, вот! Доволен автор...
«А мысль где?», – молчит в ответ.
Её забудут... послезавтра,
Она-то есть – поэта нет!

Конечно, рыночный порядок –
Есть спрос – и предложенье есть...
Короче, буду очень краток
В главе с названьем кратким...

Лесть

О, Величайший из Великих,
Живущих ныне на Земле!
Твои огромнейшие книги
Внушают уваженье мне.

Такое мощное явленье,
Метафор целый океан!
В сравнении с тобою Ленин –
Всего лишь жалкий графоман.

Так вы не поняли – о ком я?
О Шансе!
Мой последний шанс
Пред тем, как гневно грязи комья
Вдруг полетят в меня сейчас,

Всем объяснить, что Шансединый
Сверхгениальнейший поэт!
Он Высочайший, а не длинный,
Ему-то равных в мире нет.

И никогда уже не будет
На фоне сосен и берёз.
Он перерос на много будней
Живущих, живших пе-ре-рос!

Он самобытен, непорочен,
Метафоричен, как судьба,
Да так, что ни единой строчки
Не может вспомнить «из себя».

Зато ведёт себя, как барин, –
«Поди сюда! Левей, правей!»,
Лишь потому, что он булгарин,
Каких-то голубых кровей:

«Рубцов – алкаш! Ничто не скажешь,
Горбовский – сумеречный свет,
А Евтух признаётся даже –
В Руси он больше не поэт».

И я подумал: «Вот интрига!
Он – Шансединый, он – Оглы –
Действительно, поэт Великий,
Но распознать мы не смогли

И никогда уже не сможем –
Его ведь надо прочитать,
Но Шансединый наш – о Боже,
Нам, современным, не чета!

Он проникает в мир глубинный,
Как за зерном в амбаре мышь...
А сам признайся, Шансединый,
Ты понимаешь, что творишь?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Жутень литературная

Да что о Шансе и о Дене
Я речь веду который час?
Пора о городе Жутени
Сказать хотя бы пару фраз.

Жутень, Жутень – врата Сибири,
Провинциальный городок,
Но вдруг, как чудо изобилья,
Фонтаны нефти тут забили –
И начался людей приток.

Сказать полегче – кто не прибыл,
Да не за запахом тайги
И не за славой, а за былью –
За получением деньги.

Конечно, были и герои –
Салманов, Левин и Эрвье,
И тысяча других...
Порою
Их не упомнишь в голове.

Почти из всех, тогда республик,
А ныне – да! Из государств
Слетались, словно пчелы в улей,
Для добыванья чёрных яств.

Жутень теперь – столица нефти,
Столица газа – просто шик!
Сюда не приезжал лишь Евтух
Из знаменитостей больших.

Но остальные побывали
И посидели у костров,
В Ханты-Мансийске, на Ямале
Собой кормили комаров.

Тут столько было спето арий
И столь прочитано стихов!
Умела партия пиарить
Во искупление грехов.

Воспоминание

Что этот северный размах
Для всей страны и мира значит,
Когда я видел – ненка плачет
С ребенком малым на руках?

Вы скажете: «Не в этом суть!»
Конечно, нефть и газ важнее,
А что, ответьте, будет с нею,
Когда строения снесут,

Уйдут, железный бросив хлам,
Оставив чёрные подтёки,
Во сколько горькие уроки
В дальнейшем обойдутся нам?

Продолжение:

По берегам Туры-речушки
Жутень устроила привал.
Тут не бывал великий Пушкин,
Но мёртвый Ленин побывал.

А Пушкин аж из Петербурга –
(Историки – они не врут)

Писал героям, а не уркам:
«Не пропадёт ваш скорбный труд!»

И, декабристов почитая.
Поэт Василин перешёл
На прозу...
Проза золотая,
Ты поступила хорошо,

Приняв его в свои пенаты, –
Стихи любовные его
Не слушают, увы, бесплатно,
А уж романы и того...

Редактор он «Сибирских окон»,
Всегда готов он через них
Взирать невозмутимым оком
На современников своих.

Его романы не осилив,
Как Шансединого стихи,
Пусть мне простит мой друг Василин
Мою иронию-с! Грехи...

И снова Ден.
Он мудрый парень,
Он сам из здешних деревень,
Он много лет газетой правит –
«Литературная Жутень».

Он сам издатель, то бишь Сытин,
Он в ней же член-корреспондент
И главредактор! В этом сите
Себя просеивает Ден.

Его стихи всегда в почёте,
Но, как жутенский гражданин,

В газету матерьялы строчит
И сам читает их...
Один!

Один разглядывает снимки –
В том доме, где он родился,
Музей, носящий Коли имя,
А жители гордятся им-то,
Как и товарищи-друзья.

А это кто в газете?
Коля!
Сам самого, поэт, узри...
Была на то его бы воля,
Он снял бы плод свой на УЗИ!

А вот он в армии матросом –
Каким был Коля молодцом,
А, чтобы не было вопросов, –
Его стихи опять... столбцом.

Своя рука – в делах улика,
Своей руке – не дан лимит.
Да это что? Поэт великий
В стихах большой антисемит!

Он – антигруз и антиазер,
Он – антиарм и антикит.
Он смыл бы всех их в унитазе
Иль утопил на дне реки.

Нет, нет!
Он, в общем, добрый парень –
Пусть «ары» Ереван метут,
А ненцы – снег, но на Ямале!
В Жутени... Коли пусть живут.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Жуть литературная

Союз писателей – Союза
Республик братских и родных
Почил, как будто шёл он с грузом
И кто-то дал ему под дых!

Правопреемником – мощнейший
И богатейший, говорят, –
Союз России. Чтоб по шее
От тех же пишущих ребят

Не получить, то в этом, новом,
Без перестроечных химер, –
Всё та же власть, всё та ж основа,
Как было и в СССР.

Крыло демократично свежих
Решило обрести полёт,
Не наступив на грабли те же,
Не оскорбив родной народ.

Союз писателей российских
Объединил народы все,
Кто не вошёл в ... ханты-мансийский
И в городах, и на селе.

И вскоре в городе Жутени –
Не ожидала и Москва –
Произошло вдруг разделенье,
Хоть и в одном... Едва-едва.

Союз возглавил Шансединый –
Во всём Приобье – первый член!
Что с Умским там не поделил он,
А, впрочем, не один ли хрен?

Делить-то нечего по сути –
Ни на моё, ни на твоё,
А если дело лишь в посуде,
То Шансединый – пить не пьёт.
А Дом писателей?
Но Умский,
Не будь с гармошкой дураком,
Уже давно он «новым» русским
В аренду сдал почти весь Дом.

В две тыща третьем знаменитый
На всю общественность Указ
С водою вылил из корыта
Писателей – в пис-унитаз!

А те, обсохнув, словно тени,
Оделись в жалкое пальто:
«Подайте Совести Жутени!»
Но нет, им не подал никто.

И лишь Правительство создало
Книгоиздательский Совет,
Чтоб «Вас тут даже не стояло»,
Сказать настойчивым в ответ.

А в это время Умский Гошка
Ушёл на пенсию, увы, –
Стал подрабатывать гармошкой
Без арендаторской любви.

Его сменил поэт Василин –
Честнейший, в принципе, мужик,
Но оказался он не в силе –
И вскоре получился пшик!

Пшик материализовался –
Им стал небезизвестный Ден,
Но без финансов оказался,
Чем не в восторге был совсем.

Но понимаете вы сами,
Что кушать надо каждый день,
И чтоб сводить концы с концами,
Ден не оставил «Литжутень».

В душе он против «новых» русских,
Но сам владелец «Жути» той,
Что свежий воздух не пропустит,
Не прославляющий «застой».

Вот так-то катаньем, то юзом,
А то совсем наоборот –
Два отделения Союзов
Жутенских «гоголей» живёт.

И всё гогочут, всё гогочут,
Как пел талантливый поэт,
Мол, мясов лебединых «хочут»,
А песни лебединой нет!

Но, тем не менее, в Жутени,
Вернувшись из далёких мест,
Ден не за собственные деньги
Издал «Белогвардейский крест».

Его коллега Шансединый,
Как караваи на печи,
По технологии старинной
Всё выпускает «кирпичи».

Вам не понятно это слово –
Кирпич? Я объяснить готов –
Заложены в его основу
Толстенные тома стихов!

На спор – готов к любой дуэли,
Упасть в глазах людей на дно,
Но при условии, что если
Они прочтут всё – «от» и» до»,

И пусть один хоть строчку вспомнит
И мне на память повторит!
Да что общественность?
Шанс скромный
И сам не помнит, что творит...

Жутенская жизнь

Два отделения Союзов –
Альтернативные! А чем
Разнятся, скажем, два арбуза,
Два полосатых, на бахче?

Любой писатель независим
От коллективного труда.
Поэт – тот пребывает в высях,
Прозаик не спешит туда,

Но где бы ни были ребята –
За километр или сто

По возвращении обратно
Садятся, грешные, за стол –

За стол писательский, за грубый,
Отполированный трудом,
И в тишине бормочут губы
О выстраданном, о своём.

Какая разница – кому же
В каком Союзе жить да быть?
Вот Лао-цзы, а вот Конфуций –
Им только б истину добыть!

А Коли – Ден и Шансединый –
У них одна «святая» цель –
Не потерять ещё носимый
Руководительский портфель...

Ну, ладно там, в Москве огромной,
Там есть, что делится ещё,
А вот в Жутени нашей скромной
Всё это так не хорошо...

И между кем делить? Их мало –
Тех, очленённых, там и тут –
На юге, в Хантах, на Ямале
Штыков полсотни не найдут.

Вот Дом писателей России,
А у российских есть ли Дом?
А вы его вообще просили
И не могли ужиться в том,

В котором создал ваш Мордасов
Условия для вас для всех?

«Объединяйтесь, – просят власти, –
В объединении – успех!»

И тут Равцов: «Давайте, братцы,
Я всех вас очень обожал
И обожаю... Будем браться
За дело верное – за «ЖАЛ!»

Я не зажму у вас стремлений
Быть юридическим лицом –
В организациях Жутени
Вам стану мамой и отцом.

Я ваши интересы свято,
Как воин, стану защищать,
И, что ещё скажу, ребята,
Я не кидаю вам «леща» –

Вы оба гении-поэты,
И вот поэтому у вас,
В организациях монеты,
Как день рожденья – в песне этой –
В году бывает только раз!»

И Коли в голос, то есть в оба:
«А где портфели будут, где?»
«Держите при себе до гроба
И днём, и ночью – при звезде».

«Но если Шансу всё до «фени» –
Он выше этих мелких дел,
То у меня в родной Жутени
Есть, что терять», – подумал Ден.

О, Дом писателей, ужасный!
О нём встревожился поэт:

«Вдруг ЖАЛ прикажет мне ужаться,
А там Мордасов – места нет!»

Короче, нет объединенья,
Рак, Лебедь, Щука – всё, как встарь...
Вот так проходит жизнь в Жутени –
«Аптека, улица, фонарь»...

«Возвращение к началу именуется
обретением покоя и БЕЗМОЛВИЯ»
(Лао-цзы)

P.S. О цензуре

Я не скажу про всю Россию –
Россия очень велика:
«Цензуры тоненькое сито
В Жутени есть ещё пока».

А разговоры: «Нет цензуры
В Жутени нашей» – ха-ха-ха!
Предназначаются для дуры,
Не знающей закон стиха.

Ведь даже в веке первобытном
Цензуры тяжкий молоток
(Такие прецеденты были)
Сбивал с каменьев честный слог.

И на Руси до революций
И после (это словно месть)
Народ страдал от резолюций:
«НЕЛЬЗЯ – тут мысль живая есть!»

Поэму эту запретили
Публиковать в одном из СМИ.
За простоту?
Быть может... Или
За то, что Ден – антисемит?

Всё может быть у нас в Жутени –
И Шансединый в крик: «Кошмар!
Наводит на ПОЭТА тени
Какой-то дерзкий ГРАФОМАН!»

Да и Мордасов не последний
Среди взволнованных писак –
Он Шансединого наследник,
А это всё же как-никак!

Да и Василин вам не капля
В Жутенском море, а главред!
Он тоже б мог начальству капнуть:
«Зачем печатать этот бред?»

И лишь один во всей Жутени
Прозаик Умский-гармонист
Теперь, увы, вне подозрений –
Он даже перед Богом чист!

А, может, зря я на цензуру?
Быть может, это семенит
Шагами мелочными сдуру
Редактор ЭТАКОГО СМИ?

Всё может быть у нас в России –
Осталось от СССР
И почитанье: «Ах, простите!»
И – «Не читайте ЭТО, сэр!»

СОДЕРЖАНИЕ

Бойкому поэту 4
Я думаю, как ты войдёшь 4
Скоро холод адский 4
Ты тихо постучалась в моё сердце 5
Ладонь о ладонь 6
Но жизнь принимаю и верю 6
Вот и всё... 7
Волк с вороной 8
Я был один 8
«Тихая моя родина» (Н. Рубцов) 9
За деревней Корлики 10
Растратил я свои карандаши 11
Шуточное 12
Не прав поэт 13
И гаснут, гаснут фонари 13
Природа плакала 14
Жалкое потомство 14
Как время 15
А вот теперь 15
Мираж 16
Я начал, ребята, датировать 16
На синей у неба открытке 17
Рассыпаны россияне 17
Шутка 17
Управляющему регистрационной палатой А.А. Одинцову. Заявление 18
Если обидеть, пожалуй 19
Умеем мы похуливать 19
Заявление 19
С.З. 20
Что мы в жизни этой стоим? 20
А в Касли 20
Выезжала королева 21
А так хотелось 21
Две войны 21
Я водку пил и пил вино 22
Депутату Михалко 22
Я умру, наверно, на рассвете 23
И прекрасная боль, и дорога 24
Я сочинил снег 24
Я в ожидании чего-то 24
Земля рожала Солнце 25
Шутка 26
Моя поэзия остра 26
У меня шикарный пёс 27
Уж лучше бы стихи 28
Что наша жизнь? 28
Верую свято 29
Белый сад 29
Тишина в деревне 30
Жизнь разлетается на части 30

Мы спорим, друг мой! 31
Обращается к вам 32
В глазах у нас ты не уменьшена 32
Светомузыка души 33
России 33
Плакать хочется 33
Когда мне не хватает кислоты 34
Не надо женщину бояться 34
Нет, не весёлые грехи 34
Шутка, но... 35
Москва по сравненью с Тюменью 35
Продаётся поэт 36
Зачем стремительные слёзы 36
Судьба 36
Не есть закономерность – случай 37
Ты должна меня принимать 37
Посажу я вишенку 37
Я – открытый для ветра 38
Не программируйте вы смерть 38
Я не пишу вам на сайте 39
Я – беспокойный товарищ 39
Чего ты хочешь? 39
Осень 40
В лучах утопает Россия 41
Я независим от России 42
Мои друзья, товарищи, поверьте 42
Не милости прошу у Бога 42
Даже если жена 42
Когда б я мог лукавить 43
Детство, отрочество, юность 43
Божья воля 44
Попал я в плен, в осенний плен 45
Я хитро напишу тебе 45
Люблю – по железной дороге 45
Предсказание (шутка) 46
Автопортрет 47
Есть на Руси 47
Движения – рыси 48
Валентине Ивановне (шуточное) 49
Библиотекам 50
Не надо пить 51
На тонком ветре солнечных берёз 52
Я и умру-то от тоски 52
Моя душа 53
Ничего я не значу 53
И будет жёлтая беда 54
Песня Вэйли 54
Из Евангелия 55
Комедианты 55
Солнце рассыпало лучики подхалимажа 56
Вариант 56
Володе Рукину 57

Не надо женщину бояться 58
Боже мой!....59
Хожу я вокруг да около....59
И падают травы в озёра небес....59
Как тяжело....60
Сверстникам 60
А где-то музыка играет....61
«Утомлённое солнце»....61
Шуточный сонет....61
Нам счастье всё-таки дано 62
Вот синяя картина 63
Вот два листа лежат передо мною....63
Шутка....64
Я – старый русский!....64
Выпил он, но нет вины 65
Знакомая картина 66
Я беднее церковной крысы 67
И пить перестать 67
Я мудрый Диоген 67
Свист 68
Цыганское чудо....69
Ласточка 69
Всё так, как прежде....70
Это всё экономика 71
Странная моя страна....71
В каком-то году непонятном....71
Что есть покой?....72
Иронизирующий мир 72
Затихает заснеженный день 74
Понимаешь – стихи посвящают любимым....74
Тревожный мир 75
Недоволен я собой 75
Что за печаль – найти печать....76
На разных языках 76
Глубокий воздух белизны 77
Поэты – вечные алхимики....77
Рассыпав соль, поссорился с женой 77
Отяжелела моя тень 78
Читателю....78
Путь, ведущий к цели 78
М.М. Бирман 79
Я живу на втором этаже....80
Рай России – зелёный цвет 80
За образы я не хватаюсь....80
Виртуальное чудо любви....81
Когда-то в далёкой деревне 82
Один стареющий амбал 82
Молитва....82
Слепые видения солнца....83
И лета сонный запах 83
Вы помните – быть ли, не быть ли?....84
Ты слова чужие обронила 84

Наверно, много потеряли 84
Такая тихая трава 85
Я на скользком поклоне 85
Поэзия 85
Я хочу обнять за плечи 86
Как холодно 86
Гул аэровокзала 87
Знаю, мой дорогой 87
Я стал удивительно нервным 87
Опять взлетели в небеса 88
Как убиваем мы себя 89
Любовь от меня убежала 90
Я люблю вас, хорошие люди! 90
Четыре дня 90
«Любви все возрасты покорны» (А.С. Пушкин) 91
Есть слова 91
Издевается эпоха 92
По стыкам великих эпох 92
Люди! 92
Лучше б я сегодня умер 93
Я забыл и тропинку печали 94
Н. Рубцову 94
В. Чижову 95
И пожухла трава 96
Крещение в Санкт-Петербурге 96
Эмигрантам 97
Когда товарищ Сталин 97
Встаёт Россия 98
Извини ты дурака 98
В Санкт-Петербурге утром длится ночь 99
Пять тысяч – волосы 99
Скажу – не больше и не меньше 100
Безликое время 101
Как хорошо, что я и ты 101
Семёну Нярую – ненецкому композитору 101
Туристам 102
Пусть в старости меньше соитий 102
Я, поэты, очень рад 103
Интервью 103
Скорость жизни и скорость смерти 103
А что такое сердце? 104
Прохожая 104
В.М. Волчек 105
Нет ни чуда, нет ни юда 105
Маленький Иисусе 106
Странный сон 107
Дураки и дороги 107
Странные сны Петербурга 108
Дочери 108
Ты пишешь так легко и так свободно 109
Я рождаюсь каждою секундой 109
«Я скажу: «Не надо рая...» (С. Есенин) 110

Предкам 110
Я, увы, сегодня старый 110
Я против слова «онанизм» 110
Исповедь 110
Что такое – любить деревню 111
Если человек – это книга 112
А я подумал: «Это не беда» 112
Весна спросила у Зимы: «Не ты ли...» 112
Уже давно заброшено 113
Шуточное 113
Радостью солнечной весь я 113
Песня о Хозяине, Белой кошке и Чёрной мыши 114
Мир – сочетанье зла с добром... 115
Я поэт-комедиант 116
Корова улетела в облака 116
Я хотел бы умереть 117
Я плевать бы хотел 117
Тянутся дни пораженья 117
А я не верю, будто Пушкин 118
К нам приехал человек 118
НТР 119
Из обломков юношеских сил 119
С. Нярую – первому ненецкому композитору 120
А я люблю тебя, Ямал 121
Эх, промчаться бы мне если 121
Политика, прокладка, дама 122
Каждому живущему дано 123
Думаешь, открываешь Америку 124
Под Нью-Йорком, а может, под Плевной 124
Я не вижу в свисте смысла 125
Развелись в России лохи 125
«Быть знаменитым некрасиво» (Б. Пастернак) 126
Эта птичка? Вот в горсти! 126
Я не верю – навеки погасли 127
Разведу руками 127
Куда сейчас поеду я 127
Чиновникам – слава! 128
Солнечная радость бытия 128
Увы, изобразить мессию 129
Я понимаю так, что всё не так 129
О женщины любимые мои! 129
Е. Сусой – вдове ненецкого поэта Леонида Лапцуя 130
Рождение берёзовой рощи 130
О собаке 131
Чуть заикаясь от восторга 131
Пусть грусть 132
Я умру хорошей смертью... 133
Ах-ах! 133
В тени от пули 133
Женщина смеётся – она ли не счастлива? 134
Повеселиться б 134
Строганина 135
Воры 135
..... 136

P.S. 137
Я – Марласов Анатолий 137
Верующим, о Аллах! 138
И я представил – стая птиц моих 139
В возрасте Иисуса Христа 139
А.С. Никитину 140
Понемножечку – пять граммов 140
Земля моя живёт легендой 141
Что рассказать вам о Ямале 141
Никуда меня не денешь 142
Ах, как завьюжила пурга 143
Кто сказал, что в чуме тесно 143
Преподобие любви 143
Спрошу как можно искренно 144
Синяя птица солёного моря 144
Анатолий Кашпировский 145
Ради сотен дорог 145
Будут у дочурки – у Ирины 146
Как хорошо бы – жить да жить 146
Что наша жизнь? 147
Сон 147
Тяжело быть луной 148
Душа людская не пуста 148
Моя любимая жена 148
Эй вы, горе и беда 149
Я убеждён 150
Луна, как косточка из пальцев 150
Как дождь зелёный с высоты 150
Из китайской поэзии 151
Взаимоотношения 151
На душе моей такая слякоть 151
Случайностью слепой храним 152
Есть простота в тревожных линиях 152
Я тронут равнодушием невольно 152
Остроконечная стрела 152
Вопросы праздные 153
Светло и чисто на душе 153
Ночь захлопала ушами 154
Девятый вал 154
Мне хотелось подняться и выйти 155
Я верю, что мир наш светел 156
Колобок 156
Что за профессия – поэт? 157
Ирине Мар 157
Когда шахматные фигуры 158
Печально это состояние 158
Геннадию Райшеву 158
Он разучился быть орлом 159
Когда вы в тарелку 159
Белый конь 160
Мария-Анна 160
В душе темно – и ни души! 162

Я ничего не понимаю 162
В моей судьбе впечатан Север 163
Ань торово 163
Тропинка 163
Какие-то странные сны 164
Обошёл я пол-России 164
Непонятен я и странен 165
Сейчас так модно – сохранить природу 166
Горе Машук 166
После болезни 166
Сорок лет 167
Мелодия 168
Художники, я вам дарю пейзаж 168
Гимн Югре 169
Праздник солнца 170
Обмелеет к осени река 170
Над Салехардом стонут чайки 171
Моя любимая жена 171
Девичья песня 172
Сонет 173
Печататься – не значит быть поэтом 173
Стихи на салфетке 174
Читать стихи, как в боль свою поверить 174
Стих лет прошедших ты не вороши 175
Мне говорят: «Давай в печать!» 176
Всю жизнь 176
Ждёт небо дождя или снега 176
Как возвращаются к старому колодцу 177
Я верю в будущее это 177
Убегая от моря 177
Воробей 178
Шуточное 179
В.И. Чижову 180
Молитва 180
Я запрячу грусть свою 181
Для детей писать дано 181
Помяните, берёзы 181
Россия – есть чудная 182
Я буду жить прекрасно и светло 182
И вот уехала она 183
Зачем мне эта музыка 183
Я постигаю солнечную суть 184
Весной 184
Ветер 185
Не увернуться, не уйти 185
Дубликат 186
Я чувствую 186
Может, и устали вы 187
Плотник, истый сталинист 187
Путник 188
Когда однажды в поисках ответа 188
Сурова – сизая зима 189
Мысль билась птицей в клетке головной 189

Есть яркая бесчувственность огня 190
Я с любыми «измами» на ты 190
Под окном собачка плачет 191
Нет! Я не пью, но вы мне надоели 192
«В горнице моей светло» (Н. Рубцов) 192
Ялуторовск 193
Я в ожидании чего-то 194
Кисловодску 194
Куда мы катимся, куда 195
Из-за моря-океана 195
Одинокая страна 195
На покровительство правительства 196
Когда же, ответьте, иссякла 196
Небо чёрное окно 196
Если бы меня спросили 197
Зашумели леса белым взрывом берёз 197
В Тоболе отражаются кресты 197
Срываются звонкие листья 198
Один колодец неглубокий... 198
О Вселенная! 198
Из черепа, из черепа 199
Тремя пальцами 199
Философичность... Это склад ума 199
Яхта летит по касательной 200
Ах, зачем ты невпопад 200
То мрачнеем, то грохочем 200
Нам осенью было чудесно 201
Я вас, родная, не обижу 201
Мы не венчаемся с тобой 201
Сторона моя пустая 202
Разрывая счастье – на части 202
Теперь тебе, родная, не поверю 202
Вот и всё 203
Так неожиданно и властно 203
Зашелестят мои тревоги 203
Приникая к солнечному звуку 204
Для меня и ты померкнешь ведь 204
Под солнечными паутинками 204
Ох, темно! Я не узнаю 205
Ах, как меня жизнь обманула 205
Жил-был добрый человечек 205
Мне нравятся эти Чубайсы 206
Что счастье и беда 206
И вот опять штрихи, штрихи 206
Кого я жду, кому я нужен 207
Пойти — и не вернуться 207
Сегодня – патриот 207
А если бы меня спросили 208
Ну почему страна такая 208
Я люблю свою деревню 208
Так хочется писать стихи 209
Мы все когда-то кукарекали 209
Мы живём в безразличном пейзаже 209

«Слепой» дождик 210
Не стоял коленопреклонённо 210
А стихи рождаются для счастья 210
Да дело не в этом, ребята 211
«Вначале Бог сотворил небо и землю» (Из Библии) 211
Так мне хочется раскрыться 211
P.S. 213
Студенты – предчувствие тайное 213
Есть две войны 213
Прислушиваясь к душедвиженьям 214
Исчез прекрасный снегопад 214
Понимаю ли смысл разницы 215
В сонном отзвуке страстного звука 215
Изумительное хамство 215
Я – поэт... 216
Нигде не слушают меня... 216
Если бы меня назначили 217
Так хотел я тебе позвонить 217
Алфавит от А до Я 217
Я живу в углу медвежьем 218
Я такое вытворял 218
Когда надежда улетит 218
Ты ждёшь – начнёт поэт, певец измен 219
Говорю тебе искренне я 219
Куда бы уехать, сорваться 219
Как тяжело на сердце, тяжело 220
Мир наш – антистатичен 220
Чем праздник отличается мужской 220
Я петь хочу – и я пою 221
Новый русский говорит 221
Антону Шароеву 222
Тяжело быть луной 222
И пить перестать, и курить перестать 222
А любви моей-то лепета 223
У каждого в семье 223
Ты, как солнца буйный свет 223
Зелёный домик (песня) 224
И звезда упала 225
Кто-то машет дирижерской палочкой 225
Я улечу в страну Улетанию... 226
Я смерть готов принять без лишних слёз 226
Поверьте 227
Мастер 228
Объединяют род людской 229
В.З. Коревицкому 229
И зёрнышко карандаша 230
Навек 231
Обком 231
Вначале было слово 232
Мечта 233
Морозный обморок берёз 233
Сын пекаря 234

Родство 235
И вот мой двор, и вот моя калитка 236
Владимиру Шмакову 237
И музыка тревожная, как вьюга 238
Во Владивостоке 239
На Родине 240
Весна 241
Дел – невпроворот 241
Я – словно дом, который опустел 242
Под новый год 243
После тяжёлой болезни 244
Не грянет грома громкий окрик 244
Я знаю 245
Юношеское воспоминание 245
Кошка 247
Когда-то женщина мне приснилась 248
Я лицом повернусь к закату 249
И если синий свет луны мне дорог 250
Л. Печалиди – сестре 250
Я обнаружил море за окном 251
Куропаткино село 252
Как прекрасна северная осень 253
На губе на Обской 253
В столице 254
Всю жизнь свою 255
Мэру города Салехарда 256
Серебряный олень 256
И эта речка, там, внизу 257
А. Решетову 257
Всё тише сны 258
Осторожный человек 259
Рассыпал соль 260
Я – одинокий по натуре 261
Влюбился телеграфный столб 261
В рекламе пива я актер приятный 262
Свою жену 262
Когда штаны снимаю 263
Я, конечно, ошибался 263
Я, наверно, ослепну 264
Я знаю – когда-нибудь сердце 265
Однажды Пульс меня ославит 265
Я знаю – жизнь беднее будет 266
Вопросы 267
Вот огромный человек 268
Вот и солнце закатилось в облака 269
Пред водоёмом глаз твоих 269
Куда исчезают звёзды днём? 270
Никогда в таланты я не метил 271
Три метра 271
Сон 272
Где наши корни? 274
Ироническая поэма «Литературная Жутень» 285

Анатолий Марласов

ИЗБРАННОЕ

Стихи

Ответственный за выпуск Л.Р. Нурутдинова
Технический редактор Е.И. Табачникова
Оператор верстки Е.А. Перцева
Корректор И.Х. Ачибакиева

Подписано в печать 19.06.2014 г. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура PetersburgC. Печать офсетная.
Усл. п.л. 18,6. Тираж 1000 экз. Заказ 83.

Отпечатано в ОАО «Издательский дом «Новости Югры»
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 46,
тел.: (3467) 33-37-25,
e-mail: holding@ugra-news.ru

249-00

008652015
Государственная библиотека Югры

ISBN 978-5-4422-0047-8